

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КОЛДОВСКИЕ КОЗНИ В ЦАРСКИХ ПОКОЯХ

Как Романовы боролись с ведьмами

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

РУССКИЙ МИР

04 В ожидании суда

НАСЛЕДИЕ

26 Потрясенный реальностью чуда

32 Первая артистка мира

ИСТОРИЯ

06 Время ведьм.
Первые Романовы

20 Сентиментальный русофоб

12 Петр I и заговоры белых роз

МУЗЕИ

40 Ворота в омскую историю

СИТУАЦИИ

48 Арктический пони

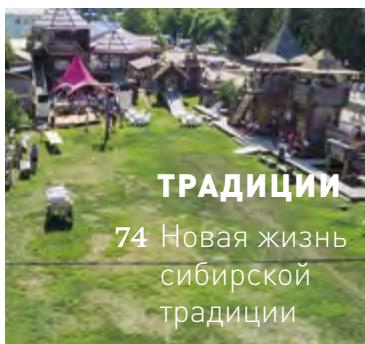
КУЛЬТУРА

58 Снетогорское чудо

РЕПОРТАЖ

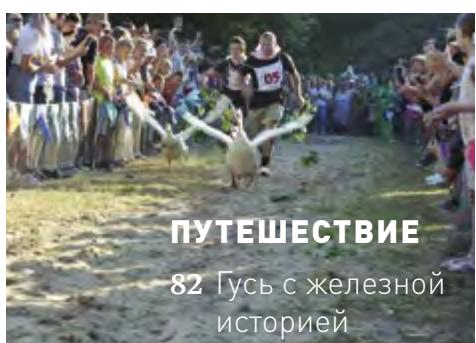

66 Уединение в Усени

ТРАДИЦИИ

74 Новая жизнь сибирской традиции

ПУТЕШЕСТВИЕ

82 Гусь с железной историей

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

90 Переселенцы

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА

Алла БЕРЕЗОВСКАЯ

Александр БУРЫЙ

Максим ГУСЕВ

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Зоя МОЗАЛЁВА

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Денис ХРУСТАЛЁВ

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д.13, корп.2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели Бушуевой

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»	ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества
САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству		

В ОЖИДАНИИ СУДА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

СОСТОЯНИЕ ШКОЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛАТВИИ ЕЩЕ В ПРОШЛОМ ГОДУ МОЖНО БЫЛО НАЗВАТЬ «КОМАТОЗНЫМ». УВЫ, «БОЛЬНОЙ» ИЗ КОМЫ ТАК И НЕ ВЫШЕЛ. А У ЕГО ПОСТЕЛИ УЖЕ СОБРАЛАСЬ «ПОХОРОННАЯ КОМИССИЯ» ДЛЯ ОТКЛЮЧЕНИЯ ОТ КИСЛОРОДА...

ПРОТИВОСТОЯТЬ ЭТОМУ ВСЕМИ законными методами готовы латвийские правозащитники и Сообщество родителей Латвии, которые уже несколько лет борются за отмену школьной реформы-2018. Напомним, в соответствии с ней 80 процентов предметов в школах нацменьшинств, включая частные, должны преподаваться на государственном языке. Уже два года 300 родительских исков из Латвии, поданных против этого решения, ждут рассмотрения в ЕСПЧ.

ЗАМЕНИТЬ, ЗАПРЕТИТЬ, УБРАТЬ

Тем временем в стране решили еще больше закрутить гайки и угомонить этих «непокорных русских»: латышские политики заговорили о смене русских названий улиц Риги – Пушкина, Ломоносова, Гоголя, Келдыша и даже Сахарова. Всем им теперь подбирают другие имена. А недавно было принято безобразное решение о сносе 69 военных памятников, в том числе мемориала Освободителям Риги от нацистов – одного из крупнейших в Европе. Но и о дошкольных и школьных учебных заведениях нацменьшинств по-прежнему не забывают.

С прошлого года в школах нацменьшинств количество уроков русского языка и лите-

ратуры сократилось до трех в неделю. Сейчас это один предмет – язык и литература нацменьшинства. Программа урезана до минимума. Но и этого горе-реформаторам показалось мало: с 28 февраля 2022 года в Сейме Латвии рассматривается законо-проект, предусматривающий полную ликвидацию образования на родном языке в основной школе. Все протесты правозащитников, напоминающих о необходимости соблюдения статьи 114 Конституции Латвии о правах нацменьшинств, а также обращения в Конституционный суд республики были оставлены без внимания. Законопроект, предполагающий полный перевод всех ступеней образования на латышский язык, неумолимо продвигается. И это несмотря на то, что в апреле в ходе общественного обсуждения новых поправок к закону «Об образовании» около 4 тысяч человек (что небывало много для Латвии) в письменном виде дало им негативную оценку. К тому же, как напомнил властям Латвии председатель Латвийского комитета по правам человека Владимир Бузаев, в то время, когда на рассмотрении в ЕСПЧ и Комитете по правам человека ООН находится «реформа-2018», недопустимо принимать еще более жесткие поправки к закону «Об образовании».

Гражданские активисты и родители Дэги Караев и Юлия Сохина не только сами отправили иски в суды Латвии и Европы в защиту русского образования, но и лично принимают участие в заседаниях депутатских комиссий по образованию

За спасение остатков русского образования в школах не первый год бьется мать троих детей, председатель Сообщества родителей Латвии Юлия Сохина. «Я была в числе тех родителей, которые обратились с исками в ЕСПЧ, нынешней весной мы подали жалобы в Конституционный суд Латвии на незаконное сокращение в школах уроков родного языка и литературы, которые решено сделать необязательными предметами. По моему мнению, родной язык должен быть основополагающим предметом в школе, – считает Юлия. – С русским языком связано развитие идентичности ребенка, его грамотности, умение четко и понятно излагать свои мысли. На лучших образцах русской классики детей учили аналитическому мышлению и базовым нравственным ценностям. Сегодня наших детей варварскими способами вырывают из русской среды и русской культуры. Как можно с этим смириться?» К сожалению, не все родители осознают ценность образования на родном языке, им кажется достаточным, что ребенок дома будет говорить по-русски, а учиться можно и на латышском. Но это может привести к смене менталитета, дети начинают отстраняться от родителей, а то и стесняются их. Это огромный стресс, последствия которого непредсказуемы. Именно поэтому международные эксперты настоятельно рекомендовали Латвии сохранить для детей нацменьшинств возможность обучаться в основном на родном языке. Только тогда из ребенка может вырасти психологически устойчивая и всесторонне развитая личность. Но, похоже, это совсем не входит в планы местных властей.

ГРУБАЯ ПРОФАНАЦИЯ

Что сейчас происходит в школах нацменьшинств? Об этом мы попросили рассказать преподавателя литературы, организатора Тотального диктанта в Латвии Александра Филяя.

– Александр, как вы отнеслись к сокращению уроков родного языка?

– Следует отметить, что русский язык и русская литература уже давно стали одним предметом в основной и старшей школе, что противоречит педагогической практике. Это два разных предмета. Язык – это грамматика, синтаксис, правописание, пунктуация и так далее. Литература – это душа. Через литературу передается культурное наследие, формируется восприятие высокого художественного слова, дети учатся постигать мир. Сведение родного языка и родной литературы в один предмет – это грубая профанация.

А сокращение часов русского языка для учеников пятого-двенадцатого классов еще и грубейшее нарушение прав человека. Фактически детей, родителей, учителей заставляют смириться с тем, что они не будут полноценно знать русский язык. То есть это принуждение к ассимиляции. Ребенком, который не знает родную культуру и не имеет полных представлений о ней, легко манипулировать.

– Но как можно изучить русскую литературу, если ей посвящен только один или два урока в неделю?

– Мы стараемся полноценно изучать русскую литературу. Проходим русских классиков. Конечно, два урока вместо пяти в одиннадцатом классе – этого недостаточно. Но мы обязательно должны ознакомиться с краеугольными шедеврами русской литературы. Это – культурный код, историческая память, основы русского мировоззрения. Русская литература XIX века – это патриотизм и христианство. Две наши главные основы. Это благодатнейшая почва для размышлений, особенно для молодых людей, которые учатся в старшей школе.

– Занимаясь с внуком-школьником, я обратила внимание, что ребята почти не учат наизусть стихи русских классиков, на которых выросли мы, и их родители. Хотя на латышском языке учить наизусть задают довольно много. Да и сочинений в классах, по-моему, сейчас не пишут?

– Зависит и от учителя тоже. У меня дети в разных классах пишут сочинения и учат стихотворения на русском. Нет ничего плодотворнее в практике преподавания литературы, чем написание сочинений и изучение «вечных» русских классических стихотворений. На мой взгляд, литература – самый главный предмет в школе независимо от возраста ученика. И здесь дело не в пресловутом противостоянии «физиков» и «лириков». Полагаю, любой выдающийся математик, физик, химик, биолог, естествоиспытатель, инженер – это в первую очередь литературно образованный и гуманитарно просвещенный человек. Это очень глубокие вещи, эти явления тесно связаны между собой. Мы не можем искусственно оторвать одно от другого.

– Но сейчас латвийские политики готовятся изгнать русский язык и литературу из расписания обязательных школьных предметов. Зачем?

– Это как раз понятно – для того, чтобы ассилировать русских. Или заставить их уехать, лишив права на родную культуру, права на знание. Борьба с культурой, с родным языком, с мировоззрением – это мракобесие. И здесь любые формы сплочения, объединения русских в Латвии приветствуются.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Александр Филай, учитель русского языка и литературы

Массовые акции протеста первой школьной революции, 2000–2004 годов, были хороши для своего времени. Получили передышку. Теперь, надо признать, другое время. Трудно добиться выхода десятков тысяч человек на улицы. Изменилось сознание людей, форма организации жизни. Протестность сегодня поглощается Интернетом, боязнью перед неприятностями. Это тонкие вопросы социологии. Но надо искать другие методы. Бороться на международном уровне, обращаться в европейские и международные суды. Но главное – быть едиными. Это самое важное.

МОЛЧИ, ГААГА!

Как только в Латвии началось обсуждение новых жестких поправок в закон «Об образовании», председатель Сообщества родителей Латвии Юлия Сохина и правозащитник Владимир Бузаев обратились

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На Региональном форуме ООН по Европе и Центральной Азии, посвященном 30-й годовщине принятия Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, удалось поговорить о ситуации с образованием в Латвии с Верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств Кайратом Абдрахмановым

к Верховному комиссару по делам национальных меньшинств ОБСЕ Кайрату Абдрахманову с просьбой вразумить латвийских реформаторов, решивших в ускоренном режиме уничтожить в стране русское образование. Верховный комиссар ОБСЕ отправил из Гааги председателю латвийского Сейма обращение, в котором указал на негативные последствия проводимой школьной реформы и нарушение международных норм. По словам Бузаева, комиссар отметил важность образования на родном языке и подчеркнул, что лишение детей их родного языка может в результате навредить той цели, к которой стремятся власти Латвии – повышению уровня владения государственным языком. Он также отметил необходимость проведения консультаций и учета мнений представителей национальных меньшинств.

Но Латвия уже давно отмахивается от мнений международных правозащитных институтов, ссылаясь на их рекомендательный характер. Вот и на этот раз Министерство юстиции подготовило очередной ответ Гааге. По мнению властей, русские в Латвии не являются национальным меньшинством, это якобы группа людей, называемых «мигрантами советского времени». Нелепая идея, если учесть, что русские живут на территории Латвии уже почти десять веков! Да и на приехавших в советское время должны распространяться базовые права человека, с чем сейчас в стране серьезные проблемы. Также в ответе со ссылкой на преамбулу к Конституции республики указывается, что Латвия является национальным государством латышской нации. Но это утверждение не соответствует ни исторической правде, ни современным реалиям. К тому же речь идет о преамбуле, которая сама по себе не является статьей Конституции. Кроме того, в ответе Минюста много говорится о необходимости укреплять и распространять латышский язык, с чем никто и не спорит. Только зачем же это делать за счет русских детей? Минюст заверяет ОБСЕ, что национальные меньшинства смогут изучать свой язык и культуру в рамках образования по интересам. Но при этом не уточняется, будет ли это доступно всем детям и в каком объеме. А учитывая русофобский фон, царящий сейчас в странах Балтии, на веру принимать эти слова никто не готов.

Как бы там ни было, родители не спешат отказываться от борьбы за будущее своих детей. Правда, некоторые уже приняли решение об отъезде из Латвии.

Говорят, обещанного три года ждут? Иски от родителей из Латвии были приняты к рассмотрению в 2020 году...

ВРЕМЯ ВЕДЬМ. ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ПЕРВОГО ИЗ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ, МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА, ВЕНЧАЛИ НА ЦАРСТВО 11 ИЮЛЯ 1613 ГОДА. НАРОД ПРИСЯГАЛ НОВОМУ МОНАРХУ, ОБЕЩАЯ НЕ ПОМЫШЛЯТЬ О ПОРЧАХ И ДУХОВНОМ ВРЕДЕ, НО СДЕРЖАТЬ КЛЯТВУ СМОГЛИ НЕ ВСЕ. ИСКУСЫ ТЕРЗАЛИ СЛАБОВЕРНЫХ.

ТЕКСТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ подкрестной записи царю Михаилу не сохранился, но есть та, что относится к 1627 году: «Яз, имярек, целую крест Господень... служить мне ему государю своему, и прямити и добра хотети во всем в правду, безо всяких хитростей, и ево государева здоровья мне во всем оберегати, и никакого лиха ему государю не мыслити... ни на какие прелести не прелститца, и ни в чем мне ему государю своему не изменити никоторыми дели и никоторою хитростью...» Это, можно сказать, общая основа – для всех. Но у этой клятвы имелись варианты прибавлений («приписи»), предназначенных для соответствующих служб. Так, для казначеев важно было поручиться за безопасность платя и прочих одежд: «ни в чем лиха никакова не учинити, и зелья и кореня лихово в платье и в иных ни в каких ево государевых чинех не положити, и иному никому мимо себя лихово зелья и кореня ни во что положити не велети».

Похожее прибавление у стряпчих. А у казенных дьяков внесены уточнения по видам ткани и украшениям: «в платье и в бархатах и в камках и в золоте и в селе и в шолку и во всякой рухляди и в ином ни в чем зелья и

кореня лихово не положити, и никому мимо себя положити не велети, и государя своего ничем не испортити...» В свою очередь, у стольников указаны блюда и напитки. Все очень конкретно. Прежде всего речь о колдовстве – порче посредством зелий и корений, то есть отраве, хотя и не только. Для придворных это было чуть ли не главным.

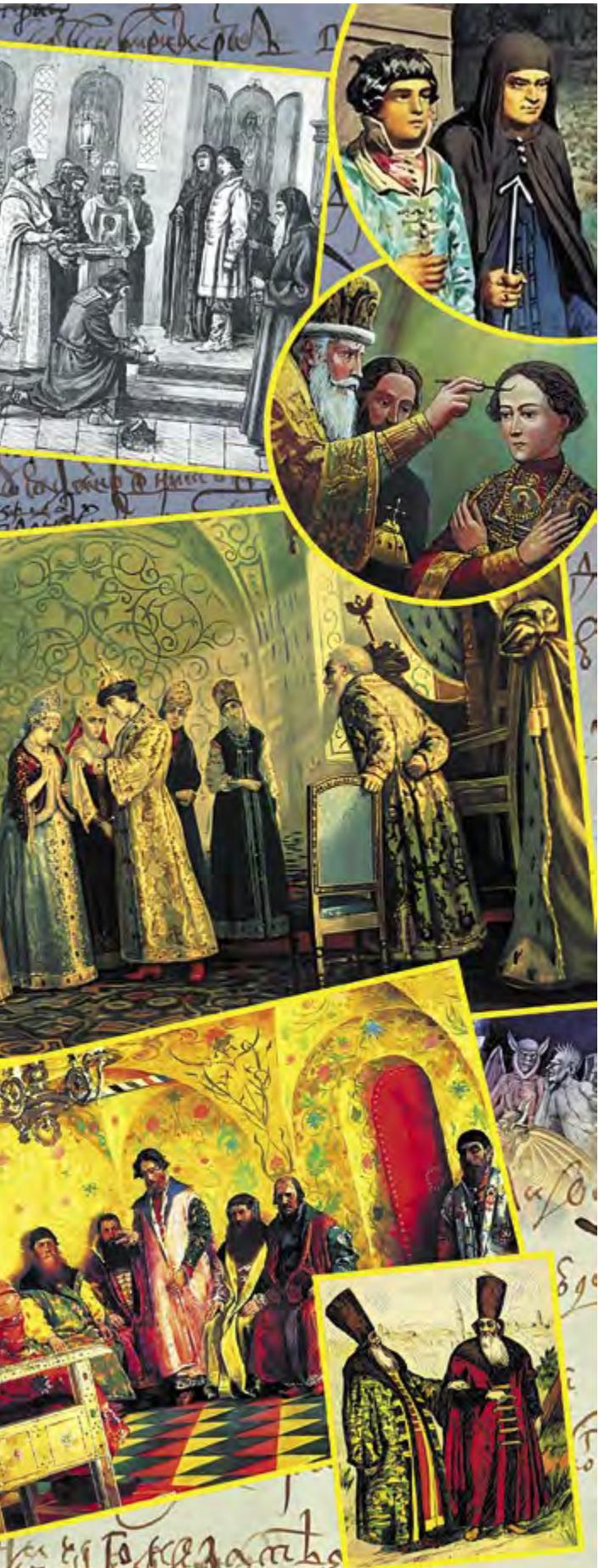
СВАДЕБНЫЕ МУЧЕНИЯ

Сейчас принято писать, что Смута закончилась в 1613 году. Но это, конечно, только для учебников. Речь идет о переломе, но не о финале. Еще шла война с Польшей, а на новгородских землях хозяинчили шведы. Вплоть до 1619 года отец Михаила Федоровича, патриарх Филарет (в миру Федор Никитич Романов), оставался в польском плену. При 17-летнем государе из близких была только мать – инокиня Марфа, которой помогали ее родственники Салтыковы. Но уже приходилось принимать решения – судбоносные для страны и важнейшие для династии. Видели уже, как не смогли удержать трон Годуновы, а затем Шуйские. Борис Годунов правил почти семь лет, но не смог передать корону наследнику, Василий Шуйский царствовал четыре года и наследников вообще

не имел. Предшественники Романовых показали плохие примеры. Так что основатели новой династии понимали: важно было не только удержать власть, но и обеспечить ее преемственность.

Однако Михаил Федорович пока был не женат и детей у него до сих пор не было. Первую попытку исправить ситуацию предприняли в 1616 году. Царю предложили выбрать невесту. Состоялись смотринны – «обиранья». Со всей страны съехались красавицы. И повезло. Государь влюбился. Его избранницей стала дочь московского дворянинаМарья Ивановна Хлопова. Ее родных и родственников пригласили во дворец – «в Вверх», к Рождеству на сени (галерея, пристройка к Рождественскому собору). Михаил встретил их в передней и объявил, что «произволил взять себе для сочетанья законного брака Иванову дочь Марью, а их родственницу». С этого момента они стали «к государю близко» – стали своими людьми, могли свободно ходить во дворец к нареченной невесте, которую разместили в теремах на царицыной половине. Невеста получила новое имя – ее нарекли Настасьей, вероятно, в память царской бабки, Анастасии Романовой, любимой супруги Ивана Грозного, сведенной по колдовству Избранной рады: «И молитва наречению ей была, и чины у ней уставили, как к самой царице; и дворовые люди крест ей целовали, и на Москве, и во всех епископьях Бога за нее молили». Это случилось 16 мая 1616 года. Фактически дело было решено, и Хлоповы должны были выдвинуться на первые роли при дворе. Все шло хорошо. Еще 9 июня невеста обменялась подарками с будущей свекровью. Но потом случилось неладное. Нареченная царица стала недомогать, ее «рвало и ломало нутр и опухль была», «а была ей блевота не вдруг, сперва было дни с три и с четыре, да перестало, а послы того спустя с неделю опять почала блевать». Вызвали докторов, те выписали какое-то лекарство, но, кажется, в окружении невесты его испугались. Марья-Настасья лишь при-

лагалась ко кресту и продолжала «пити воду святую от мощей». Также дали ей толченый камень безоар – специфическое инородное образование в желудке жвачных животных, считавшееся универсальным противоядием. И помогло. Но слух о том, что будущая царица околдованы, уже запустили. Впоследствии выяснилось, что к интриге были причастны двоюродные братья царя Салтыковы – Михаил и Борис. Первый был кравчим, и через него проходило снабжение продуктами царицыной половины дворца. Через него же передавали лечебные снадобья. Он же, якобы полагаясь на данные доктора Валентина Бильса, доложил царю: «дохтуры болезни ее смотрели и говорили, что в ней болезнь великая, излечить ее неможно и живота [жизни] ей долгого не чаять; что такою болезнью была больна на Угличе женка и жила всего с год и умерла; и дохтур сказывает, что Марыи излечить нельзя».

Историки считают, что с появлением при дворе Хлоповой Салтыковы испугались за свое положение и стали строить козни. Кроме того, они как-то склонили на свою сторону мать государя – инокиню Марфу. В итоге подговорили и некоторых бояр. Для разрешения проблемы созвали большой совет. Дядя невесты Гаврила Хлопов заявлял, что болезнь временная и скоро пройдет, но его не слушали. Соборно постановили невесту из дворца «сослать» от греха подальше. Через два дня после удаления «с Верху» Марья-Настасья полностью излечилась и более ничем никогда не болела. Но было поздно. Через 10 дней ее вместе с бабкой, теткой и двумя дядьками Желябужскими отправили в Тобольск. Родителей бывшей невесты определили в Вологду. После шести недель сватовства брак распался, повергнув в печаль 20-летнего царя.

Годы для страны и едва утвердившейся династии были нелегкими. Только в 1617-м подписан мир с Швецией, а в конце 1618-го – Деулинское перемирие с Речью Постолитой. 14 июня 1619 года из польского плена вер-

нулся отец царя – патриарх Филарет. Он довольно быстро забрал в свои руки нити управления государством и обратился к вопросу укрепления трона, то есть бракосочетанию сына и появлению наследников. Наиболее предпочтительными считались браки с представителями королевских семей соседних государств. Были рассмотрены варианты из Литвы, Дании и Швеции. Все они по разным причинам не сложились. И к 1623 году Михаил Федорович упросил родителей вернуться к его первоначальной суженой – Марье Хлоповой. Патриарх встал на сторону сына и организовал расследование событий семилетней давности. Были допрошены врачи Бильс и Салтыковы. Выяснилось, что Бильс никаких критических заключений о здоровье невесты не давал и все выдумали Салтыковы, которых теперь настигла законная опала.

Хлопову к тому времени уже вернули из Сибири, она проживала с родителями в Нижнем Новгороде. 21 сентября 1623 года туда отправили большую комиссию, в которую входили три заморских специалиста – врачи Артур Ди, Бильс и некий Балсыр Яковлев. Им надлежало удостовериться в самочувствии девушки. Заключение было таким: «Марья Хлопова во всем здорова». Царь возрадовался, но дело опять застопорилось. Отец был согласен, однако уперлась инокиня Марфа. Она отказалась благословить молодых: во-первых, верила в давнюю порчу и, во-вторых, считала, что если уж в первый раз ничего не сложилось, то на то божья воля. Злые языки судили, что Марфа мстила за своих родственников Салтыковых, которые, кстати, вскоре из ссылок вернулись. Михаил Салтыков в 1641 году получил даже боярство и прожил долгую жизнь, встретив старость накануне рождения царя Петра – он умер в 1671-м. А Марья Хлопова осталась в Нижнем, где умерла около 1633 года – безвинно опороченная, но не сломленная. Колдовство разрушило ее благополучие с царем, но не победило ее лично.

Однако Михаил Федорович вскоре все-таки женился. Его избранницей стала тоже Марья – дочь князя Владимира Тимофеевича Долгорукова. Кажется, ей благоволила мать царя. Поговаривали, что сам Михаил был не слишком доволен. Свадьба состоялась 19 сентября 1624 года. В первый день были «веселия», а на второй день царица «обретется испорчена»: «Грех же ради наших от начала враг наш диявол, не хотя добра роду христианскому, научи диявол человека своим диявольским научением и ухищрением, испортиша царицу Марью Володимеровну. И бысть государыня больна».

Проболев пять месяцев, она умерла 6 января 1625 года. Опять бессовские ухищрения не позволили молодому царю обрести счастье, а династии – продолжение. Снова на пути встало колдовство.

Только с третьей попытки молитвами святых отцов все сложилось. Романовы были спасены через тринадцать лет после воцарения. 29 января 1626 года супругой царя была избрана дочь незнатного дворянинаЕвдокия Лукьяниновна Стрешнева. За три дня до свадьбы ее ввели во дворец, «в Верх», а у дверей поставили караул, который бессменно несли родные братя невесты – чтоб никто не испортил. Кроме того, она отказалась принимать новое имя, Настасья: ее предшественницам оно удачи не принесло. И все сложилось. Царь обвенчался с Евдокией 5 февраля 1626 года, и вместе они прожили долгую жизнь.

КОЛДОВСКИЕ КОЗНИ

Процитированная выше присяга государю была составлена в 1627 году – именно в связи с царским бракосочетанием и намерением обезопасить новую чету, от которой зависела судьба страны. Но Враг рода человеческого не прекращал своих атак. Колдовские дела сопровождали все правление Михаила Федоровича.

30 января 1635 года золотошвейка царицы Антонида Чашникова случайно выронила платочек, из которого выпался корешок – «неведомо какой». Дело было в Кремлевском дворце на царицы-

ной половине в общей палате, где работали мастерицы. Умелицы-подружки Фекла Черепова и Прасковья Ваулина тряпичку с содержимым подхватили и отнесли государыне на дознание. На следующий день дьяку Сурьяну Тараканову было поручено провести сыск «на крепко». Он начал с допроса Чашниковой. Та пыталась откреститься. Тогда ей пригрозили пыткой, после чего она созналась: «Ходит де в Царицыну слободу в Кисловку к государевым мастерикам к Авдотье Ярышкине и к иным жонка, зовут ее Танькою. И она де той жонке била челом, что до нее муж лих, и она ей дала тот корень, который она выронила; а велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет муж добр». Таньку схватили. На очной ставке она подтвердила, что корень дала, но не согласилась с тем, что ходит к другим мастерикам. Так через пять дней дело доложили царю, но результат его не устроил.

Михаил Федорович приказал отправить интриганок к пытке и дознаться «подлинно», поскольку они уже меняли показания и веры им не было. Ведь «если и действительно она пыталась у той жонки избавиться от лихова мужа», то Антониде «по своему воровству» следовало «тот корень держать у себя на подворье, а к Государю во дворец его носить не пригоже». И «коли она тот корень принесла» в царские палаты, то «для чего принесла и по какому умышлению?» Хотела ли портить детей царских, или государя, или царицу? С кем у нее говор?

Вечером 5 февраля 1635 года бабы пытали, но ничего нового не добились. Ведьм изобличили, но поскольку на царя покушения выявлено не было, то жизнь им сохранили. Муж и жена Чашниковых были сосланы в Казань «за опалу в ведовском деле», а Таньку вместе с мужем Гришой Плотниковым – в Чаронду, откуда им в Москву переезжать запретили, «потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытки сама на себя в ведовстве говорила».

Колдуны не справились, и Бог миловал. Но через несколько лет при дворе опять случился заговор.

В ноябре 1638 года несколько мастериц поссорились из-за какой-то пропажи. Заподозрили Марью Сновидову, сестра которой, Домна Волкова, обратилась к ее мужу, чтоб тот «жену свою поучил гораздо», а потом и сама хотела «выучить ее в светлице перед всеми мастерицы, чтоб она впредь не дуровала». Но Марья заявила о своей невиновности и обвинила в клевете мастерницу Дарью Ламанову, а кроме того, сказала: «да будет известно» («инде и то будет наружу»), что та «на след Государыни Царицы сыпала песок!». Фактически речь шла о государственном преступлении, поскольку запрет на подобные магические ритуалы оговаривался в подкрестной присяге. Услышав это, одна из мастериц – а дело было в общей палате для работ, – Авдотья Ярышкина, возмущившись, хватнула доносчице плетеным батогом по голове, крикнув: «Не ври, жидовка! Как ты такие слова говоришь?! Пропадет из-за них голова твоя!» Но Марья осталась при своем, а потом вместе с подружкой Степанидою Арапкою составила письменный извет на Дарью. Там она помимо всего прочего упомянула, что во дворец к Ламановой захаживала какая-то неизвестная женщина.

Розыск поручили Стрешневу и Тараканову. На обвинения Дарья отвечала, что приходила к ней золовка, а водила она ее к себе, только чтоб медом угостить, и ничего на след государыне никогда несыпала. Но сыщикам было поручено дознаваться «на крепко» и пытать. Ламанова продержалась недолго, заплакала и начала виниться: «что будто на след Государыни сыпала песок, перед Государем и перед Государынею виновата, нечто де будет то слова она подругам своим молвила сопьяна и в том де волен Государь и Государыня Царица». Злодеяние было выявлено, но на том дело только началось.

Затем допрашивали Степаниду Арапку. Та сообщила, что Дарья звала ее как-то с собою за Москву-реку к той самой ведьме, что обеспечила злодейку песком, который Ламанова сыпала царице на след. Дарью опять привели к пытке. Оказалось, что да, есть такая «баба», «зовут Настасьицу, живет за Москвою рекою на всполье», а познакомила их та самая Авдотья Ярышкина, от которой кляузница Марья по голове получила. Настасьица «людей приворачивает, а у мужей к женам сердце и ревность отымает; а наговаривает на соль и на мыло; да тое соль дают мужьям в естве и в питье, а мылом умываются». Авдотье она сильно помогла с мужем, который теперь «что она Авдотья ни сделает, а он ей в том молчит». Помогала еще Настасьица, «наговариваючи», другой золотошвейке, Анне Тяпкиной, «чтоб муж ее Алексей Коробанов добр был до ее Анниных детей». Наконец Ламанова призналась, что приводила во дворец не золовку, а именно ту ведьму Анастасию («Настасьицу»).

То есть оказалось, что сатанинские служители пробрались буквально в личные покои правоверных государей. Колдунью немедленно разыскали и доставили для «распросов»: звали ее Анастасия, Иванова дочь, родом Черниговка, замужем за выходцем из Польши – литвином Янком Павловым. Наметился международный след. Настасьица на пытке запиралась, но ее начали «раскручивать» Дарью Ламанову, активно сотрудничавшая со следствием.

Выяснилось, что ходили к ворожейке и другие. Была выявлена целая колдовская сеть. Настасьица два дня упиралась, терпела огонь и дыбу, но потом сломалась, признавшись, «что мастеркам, Дарье Ламановой и ее подругам, которых знает, а иных и не знает, сжегши женских рубашек вороты и наговаря соль и мыло давала, и пепел велела сыпать на государьский след, но не для лихова дела, а для того, как тот пепел госу-

дарь и государыня перейдет, а чье в те поры будет чelобитье и то дело сделается; да от того бывает государская милость и близкие люди к ним добры».

Польский след Настасьица отвергla. А про наговоры свои говорила, что они «не лихие», только «чтоб государь и государыня жаловали, а близкие люди любили». Учила ее этому некая Манька, по прозвищу Козлиха, что живет за Москвою рекою у Покрова.

Ведьму Маньку тоже отловили, пытали и вывели на чистую воду: она призналась, что учila Настасьицу ворожить, что сама унаследовала умения от своей матери Оленки, которая померла семь лет назад. Повторила пояснения про магические технологии, известные уже по другим показаниям, – про наговоренные зеркало, соль, мыло: «как смотрятся в зеркало да не насмотрится так бы муж на жену не насмотрелся»; «как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил»; «сколь скоро мыло с лица смоется, столь бы скоро муж жену полюбил».

Сдала Манька и всех других московских колдуний, которые «подлинно умеют ворожить»: «Одна живет за Арбацкими воротами, зовут Ульянкою, слепая; а две живут за Москвою рекою, одна, [Феклица], в Лужниках, а другая, зовут Дунькою, в Стрелецкой слободе». Всех членов «профсоюза» арестовали и под пыткой они во всем признались.

Дознание потребовало времени, расследование затянулось. Колдуний, кажется, не отпустили, но и приговор не вынесли. Промедлили правоохранители и потрафили дьяволу, который вскоре нанес православному царю удар в самое сердце.

В январе 1639 года после скоротечной болезни умер 5-летний царевич Иван, а 25 марта за ним последовал новорожденный царевич Василий. За неполных три месяца сошли сразу два наследника престола. Вскрылись последствия ведьмовских козней: «После того их воровства, как мастерница на след государыни

сыпала ведовской рубашечный пепел – государыня царица Евдокия Лукьяновна учала недомогать и быти печальна... И ныне государыня перед прежним скорбна ж и меж их государей в их государском здоровье и в любви стало не по прежнему...

1 апреля 1639 года последовал государев указ провести доследование, заново пытать ворожей Дарью, Настьку и других. Всех опять отправили на дыбу, но новых показаний не добились. В августе снова допросили других мастерниц, пользуясь советами замоскворецких ведьм. Под пыткой те признали ворожбу только в семейных целях.

Но тут начал сатана прибирать своих служительниц, сделавших свое дело. Первой преставилась ведьма Настасыца, потом умерла ведунья Ульянка. К сентябрю 1639 года дело наконец сверстали, и всех причастных к колдовству золотошвей постановили выслать – в Пелым, Соликамск и Вятку...

После смерти царевичей Ивана и Василия царица Евдокия более детей не рожала. Но вполне здоров был наследник престола Алексей, появившийся на свет в 1629 году, а также его сестры Ирина, Анна и Татьяна.

БЕСОВСКИЕ УЛОВКИ

Спустя несколько лет начались новые напасти. Государево благополучие испортили иностранцы. В 1643 году дипломаты условились о браке царевны Ирины Михайловны и датского королевича Вальдемара. Жених прибыл в Москву 21 января 1644 года. После пышной встречи начались переговоры о «докончании» мира с Данией и последующей свадьбе. Тут все застопорилось. Иностранный не захотел переходить в православие. Он даже допускал крещение по восточному обряду своих будущих детей и соблюдение постов, но сам перекрещиваться не желал категорически. Более того, как разместили Вальдемара в Кремле, обнаружились странные mannerы визитера. Королевич занял двор, принадлежавший прежде

Борису Годунову, и каждый день там «бесновался», «по своему беззаконию, обычаю и вере»: «в трубы и органы и прочие разные писки не преставали играть на его дворе, а об ином срам и писати». При дворе благочестивого царя стали сомневаться в правильности выбора жениха. Михаил Федорович был крайне опечален.

В мае 1644 года Вальдемар заявил, что хочет вернуться домой. Ему отказали. Наивные русские полагали, что смогут стерпеть нрав иноверца, совладать с дьявольщиной, которой он был привержен, и привести к правоверию. Напрасно. В этой борьбе сошел царь Михаил, впал в «маланхолию», насланную инородными нехристями, и умер внезапно 13 июля 1645 года на 49-м году жизни. Ненадолго пережила его и царица Евдокия, преставившаяся 18 августа 1645-го. В этих бедах датчанина спешно отослали домой. Свадьба с Ириной не состоялась. Духовный вред нанесли одни лишь переговоры. Замаливать пришлось следующему поколению.

Новым царем стал 16-летний Алексей Михайлович. И снова ему присягали с обязательством не наводить «порчу», «никакого лиха», не подсовывать «зелья и коренья лихого», «оберегати накрепко», «беречи ото всякого дурна», но потом, как и с его отцом, обманывали, злой искушались. Первым делом, как обычно, пытались подобраться через ближний круг – жену и родственников.

Похоронив родителей, Алексей Михайлович вынужден был полагаться на доверенных бояр, среди которых выделялся Борис Иванович Морозов – дядька царя, бывший ему за отца. Он принимал деятельное участие в подборе невесты государю.

Зимой 1646/47 года устроили традиционный смотр девиц. В столицу свезли около 200 кандидаток. Государю показали только шесть. Понравилась ему дочь касимовского помещика Рафа Всеоложского Евфимия Федоровна, которой он в знак

обручения по обычая вручил ширикну (убрус, платок для женского головного убора) и кольцо. После этого ее отвели переодеться в царский наряд, а когда вернули, то с ней случился припадок – девушка потеряла сознание. Происшедшее было распознано как порча и бесовство, а потому вынесен приговор: невеста «к государевой радости непрочна».

Планируемый брак немедленно расстроился. Кажется, проклятье, которое довлело над первыми невестами царя Михаила, перешло на избранниц его сына. Опять глумились демоны над православным властелином.

Беглый подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин подал в 1666 году малолетнему шведскому королю Карлу XI записку о состоянии современной ему России, в которой, в частности, упомянул околовданную невесту царя Алексея: «Искони в Российской земле лукавый дьявол сеял плевелы свои, аще человек хоть мало прийдет в славу и честь и в богатство, [не] возненавидети [его] не могут. У некоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об них к женидбе ни об единой мысль не пришла: и тех девиц матери и сестры, которые жили у царевен, завидуя о том, умыслили учинить над тою [из]обранныю царевною чтоб извести, для того, надеялись что по ней возмет царь дочь за себя которого иного великого боярина или ближнего человека; и скоро то и сотворили, упоиша ея отравами».

Английский врач Самуил Коллинс, служивший при царском дворе в 1659–1668 годах и оставивший об этом воспоминания, которые были опубликованы в 1671 году, подтверждал, что в России «свадьбы людей высшего состояния редко обходятся без колдовства». Однако в случае с Евфимией Всеоложской он допускал не колдовство, а козни недоброжелателей: «женщины так крепко завязали волосы на ее голове, что она упала в обморок; а они разгласили, что у нее падучая болезнь».

Потом Коллинс еще раз повторил эту историю, но уже однозначно обвинил в интриге Бориса Морозова: «Как скоро Царю наступила пора жениться, к нему свезли всех лучших красавиц из Государства; одной, которая ему понравилась, он дал платок и кольцо, но, когда она в другой раз явилась перед ним в Царской одежде, Борис [Морозов] приказал так крепко связать ей венец на ее голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у нее падучая болезнь».

Коллинс был близок к царю и совсем не чужд эзотерическим наукам, в частности астрологии. Он сам делал Алексею Михайловичу кровопускания, для чего высчитывал по звездам благоприятные дни – сохранились соответствующие записи за июнь-июль 1664 года. Надо полагать, англичанин передавал вполне достоверные придворные слухи. Тогда было принято собирать женщинам волосы в пучок максимально туго. Евфимии сделали самую лучшую прическу по моде тех лет, но, возможно, перестарались.

Невесту выслали. Алексей отправил вдогонку красавице подарки – изготовленный к свадьбе постельный набор. О нем в расходной книге 12 февраля 1647 года помечено: «по государеву указу отдано ссыльной больной девице Еуфимье Рафовой дочери Всеялоцкого».

Царя от связи с очарованной спасли, но надо было разобраться – дознаться до источника вреда, найти колдуна. Началось следствие, и выяснилось, что виновником лиха был Мишка Иванов, крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова. 10 апреля 1647 года его «за чародейство и за косной развод и за наговор, что объявился в Рафове деле Всеялоцкого» сослали в Кириллов монастырь – «под крепкое начало».

Несчастного Рафа Всеялоцкого после обвинений в том, что «представил свою дочь на избрание больную», отправили в Сибирь – на воеводство в Тюмень,

где он умер в 1652-м. Его дочь к 1660 году была еще жива и «еще сохранила необыкновенную красоту». По свидетельству Коллинса, из-за своей привлекательности она не имела недостатка в предложениях, но так и не вышла замуж – до конца дней своих берегла платок и кольцо, свидетельствовавшие об обручении с государем. Царь выплачивал ей ежегодное содержание, пытаясь загладить оскорбление...

Уже в начале 1648 года Алексей Михайлович, как и хотел Морозов, выбрал в жены одну из Милославских – Марью Ильиничну. Но поскольку злодейские ворожеи были повсюду, ее, как записал Коллинс, «венчали тайно, боясь колдовства, которое здесь на свадьбах очень обыкновенно». Брак был заключен в январе 1648 года и стал счастливым. Марья Ильинична родила государю 13 детей, включая будущих царей Федора и Ивана. Впрочем, в том же, 1648 году на царицыной половине опять был переполох. Золотошвейки Аленка, вдова Федотова, и Марыца, Иноземцева жена, напившись, подрались. В запале Марыца гаркнула Аленке: «Ты-де мне сказывала, что видела золотую мастерницу Анну Коробанову, как она сквозь перстень проволакивала полотенце тонкое и с темде полотенцем та Анна всходила вверх – в светлицу [к государыне]». Невольным свидетелем разговора оказался боярский сын Федор Яхонин, который немедленно арестовал скандалисток и донес о случившемся. На допросе от сказанных слов золотошвеи отказались. Марья заявила, что слышала про перстень и полотенце от Аленки, когда та была пьяной, и говорила про них из мести. Других бумаг дела не сохранилось, а потому неизвестно, чем все кончилось. Скорее всего, обошлось без жестоких репрессий на клеветницу. А сами подозрения оказались мнимыми. При дворе на какое-то время воцарился мир. ●

ПЕТР I И ЗАГОВОРЫ БЕЛЫХ РОЗ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ИМПЕРАТОРЫ, ЦАРИ, КОРОЛИ И ПРОЧИЕ САМОДЕРЖЦЫ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ БОЯЛИСЬ ЗАГОВОРОВ. БАНДЫ, КЛИКИ, КАМАРИЛЬИ, ХУНТЫ, ШАЙКИ, СОЮЗЫ – ЭТИ СЛОВА ВСЕГДА ЗВУЧАЛИ ЗЛОВЕЩИМ НАБАТОМ ДЛЯ ЛЮБОГО МОНАРХА. И ПЕТР I НЕ БЫЛ ИСКЛЮЧЕНИЕМ.

3

АГОВОРЫ СЫГРАЛИ немалую роль в истории его правления.

Стрелецкий бунт, заговор Цыклера, дело царевича Алексея, Милославские, Лопухины и прочие «гидры отечества» оставили тяжелый след в

его биографии. Заговоров он боялся, испытывая «почти животный страх» перед потенциальным мятежом боярской аристократии, приближенных своих подозревал. И ответные меры принимал жестокие, если вдруг обнаруживал, что его

вельможи начали роптать и замышлять фронду.

А что сам царь? Участвовал ли он в заговорах? Нам легко представить Петра плотником, моряком, полководцем, путешественником, дипломатом – в этих ипостасях наблюдали его современники, описывая поведение монарха. А вот информации о том, как вел себя царь на ниве заговорщика, осталось чрезвычайно мало. Сам ли он встречался со своими агентами, обменивался ли с ними паролями, в каком платье выходил на тайные встречи и прятал ли лицо за маской? Боюсь, мы никогда этого не узнаем, хотя, без сомнения, на поприще нелегальной деятельности Петр Алексеевич проявил немалый талант.

А.И. Шарлемань.
Петр I накрывает
заговорщиков
в доме Цыклера
23 февраля
1697 года.
1884 год

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

«Я плотно закрыл за собой дверь и зажег пару хороших восковых свечей. Теперь в комнате было достаточно света, и я мог начать поиски, хотя и сам не знал, что именно ищу. Тем не менее я стал просматривать бумаги <...> я нашел большое количество писем, представлявших собой непонятный набор букв, по всей видимости шифр, разгадать который было совершенно невозможно. <...> я окунулся в работу с новой энергией. <...> и не видел и не слышал, как в комнату вошли люди». Герой романа Дэвида Лисса, бывший боксер и «охотник за ворами» Бенджамин Уивер, скрывающийся от правосудия, попал в скверную историю: «Никто не знал, что я здесь. Мне запросто могут перерезать горло, а тело выбросить, засунув в ящик».

Перед ним в комнате стояли три человека. Двоих Уивер знал, третьего никогда раньше не видел, хотя внешность его была знакома: худое лицо, впалые щеки, крючковатый нос. Несмотря на скромное платье и недорогой парик, в осанке этого человека было что-то величественное. Внезапно Уивера озарило: лицо это он сотни раз видел на листовках и в газетах. «Я не знал,

Яков III
(Претендент).
С портрета
М. ван Майтенса
1725 года

как совершаются революции и перевороты, но знал совершенно точно, что, если он осмелился ступить на английскую землю, положение его величества короля Георга было поистине шатким». Перед Уивером стоял самый опасный человек в Великобритании – король Яков III, сын свергнутого Якова II Стюарта, глава заговорщиков, получивших по имени своего лидера название «якобиты».

Карта Европы
в 1700 году

Действие романа Лисса происходит осенью 1722 года. Но истоки якобитских заговоров уходят во времена английской «Славной революции» 1688-го, когда король-католик Яков II был свергнут и отправился в изгнание. На трон взошла его дочь от первого брака – протестантка Мария II Стюарт. Ее супруг, принц-кальвинист Вильгельм Оранский, был непримиримым врагом французского «короля солнца» – Людовика XIV и некогда – закадычным приятелем царя Петра I. Принц Оранский одновременно являлся статхадером (наместником) Нидерландов, так что после вступления на престол Марии II между Лондоном и Гаагой установилась личная униония. Впрочем, не надолго: в декабре 1694 года заразившаяся оспой королева скончалась. В 1702-м за нее последовал и супруг. Болезнь страдавшего от астмы короля обострилась после того, как он сломал ключицу, вылетев из седла во время верховой прогулки в Ричмонд-парке. Лошадь монарха по кличке Белый Щавель была конфискована у руководителя якобитов в Нортумберленде сэра Джона Фенвика. 28 января 1697 года тот взошел на эшафот по обвинению в подготовке покушения на короля и попытке организации мятежа в Ньюкасле. Но сэр Джон был отомщен: лошадь угодила копытом в кротовью нору, споткнулась и сбросила монарха. Якобиты возрадовались и ввели в честь этого события торжественный ритуал: на пирах они провозглашали тост за «маленького джентльмена в черном бархатном камзоле» (имелся в виду крот. – Прим. ред.) и под победный клич били об пол хрустальные бокалы.

На престол взошла вторая дочь Якова II – Анна Стюарт. В 1683 году, когда ей исполнилось 18 лет, ее выдали замуж за датского принца Георга. Брак был тяжелым: измученная 17 беременностями королева Анна потеряла всех родившихся детей, в том числе наследника

престола Уильяма, принца Уэльского, смерть которого в 1700 году в возрасте 11 лет привела к династическому кризису. Закат протестантской ветви в правящей династии заставил парламент Англии в 1701 году принять Акт о престолонаследии, лишиавший католических принцев из династии Стюартов прав на престол в пользу протестантки Софии Ганноверской, дочери короля Богемии Фридриха V, внучки Якова I Стюарта. В акте оговаривалось, что вступавший на престол монарх должен дать присягу на верность англиканской церкви, постоянно жить в стране и без разрешения парламента не выезжать за ее пределы и не развязывать войн. Но София Ганноверская, отличавшаяся железным здоровьем, внезапно умерла в возрасте 83 лет, не дожив полутора месяцев до кончины королевы Анны. Смерть королевы Анны ознаменовала конец эпохи Стюартов. И, несмотря на то, что на престол претендовало более пяти

десятков представителей этой династии, в силу акта о протестантском наследии в 1714 году он достался сыну Софии Ганноверской Георгу Людвигу. Его прибытие многие жители страны, опасавшиеся «папистов», встретили с облегчением. Однако постепенно симпатии к ганноверскому курфюрсту уменьшились. Многие британские политики высказывали опасения, что с приходом к власти Георга I интересы королевства сузились до масштабов немецкого курфюршества, и с сарказмом описывали своего «неотесанного» монарха, подчеркивая его невежественность, деспотичность и грубость. По мнению острословов, король так и не удалось выучить английский язык, нравы и привычки жителей были ему чужды, законы парламентского политического устройства оставались для него непостижимой тайной. Недоброжелатели на все лады обсуждали слухи о том, что Георг якобы никак не может простить су-

пруге ее давний роман с неким шведским графом и потому держит несчастную королеву заперты, не давая видеться даже с собственными детьми. Ни от кого из посвященных в тайны лондонской политики не укрылась неприязнь короля и наследника престола, принца Уэльского. Георг I, человек с ленцой, но рассудительный и уравновешенный, придерживался умеренных консервативных взглядов и избегал излишней публичности, предпочитая проводить время в обществе своих ганноверских придворных – многочисленных камергеров, секретарей, слуг и арапов, взятых им в плен во время войн с турками. Их непривычные имена, как полагали насмешники, звучали подобно «приступу кашля». В немецкой свите короля особо выделялись две его фаворитки, присутствие которых, как полагал язвительный граф Честерфилд, подчеркивали дурной вкус и хорошее здоровье ганноверского короля: фрейли-

У.-Ф. Йимз.
Побег якобита.
1868–1874 годы

Ж.-М. Натье.
Портрет Петра I.
1717 год

на королевы Мелюзина фон Шулленбург, ставшая в Англии герцогиней Кендал, и фрау фон Кильманисегт, получившая титул графини Дарлингтон. Герцогиню Кендал, высокую и худую, лондонские насмешники прозвали «Майский Шест», а полноватую графиню окрестили «Мадам Элефант». Особенности вкуса его величества, который, по мнению лорда Честер菲尔да, «не пропускал ни одной особы женского пола, если та была очень чувственна и очень толста», произвели революцию нравов. «Все дамы, которые стремились снискать его благосклонность и почти уже достигли требуемой полноты, — писал Честер菲尔д, — старались изо всех сил раздуться наподобие лягушки в известной басне, тщившейся объемом и достоинством своим сравняться с волом. Одним это удавалось, другие лопались от натуги». Пока дамы угождали монарху, угроза его власти в Лондоне возрастала. Исходила она от

Якова III — сводного брата королевы Анны, которого называли «Претендент». Он же — принц Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт или Шевалье де Сен-Джордж. В момент прихода к власти Георга I он проживал вместе с матерью во Франции, в Сен-Жермен-ан-Ле. Его отец, Яков II, вступивший на британский престол в 1685 году, после Реставрации Стюартов, сражался против голландцев. Он тайно принял католичество, а в 1673 году женился на принцессе Марии Беатриче Моденской, дочери герцога Моденского Альфонсо IV д'Эсте и Лауры Мартинонци, племянницы кардинала Джузеппе Мазарини. В июне 1688 года у королевской четы родился наследник престола — принц Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт. Пока шла Война за испанское наследство 1701—1714 годов (конфликт XVIII века в Европе, разразившийся после смерти короля Испании Карла II, не имевшего наследников). На тот момент Испанская

империя владела Бельгией, Люксембургом и обширными территориями в Америке. На испанский престол претендовали французские Бурбоны и австрийские Габсбурги. Война шла между Францией, Испанией, Португалией, Баварией, Наваррой, Неаполитанским королевством и т.д. с одной стороны и Англией, Австрией, Нидерландами, Ирландией, Священной Римской империей и т.д. — с другой. В Северной Америке война шла между английскими и французскими колонистами. — Прим. ред.), Шевалье пользовался поддержкой «короля-солнца», не раз пытавшегося посадить своего ставленника на британский трон. Однако после тяжелого поражения король осторожничал. Людовик XIV отдавал себе отчет в том, какой катастрофой может обернуться новая полномасштабная война на континенте. Кроме того, хозяин Версаля, наученный горьким опытом неудачных вторжений в Англию, Ирландию и Шотландию, скептически слушал заверения якобитских агентов о преданности, которую население Британских островов якобы питает к свергнутой династии Стюартов. Он не был уверен, что очередная высадка Претендента вызовет всенародный энтузиазм. Людовик избегал открытой конфронтации с Лондоном, манипулируя якобитскими изгнанниками в интересах французской политики. Но после смерти «короля-солнца» в 1715 году Париж дистанцировался от якобитов. Стюартам урезали субсидии, а затем и вовсе убрали их подальше от столицы: Яков III вынужден был перебраться в Лотарингию, в Бар-ле-Дюк, затем его приютили в Авиньоне. С весны 1716-го Стюарты осели в Италии. В 1719 году их прибежищем стал Рим — папа римский предоставил в их распоряжение Палаццо дель Рэ на площади Санти Апостоли, — который сделался центром притяжения для всех недовольных положением дел на Британских островах.

ДУБ, ЧЕРТОПОЛОХ И БЕЛАЯ РОЗА

Первые месяцы своего правления Георг I был всецело поглощен борьбой со сторонниками Стюартов. Якобиты привыкли действовать тайно, они плели сложные заговоры, пользуясь шифрами, паролями и тайными знаками. Понимая, что за государственную измену им грозит виселица, они вели себя предельно осторожно, меняя личины и маскируясь. Они привыкли действовать тихо, удары наносили незаметно, понимая, что в британском общественном мнении прочно ассоциируются с «папистами», «иезуитами» и «иностранными». В среде якобитов сформировалась специфическая субкультура со своими ритуалами, тайными знаками и атрибутикой: медальонами и бокалами с инициалами Претендента, маркированными медалями, портретами на эмали, табакерками и перстнями. Провозглашая, например, традиционный тост за короля Англии, им было важно как бы случайно пронести бокал с вином над плошкой с водой, тем самым подразумевая, что пьют они за истинного короля – того, который «за морем». Излюбленным символом якобитов являлся дуб – древний знак Стюартов и эмблема Реставрации. Ведь на дубе во время гражданской войны укрывался от преследователей дядя Претендента, король Карл II Стюарт. На одной якобитской гравюре, датированной 1715 годом, срубленный дуб, лишенный листвы, пал на землю, а рядом помещена надпись: «30 января 1648/49» – дата мученической смерти Карла I. Возле дуба лежат опрокинутая корона и сломанный скипетр. Из ствола дуба исходят три побега, один из саженцев у основания венчает корона. Над саженцами распространилась длань Божия, изливавшая на них из облака воду, и изображен трубящий ангел на облаке: в левой руке он держит стяг с надписью: «Я, Господь, зеленеющее дерево иссушаю, а сухое дерево делаю цветущим» (Иез.17:24). Политическое про-

Король Георг I.
С портрета
Г. Неллера
1716 года

Белая роза
Йорков, символ
якобитов

чтение таких аллегорий якобитами однозначно: «зеленеющее дерево» – библейское царство вероломного Седекии, иначе говоря, узурпатора Георга I, будет «иссушено», а на смену ему придет расцветшее «сухое дерево» – Иехония, наследник трона царя Давида и происходящий от него по прямой линии Христос, Мессия, символизирующий династию Стюартов. Помимо дубовых листьев династию Стюартов у якобитов символизировал также чертополох – эмблема Шот-

ландии. Позже ту же роль выполняла белая роза – аллегория изгнанного короля. Якобитские мятежи должны были по «принципу домино» вспыхивать в разных местах, постепенно охватывая все королевство. Начаться все должно было на севере и западе страны. Мятежники рассчитывали захватить Бристоль и Плимут, а затем поднять восстание в центре. Однако планируемые выступления провалились. Правительство быстро подавило мятеж и бросило войска против главного очага якобизма – Горной Шотландии. Здесь, над замком Бремар, семейным гнездом графов Марлов, 27 августа 1715 года взвился штандарт изгнанных Стюартов. Сначала якобитам сопутствовал успех. Они овладели Инвернесом, Абердином и Данди, после чего командующий 20-тысячной якобитской армией Джон Эрскин, граф Мар, начал наступление на юг – к границе с Англией. Но в битве при Шерифф-

Л. Каравак.
Портрет царевен
Анны Петровны
и Елизаветы
Петровны.
1717 год

русского мира со Швецией, тем самым высвободив военные силы королевства для участия в свержении Ганноверской династии. Но якобиты явно переоценивали собственную значимость, полагая, что их ставка на Карла XII беспроигрышна, и не принимая в расчет того, что для Швеции поддержка Стюартов не являлась самым насущным вопросом: Стокгольм вел Северную войну и противостоял мощной коалиции в лице России, Дании, Пруссии, а после 1717 года и Великобритании.

С этого времени в секретных документах дома Стюартов все чаще начало появляться имя царя Петра Алексеевича, на поддержку которого рассчитывали якобиты. Яков III выстраивал далеко идущие планы, полагая, что в создаваемой им коалиции будут участвовать Париж, Мадрид и помирившиеся участники Северной войны: Карл XII и «освободитель» Петр I, «единственный иностранный независимый monarch», на которого, по словам Претендента, можно рассчитывать. «Моя благодарность за его (Петра. – Прим. авт.) благодеяния не будет иметь других границ, кроме пределов моей власти, которая, признаюсь, ныне слаба, но которая при его соучастии возвысится и тогда будет употреблена в его пользу» – так в одном из писем российскому послу в Париже князю Василию Долгорукому он выразил свои надежды. А царь Петр – политик, органично сочетавший глубокие политические расчеты с интуицией и азартом, – был готов к опасной игре. Добавим к этому растущую антипатию царя к Георгу I, и мы, казалось бы, получим идеального заговорщика. В одном из своих донесений французский посланник в Петербурге граф Жак де Кампредон не смог скрыть своего удивления: «Монарх рассыпает намеки во все стороны, стараясь выведать расположение других, а может быть, и найти приличный предлог удовлетворить своему чувству ненависти к ганноверцам, которого не может даже скрыть».

муре его остановил генерал Джон Кэмбелл, герцог Аргайл. Одновременно успеха в борьбе с якобитами добился под Престоном генерал Чарльз Уилс. Высадившийся в Шотландии Яков III в феврале 1716 года вынужден был бежать за границу, восстание захлебнулось.

Однако тайная война якобитов не закончилась, она лишь приобрела новые формы, оказавшись вплетенной в дипломатические комбинации, которые неотвратимо вели к большой войне, получившей название Войны четверного альянса (Война за французское наследство, 1718–1720 годы. – Прим. ред.). Центр якобитских интриг переместился в Мадрид. Готовясь к войне, король Испании Филипп V, тяжело переживавший унижение Испании и ее огромные территориальные потери, рассчитывал обрести союзников среди держав, обеспокоенных лидерскими амбициями Лондона. Расчеты строились вокруг шведского короля Карла XII, считавшего себя защитником Стюартов и открыто выражавшего недовольство произволом короля Георга I, своего соперника в Германии, закреплявшегося в Вердене и Бремене. Вдохновителями антибританской коалиции стали первый министр Испании кардинал Джулио Альберони и «великий визирь» Карла XII барон Георг Хайнрих Гертц фон Шлитц, фак-

тически руководивший внешней политикой Швеции. Гертц был дипломатом особого сорта. Предпочитая слова бумаге, он старался не связывать себя письменными договоренностями. Этот высокий человек со стеклянным глазом – барон потерял глаз в молодости, подравшись на балу во Франции, – был обаятелен и умел ладить с теми, кто был ему нужен.

Организаторы антибританской коалиции делали ставку на Якова III и рассчитывали с помощью якобитских агентов добиться заключения сепаратного прусско-

К. де Мор.
Портрет
Екатерины I.
1717 год

РУССКАЯ НЕВЕСТА ДЛЯ ШЕВАЛЬЕ

Первая комбинация царя Петра в отношении якобитов была дерзкой и неожиданной, вполне в духе заинтересовавшего его, по словам Василия Ключевского, «нового спорта – охоты вмешиваться в дела Германии» путем осуществления разветвленных матrimониальных планов. Успех подобной политики позволил бы царю преодолеть семейную изоляцию и закрепить за Московским государством статус европейской державы. Принимая в расчет слабость династического статуса Романовых в Европе, Петр I делал ставку на соответствующих принцев: привечаемые им потенциальные женихи были лишены престолов, а потому были не вполне легитимны с точки зрения официальной Европы, снискав репутацию странствующих «рыцарей удачи». В этом смысле лучшей кандидатуры, чем Претендент, было не сыскать. Союз со Стюартами открывал широкие перспективы для усиления позиций России.

29 сентября 1717 года Роберт Карлович Арескин – лейб-медик царя и двоюродный брат лидера якобитов Джона Эрсекина, графа Мара – сообщал в послании якобиту герцогу Ормондскому о готовности царя к концу зимы выдать замуж за «короля» свою dochь Анну. Когда письмо пришло в Париж, мать Претендента, королева Мария Моденская, выразила сомнения в возможности совершить этот брак. Во-первых, ее смущали слухи о возрасте царевны: «Дочь царя всего лишь ребенок тринадцати лет» (Анне было 9 лет. – Прим. авт.). Во-вторых, царь Петр вел войну с главным союзником якобитов – Карлом XII, отчего, по мнению Марии Моденской, могли «возникнуть некоторые неудобства». И, наконец, стоило ли так торопиться с решением, пока не прояснены важные детали относительно достоинств невесты: «...ее возраст, внешность и состояние здоровья, и если она здорова и добронравна, нет другого

Анна Иоанновна.
Гравюра
И.А. Соколова.
1740 год

способа, чтобы убедиться в этом, иначе как послав к ней одного, а лучше двух доверенных лиц». Однако царь Петр, как выяснилось, был готов к подобному развитию событий и перестраховался, приготовив для Якова III вторую невесту – овдовевшую герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну (племянницу Петра I, dochь его брата, царя Иоанна V, будущая императрица России. – Прим. ред.). Он не ошибся: Шевалье был смущен юным возрастом цесаревны Анны Петровны. Было, впрочем, и еще одно обстоятельство, ставшее препятствием к браку. Для якобитов не являлось секретом низкое происхождение матери цесаревен, Екатерины Алексеевны, урожденной Марты Скавронской, и незаконнорожденность docheri Петра. «Старшая dochь царя родилась до брака», – конфиденциально сообщал в конце 1717 года герцог Ормондский якобиту, генерал-лейтенанту французской службы Артуру Диллону, представлявшему интересы Якова III при версальском дворе. В пикантные детали был посвящен и первый министр Франции кардинал Гийом Дюбуа, откровенно заявивший посланнику в Петербурге графу Жаку де Кампредону, что «брак, от коего произошли принцессы, которых он (Петр I. – Прим. авт.) хочет вы-

дать замуж, не заключает в себе ничего лестного».

Зато, судя по письму Шевалье герцогу Ормондскому от 20 марта 1718 года, принц был готов присмотреться к Анне Иоанновне, у которой, как он слышал, «очень покладистый нрав». Благодаря усилиям известной якобитской конфидентки Энн Генриетты Оглторп, показывавшей друзьям невесту откуда взявшееся изображение курляндской герцогини, Анна Иоанновна приобрела немалую популярность при дворе Стюартов. Слухи о возможном браке Якова III с одной из «северных принцесс» встревожили палату лордов.

Осенью 1717 года начались секретные переговоры о замужестве Анны Иоанновны. Вести их Яков III поручил своему близкому другу, шевалье Чарльзу Богану, ирландцу и славному малому, который, уподобившись верному «Ланселоту», давно уже пристривал для своего «короля Артура» подходящую супругу. Поездка Богана в Прибалтику закончилась неудачно, так как царь Петр еще не вполне определился, стоит ли ввязываться в рискованную якобитскую игру. Якову III пришлось решать вопросы женитьбы без участия России. И в этом Чарльз Боган окказал ему неоцененную помощь. В феврале 1718-го, возвращаясь в Рим, ирландец наведался в силезскую Олаву, где неожиданно встретил прекрасную dochь претендента на престол Речи Посполитой Якуба Людвика Собеского Марию Клементину – внучку польского короля Яна III Собеского, остановившего в 1683 году турок у ворот Вены. В отличие от Петра I князь Олавский с готовностью принял предложение о замужестве dochери. Часть приданого «Польской леди», как именовала Марию Клементину якобитская традиция, составляли реликвии, привезенные ее дедом из кампаний против турок: огромная кровать из позолоченного серебра с балдахином из тканей, на которых бирюзой и жемчугом по золотому полю были вышиты арабские тексты, а также три огромных рубина.

«Молодые» быстро нашли общий язык. Между ними завязалась оживленная переписка, они обменялись портретами и прониклись нежными чувствами. Дело шло к браку, и Яков III в знак твердости своих намерений отправил невесте фамильные драгоценности Стюартов. Но перспектива женитьбы Якова III на «Польской леди» с богатым приданым привела в ярость короля Георга I, готового пойти на все, чтобы не допустить появления у своего врага законных наследников. Когда заставить Марию Клементину отказаться от брака не удалось, король решил принять крайние меры. Ведь невесте нужно было еще добраться до своего жениха, а путь из Силезии в Феррару, где должна была состояться брачная церемония, был не близок. Маршрут Марии Клементины проходил через тирольские владения ее двоюродного брата, императора Священной Римской империи Карла VI: мать императора, Элеонора Магдалена, была родной сестрой Хедвиги Елизаветы Нойбургской – матери Марии Клементины. Этим и решил воспользоваться могущественный Георг I, настоявший, чтобы и невеста, и ее мать были задержаны в Тироле. По приказу императора их заключили в замок Амbras в Инсбруке.

Закрутилась авантюрная история в духе романов «плаща и шпаги». Негодующий Яков III распорядился во что бы то ни стало освободить принцессу. За дело взялся шевалье Боган. Ирландец первым делом заручился согласием Якуба Людовика Собеского на побег его дочери. Затем Боган подобрал трех добровольцев – своих соотечественников, служивших офицерами Ирландского полка в Париже. Нарядившись торговцами, Боган с соратниками и двумя помощницами прибыли в Инсбрук. Заговорщикам удалось встретиться с Марии Клементи-

А. Мазуччи.
Церемония
бракосочетания
принца Джеймса
Фрэнсиса
Эдуарда Стюарта
и принцессы
Марии
Клементины
Собеской
в Монтефиасконе
1 сентября
1719 года.
1735 год

М. ван Майтенс.
Принцесса
Мария
Клементина
Собеская.
1725 год

ной и устроить к ней в услужение одну из сообщниц. План был прост: сославшись на мигрень, Мария Клементина должна была удалиться в свои покой и, надев плащ служанки, выбраться за пределы замка, взяв с собой драгоценности Стюартов.

Апрельским вечером 1719 года отважная принцесса вышла из крепости. На соседней улице в таверне ее уже поджидал Боган. Вместе с ним принцесса направилась в гостиницу, откуда в экипаже беглецы двинулись к Бреннерскому перевалу. Словно по сценарию мелодрамы, над Инсбруком разразилась страшная буря: завывал ураган, гремел гром, и дождь лил как из ведра. Едва выбравшись из города, беглецы обнаружили, что в спешке забыли в номере сокровища английской короны. Богану пришлось ехать назад. Счет шел на минуты, в любой момент исчезновение Марии Клементины могло быть обнаружено. Но не приятности еще не закончились: возле Бреннерского перевала сломалась карета, и Марии Клементине пришлось под проливным дождем идти пешком по размытой дороге. К счастью для беглецов, все закончилось благополучно: они добрались до Болоньи, откуда направились в Рим. Здесь Мария Клементина рег просигура (лат. «по церемониалу») вышла замуж за находившегося тогда в Испании Якова III. Папа римский Климент XI признал супругов королем и королевой Англии, Шотландии и Ирландии, а также предоставил августейшим изгнаникам денежное пособие.

Яков III мог быть доволен финалом этой затянувшейся матри monialьной истории. Несмотря на неудачу «русского замужества», он продолжал вынашивать новые планы в отношении царя Петра. И, надо сказать, смотрел на вещи вполне реально, так как в это опасное и сложное время Петербург вовсе не собирался отказываться от своих замыслов в отношении поддержки Стюартов и якобитов. Дело только начиналось. ●

Окончание следует.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РУСОФОБ

Луи-Антуан
Леузон
Ле Дюк.
Париж.
1880-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

МЫ ДУМАЕМ, ЧТО НАШЕ ВРЕМЯ – ЭТО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ЗАЯДЛЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ. ОДНАКО МОДА НА ПУТЕШЕСТВИЯ ВОЗНИКЛА ГОРАЗДО РАНЬШЕ – УЖЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ. И ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ БЫЛО ВЕСЬМА МОДНЫМ В ЕВРОПЕ: ПУТЬ МОРЕМ ЗАНИМАЛ ЧУТЬ БОЛЕЕ НЕДЕЛИ.

Если одни были готовы написать свою книгу о России, не покидая, например, Парижа, то другие были настоящими путешественниками, одержимыми жаждой познаний и открытий. Одним из них

был неутомимый исследователь северных стран, переводчик, издатель Луи-Антуан Леузон Ле Дюк (1815–1889). Уроженец Дижона, выходец из простой семьи, он сделал прекрасную научную и административную карьеру, побывал в нашей стра-

не несколько раз и считал себя большим знатоком России.

Читатель, наверное, помнит, как Александр Сергеевич Пушкин очень метко назвал лидера французских революционеров-якобинцев Максимилиана Робеспьера «сентиментальным тигром». Тот страдал, мучился, но был главным идеологом Террора. Вот и герой этой статьи был таким «сентиментальным русофобом». В зависимости от политической конъюнктуры писал о России самые разные работы. Во время Крымской войны – настоящие пропагандистские агитки, содержанию которых позавидовал бы маркиз де Кюстин. Но война окончилась, отношения начали восстанавливаться, и Леузон Ле Дюк, настоящий «боевик идеологического фронта», перестроился и стал писать романы на русскую тему, поменяв тональность. Однако сквозь флер сентиментальной романтики сквозил привкус русофобии...

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА КАМНЕМ ДЛЯ САРКОФАГА НАПОЛЕОНА

Но давайте сначала отправимся вслед за нашим героем в Карелию, за камнем для саркофага Наполеона Бонапарта. 15 декабря 1840 года в Париже прошло торжественное перезахоронение праха Наполеона в Доме инвалидов (принц Жуанвильский, сын короля Луи-Филиппа, перевез останки императора с острова Святой Елены, где Наполеон находился в изгнании и где он умер 5 мая 1821 года. – Прим. авт.). Произошло то, о чем он мечтал: «Я хочу, чтобы мой прах покоялся на берегах Сены, среди народа, который я так любил». Встал вопрос о сооружении саркофага, не хуже, чем у римских императоров, из красного царского порфира. Принялись искать камень, и выяснилось,

что похожий материал есть только в России. А в это самое время Леузон Ле Дюк собирался в очередное путешествие. И именно ему французское правительство доверило важную миссию: привезти камень.

Для Леузон Ле Дюка это было уже не первое путешествие в нашу страну: впервые он побывал в Петербурге в 1840 году, в возрасте 25 лет. Как он сам писал, «ради удовольствия». Спустя два года он вернулся в Россию и даже стал воспитателем детей графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина, сына первого открывателя «Слова о полку Игореве». Тогда же увлекся финским эпосом «Калевала» и решил перевести его на французский язык. А еще, не зная русского, весьма вольно перевел на французский «Героя нашего времени» Михаила Юрьевича Лермонтова.

И вот в 1846 году он отправился в Россию за порфиром. Французы называют этот камень «русским порфиром», хотя на самом деле это метаморфизованный песчаник или шокшинский кварцит – камень был обнаружен в старинном селе Шокша. Об этом путешествии, продолжавшемся три года, Леузон Ле Дюк написал очерк, публиковавшийся в разных изданиях в 1853, 1873 и 1886 годах без существенных изменений. В этом очерке нет никакой политики, только описание сложностей экспедиции – блоки камня чуть было не затонули во время бури на Онежском озере – и рассказ о помощи со стороны русских властей. Император Николай Павлович, как известно, не любил Францию «короля барри-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов.
Портрет графа
Владимира
Алексеевича
Мусина-
Пушкина.
1830-е годы

кад» Луи-Филиппа, но к Наполеону Бонапарту испытывал уважение как к сильному политику и противнику, которого Россия победила. Благодаря покровительству императора все административные препоны были преодолены, перед гостями из Парижа легко открывались все двери, а налог на разработку и добычу «порфира» с французов не взимался. Леузон Ле Дюк вложил в уста императора такие слова: «Какая судьба! Мы нанесли первый смертельный удар этому человеку пожаром нашей древней и святой столицы, и это к нам пришли просить о его могиле!»

В 1849 году, после долгих мучарств, камень был доставлен в Париж, на набережную д'Орсе. Работы по созданию саркофага и реконструкции интерьеров растянулись на долгие годы. Могила Наполеона I была торжественно открыта только 7 апреля 1861 года племянником великого императора, Наполеоном III. Кстати, современные экскурсоводы в Доме инвалидов рассказывают туристам, что камень для саркофага – финский, а не русский...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный
лист книги
Леузон Ле Дюка
«Современная
Россия».
1854 год

Париж,
Дом инвалидов,
гробница
Наполеона

ПРОПАГАНДИСТ ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

С началом Крымской войны (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2008 год, статья «На все четыре стороны», а также №8 за 2018 год, статья «Петропавловская оборона»).

Прим. ред.) наш герой очень быстро подстроился под текущую конъюнктуру и оказался в первых рядах пропагандистов анти-русской кампании. В 1853 году Леузон Ле Дюк опубликовал работы «Современная Россия» и «Русский вопрос», в 1854-м – книгу «Россия и европейская цивилизация». Это откровенно русофобские работы, жесткая пропагандистская публицистика, созданная на потребу дня. Можно сказать, добродетельные пособия по классической русофобии. При этом, как подчеркивает Леузон Ле Дюк в предисловии к работе «Россия и европейская цивилизация», на создание этого труда его подвигло стремление рассказать правду о России и написать книгу так, как ему диктует его совесть. Себя он позиционирует серьезным знатоком России, сообщая, что трижды выполнял в нашей стране правительственные миссии и встречался с официальными лицами, оказывавшими ему всяческое действие. Однако Леузон Ле Дюк не забывает подчеркнуть, что вся эта помошь – лишь желание пустить пыль в глаза, а в этом искусстве русские весьма преуспели. Автор развивает мысль Астольфа де Кюстина о том, что Россия – «царство фасадов», где стремятся скрыть реальную ситуацию: «Что такое империя русских? Имя ей – ложь», – восклицает путешественник.

Шокшинское
месторождение
кварцита
на берегу
Онежского
озера

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

По его словам, чтобы иностранец не узнал ничего лишнего и увидел лишь то, что дозволено, к нему, безусловно, из самых благих побуждений, приставят фельдъегера, который будет сопровождать его на всем протяжении пути и покажет то, что следует показать. Правда, сообщает Леузон Ле Дюк, есть возможность избавиться от этой опеки: фельдъегера надо поить водкой на каждой почтовой станции, ведь какой же русский не любит выпить!

Как известно, рыба гниет с головы, и обман начинается на самом высоком уровне, а главным строителем «царства фасадов» является сам император. Так, Леузон Ле Дюк рассказывает, как однажды в Петербург прибыла группа прусских офицеров с целью изучения опыта организации эскадронов гвардейской кавалерии. Император принял гостей в высшей степени любезно и сказал по-немецки сопровождавшему его офицеру: «Видишь этих господ? Их отправил сюда мой прусский брат с целью изучить наши эскадроны. Покажи им все, как братьям!» А потом обратился к нему уже по-русски: «Ты им все покажешь так, как должен показать!» И офицер, по словам Леузон Ле Дюка, все прекрасно понял.

Как и многие другие авторы, главным злом России Леузон Ле Дюк считает деспотизм или самодержавие – это для него одно и то же. Самодержавие, отмечает он, это антиевропейский институт, амальгама всех тираний, и уже одного института самодержавия достаточно, чтобы создать пропасть между Россией и цивилизованной Европой. При Иване Грозном самодержавие оформляется в окончательном виде: «Нет больше спокойствия, нет безопасности, есть только смерть для всех».

Петр Великий напрасно попытался превратить самодержавие в инструмент цивилизации: «Самодержавная власть может побрить мужиков и одеть их в европейские одежды, но не может вызвать процветание ума и расцвет разума». При Екатерине II

А.О. Орловский.
Курьерская
тройка.
1812 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Император
Николай I
в австрийском
мундире.
Портрет кисти
неизвестного
художника.
Конец 1840-х –
начало 1850-х
годов

власть стала еще более развернутой, и «самодержавие попало в публичный дом», а при Петре III и Павле I – в дом сумасшедшего. Александр I – «галантный и мистический, ошибался и мечтал, и так прошла его жизнь». Император Николай Павлович, по словам Леузон Ле Дюка, соединил в себе черты всех своих предшественников, но преувеличил их в хитрости. Столь же жестокий и беспощадный, как Иван IV и Петр I, но более хладнокровный, сам уже головы торпором не рубил, но жизнь человеческую абсолютно не ценил.

Что еще важно, Николай I, по словам Леузон Ле Дюка, придал самодержавию милитаристский характер: «Невозможно сегодня представить самодержца иначе как в военном мундире и с саблей в руке. Вот идеал!» Поэтому, в то время как другие державы мечтают о мире, Россия только и делает, что мечтает о войне и к ней готовится.

Россия для Леузон Ле Дюка – «это варварское по своей сути государство, с невероятным постоянством играющее в цивилизацию». И далее начинается «санс разоблачения»: «Религия? Ее там нет: под роскошным покровом православия, в которое она драпируется, скрывается скептицизм, часто доходящий до атеизма или, по крайней мере, до сухого безразличия. Патриотизм? Тут совсем не понимают этого чувства. Просвещение? Оно дало цветы, но они бесплодны». Россия может быть по отношению к европейской цивилизации «либо пародией, либо угрозой... Россия – это трехголовое чудище, отталкивающее от себя Европу, и имя трем головам: крепостное право, православие и самодержавие».

А в примечаниях книги без всяких комментариев помещено так называемое «Завещание Петра Великого» – известная фальшивка, созданная еще в конце XVII века, но вновь вос требованная в годы Крымской войны и выдаваемая Леузон Ле Дюком за чистую монету.

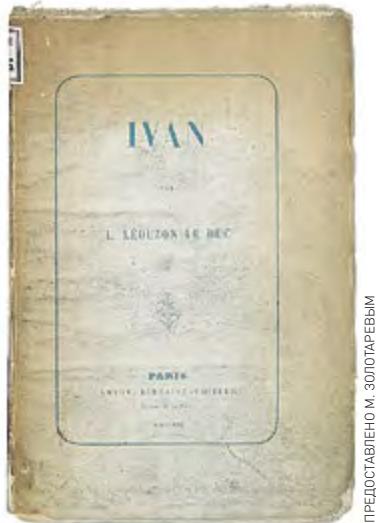
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПРАВОСЛАВИЕ – ЭТО ГИМНАСТИКА, ТОЛЬКО И ВСЕГО»

В работе «Русский вопрос», написанной летом 1853 года, особым нападкам Леузон Ле Дюк подвергает православную церковь. Это понятно, особенно с учетом того, что поводом к Крымской войне стал конфликт из-за покровительства святым местам.

Но здесь дело обстоит гораздо серьезнее, поскольку мы имеем дело с истоками русофобии как таковой, а она своими корнями уходит в том числе в раскол церквей и принятие Русью христианства по восточному образцу. Правда, Леузон Ле Дюк полагает, что Русь приняла католическую версию христианства, ведь официально раскол церквей произошел только в 1054 году. Поэтому православная церковь для него – «это католическая церковь, доведенная до состояния окаменения».

Православная церковь, по словам Леузона Ле Дюка – это «мертвый институт»: «Если католическая церковь способствовала развитию цивилизации, протестантская – развитию мысли, то православная церковь все вокруг себя атрофирует». И дальше читатель видит потрясающий по своей «проницательности» пассаж: «Куда идет этот мужик, куда идет этот торговец, куда идет этот служащий, которые, проходя мимо церкви, крестятся и машинально шепчут три или четыре слова молитвы? Один идет в свою кантору обкрадывать им-

Обложка романа
Леузон Ле Дюка
«Иван»
(Париж, 1859)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ператора, другой – за свой прилавок обкрадывать своих клиентов, третий – в кабак, напиться. Не существует никакой связи между обрядами православной церкви и добродетелью. Это – гимнастика, только и всего».

«РУССКИЕ РОМАНЫ»

В 1856 году Крымская война закончилась, и отношения между Россией и Францией начали быстро восстанавливаться. Французам нужно было подретушировать созданный ими же монструозный образ России. И, как ни странно, многогранный Леузон Ле Дюк обнаруживает в закромах своей памяти новые впечатления о России. В 1859 году он публикует роман «Иван». В центре повествования – судьба крепостного Ивана, музикально одаренного юноши, играющего на рожке. Добрый помещик отпустил его на три года в Петербург с рекомендательны-

ми письмами. Под покровительством одного столичного мецената Иван стал первоклассным музыкантом. У него появилась возлюбленная, Маша Николаевна (да-да, именно *Маша Николаевна*, ведь Леузон Ле Дюк прекрасный знаток России. – Прим. авт.), воспитанница Смольного института благородных девиц. И вот Иван возвращается из путешествия по Европе, а старый князь спешит из Ярославля в столицу, дабы дать ему вольную, но, по законам жанра, по дороге попадает в бурю и погибает. И тут на сцену выходит злой помещик, племянник князя, брутальный вояка, который ни за что не даст вольную Ивану и не допустит его женитьбы на Маше Николаевне. Но в итоге все заканчивается счастливо: Маша находит в Своде законов Российской империи указ императора Александра I, по которому, в случае если выпускница Смольного выходит замуж за крепостного, тот обретает свободу. Николай I назначает Ивана управляющим Императорской Певческой капеллы, и счастливые новобрачные отправляются в свадебное путешествие в Европу. Такого указа, конечно, не было, но суть здесь в ином: спустя пять лет после публикации своих русофобских работ Леузон Ле Дюк превратился если не в русофила, то в человека, сострадающего и симпатизирующего России.

Да, в России есть крепостное право, но это, скорее, исторический фон, на котором разыгрывается мелодрама в духе «Рабыни Изаяры». Крепостной Иван – воплощение лучших черт русского народа. Если в работах времен Крымской войны Леузон Ле Дюк заявлял, что патриотизм – это качество, незнакомое русским, то теперь он утверждает прямо противоположное: «Любовь к отечеству, может быть, является определяющей чертой русских. Они любят родину как царицу, как мать, в этом есть что-то религиозное. В их глазах, в их языке – это не просто Россия, это Святая Русь». И, что удивительно, эта любовь больше всего проявляется у крепостного, нежели у сво-

В.И. Навозов.
Пастушок.
1904 год

бодного человека: «Чем крепостной держится на этой земле? Домом, деревней, где он родился? Нет. Он знает, что в любой момент простой каприз помещика может его всего этого лишить. Семьей? Нет, малейшее происшествие может разрушить эти связи. Самим собой? Нет, разве крепостной себе принадлежит? Единственное, что у него никто не может отнять, – это его родина».

В роли же одного из главных злодеев романа выступает управляющий немец Садлер. Понятно почему: напряженность во франко-немецких отношениях в этот момент усиливалась. И если в работах времен Крымской войны самодержец – главный творец зла и в целом «самодержавие годится только для зла», то теперь самодержец – это защитник, а ручное управление – благо. Просто взгляд царя, каким бы проницательным он ни был, не мог проникнуть во все углы обширной империи.

«РУССКИЕ КНЯГИНИ – ОПАСНЫЕ СИРЕНЫ»

В следующий раз к русской теме Леузон Ле Дюк обратился в 1879 году, уже после Франко-пруссской войны, в условиях франко-германских военных тревог и начавшего русско-французского сближения. Если «Иван» – роман о крепостном, то в новой книге автор обратился к теме русской аристократии. Первая часть романа называется «Галантная одиссея русской княгини», вторая – «Княгиня Гуркофф, продолжение галантной одиссеи русской княгини». Речь в романе идет о русской княгине по фамилии Славонова (Славонова), в замужестве – Гуркофф (Гуркова).

Каковы были цели и задачи Леузона Ле Дюка в годы Крымской войны, мы помним: разоблачить и демонизировать Россию. Теперь же задача автора, как он пишет в предисловии к книге, заключается в том, чтобы показать, какую роль в развитии европейской цивилизации может сыграть русская элита. Ныне Россия не противоположна европейской цивилизации, а, оказывается, может

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж. Беро.
Светский прием.
Около 1880 года

этой цивилизации что-то дать. По крайней мере, так можно подумать. Но из первой части романа этого вовсе не следует.

Итак, речь идет о русской девушке, 18-летней Анне Павловне, единственной дочери князя Славонова – старого генерала, воевавшего на Кавказе и в Крыму, а теперь проживающего в Ярославской губернии. Мать девочки умерла при родах; Анна росла как вольная птица, но, когда ей исполнилось 12 лет, все изменилось: к ней была приставлена немка-гouverнантка по фамилии Стадлер (теперь уже Стадлер вместо Садлера). Эта злобная немка не только муштровала девочку, она весь дом держала в ежовых рукавицах, да еще и распоряжалась деньгами и, как выясняется по ходу действия, приворовывала. При этом строила из себя святошку и даже приняла православие. Отец же Анны к православию относился равнодушно, однако к старости стал набожным, но, как и все русские, выполнял обряды лишь как особый вид гимнастики.

Соседнее имение принадлежало племяннику генерала, графу Буслаеву (Буслаефф), только что вернувшемуся из-за границы. В его образе Леузон Ле Дюк вывел, на его взгляд, типичного русского аристократа, какими была наводнена Европа. Внешне – абсолют-

ный парижанин, но на этом сходство заканчивается, поскольку он не способен усвоить ценности европейской цивилизации, да и не желает этого. Он ищет лишь развлечений, поэтому возвращается на родину совершенно опустошенным, ему нечего вспомнить, потому что он знает Париж только по злачным местам: «Буслаев был одним из тех русских молодых людей, которых путешествия формируют мало, вернее, они их сильноискажают... Говорить о европейской цивилизации, примененной к России, это как говорить о плоде, который стнил, так и не успев созреть».

Если в предыдущем романе Иван – герой несчастный, потому что крепостной, но очень положительный, талантливый, размышляющий о своей доле, то героиня этого романа, Анна – хищница, молодая, но расчетливая особа, властная, впрочем, как и все русские аристократки, ведь русские княжны и княгини – «опасные сирены».

Как и все русские, она развращена крепостным правом: «Постоянно контактируя со своими крепостными и дворовыми людьми, которых помещицы считали сделанными из другого теста, нежели они сами, они беспардонно вторгались в самые сокровенные тайны их существования... рано узнавая то, что в более целому-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Леузон Ле Дюка
«Княгиня
Гуркофф»

дренных обществах узнают гораздо позже».

И вот хищная Анна отправляется во Францию за своим возлюбленным, красивым и богатым графом Альбером Сюрвиером, с которым познакомилась в Петербурге. Этот французский дипломат был направлен в Россию с особой миссией, воспыпал к Анне любовью, но был вынужден срочно отбыть на родину, где тяжело заболел отец. И влюбленная Анна вместе со своей тетей, графиней Александрой, отправляется в Европу за Альбером.

Между тем графу Альбера ухаживать за умирающим отцом помогает кузина Бланш, очаровательная юная девушка. Совместное времяпрепровождение сблизило молодых людей, и в итоге граф женился на кузине, а не на Анне, жаждавшей не богатства графа (она сама богата), а власти над ним, как старуха из «Золотой рыбки».

СПАСИТЕЛЬНИЦА ФРАНЦИИ

В том же году вышло продолжение романа: Анна выходит замуж за князя Гуркова. Князь – самовлюбленный эгоист; женщина для него – лишь «манекен для оргий». Анна ему просто попалась под руку в то время, когда, совершенно разбитая, вернулась из Франции. Сразу после рождения сына Жоржа князь заявил супруге: «Мадам, вы подарили мне наследника, я вас благодарю. Теперь мы свободны друг от друга». Таковы уж нравы русских князей, совсем под стать княгиням! Спустя три дня после рождения сына он уезжает, как водится, за границу, а Анна отправляется в Ярославль, в имение отца. Там она крестит сына, причем у «главного попа округи». И вот с этого «попа» взгляд автора на Россию начинает меняться. Оказывается, «главный поп» заметно отличался от своих собратьев. Его никогда не видели в кабаке, хлещущим водку; он не валялся мертвейки пьяным на улице, а крестьяне, повстречавшись с ним, не бежали от него как черт от ладана. Да и управляющий у Анны прекрасный, по фамилии Марков, достойный и порядочный чело-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

век, а не какой-то злодей-немец. И однажды княгиня сообщает Маркову: «Я жила в Европе, я знаю, что такая цивилизация, и я хочу осуществить здесь преобразования». Вот тут так и ждешь подвоха от автора, но нет, Анна оказалась прекрасной управительницей, сумевшей грамотно использовать европейский опыт. Странно, а ведь в первой части романа автор утверждал, что русские абсолютно не способны его воспринимать. В итоге дела у Анны быстро пошли на лад. Самое интересное в романе – развязка. Княгиня оказывается в Париже накануне Франко-пруссской войны. Когда после победы Пруссии над Австрией все гадали, кто будет следующей жертвой немецкой агрессии, Анна ясно осознавала, что под ударом окажется Франция. Она открывает в Париже салон, который быстро становится центром политической и дипломатической жизни, у нее бывает даже Эмиль Золя. Ее главная цель – склонить французское общество к идеи необходимости сближения с Россией, которое переросло бы в союз. Началась война, к которой Франция оказалась совершенно не готова. И вдруг княгиня встречает свою давнюю любовь, графа Альбера, к тому времени вдовца. Свободна и Анна. Их вновь захватили чувства, но Альбер дол-

Луи-Антуан
Леузон Ле Дюк.
Гравированный
портрет
1882 года

жен воевать. На свои средства он формирует батальон франтиэрров и участвует в военных действиях недалеко от Тура. Анна остается в Париже, жертвует все свои сбережения на войну с немцами, в своем отеле организует госпиталь и становится в нем сестрой милосердия. В итоге, не выдержав разлуки с любимым, она отправляется на передовую сестрой милосердия. Однажды к ней в госпиталь привозят смертельно раненного графа Альбера. Он умирает у нее на руках. Анна, не пережив утраты, через два дня, ровно в тот же час, что и ее возлюбленный, умирает с его именем на устах...

РУСОФОБИЯ КАК ТОВАР

Все это, безусловно, очень трогательно, но, зная, что писал Леузон Ле Дюк до этих романов, возникает вопрос: а когда же он искренен? Когда изливает на Россию потоки желчи, как в работах времен Крымской войны, или когда пишет романы? И что было бы, если бы читатель прочел только первую часть романа о княгине Анне? Он бы так и не узнал, что хищная русская княгиня превратилась в спасительницу Франции. Можно предположить, что Леузон Ле Дюк – русофоб по обстоятельствам, типичный флюгер и конъюнктурщик: ведь рациональные французы, в годы напряженных отношений с Германией жизненно нуждавшиеся в поддержке России, быстро закрыли глаза и на российский «деспотизм», и на «экспансионизм», и на «варварство», возлюбив все то, что прежде ненавидели. Однако позиция Леузон Ле Дюка неоднозначна даже в рамках одного произведения – что называется, «и нашим, и вашим», а его неприятие России проявляется даже тогда, когда он, казалось бы, симпатизирует русским. Меняется лишь градус русофобии.

Сам Леузон Ле Дюк утверждал: ничего личного, только правда. Можно сказать несколько иначе: ничего личного, просто бизнес. Ведь русофобия во все времена была весьма продаваемым товаром. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Последняя
страница
рукописи,
подпись Леузон
Ле Дюка

ALEXPITT / ZUMAPRESS.COM/TASS

ПОТРЯСЕННЫЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ ЧУДА

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

«МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ, ПЕРЕД САМЫМ РАССТРЕЛОМ, ПОЛКОВНИК АУРЕЛИАНО БУЭНДИА ПРИПОМНИТ ТОТ ДАЛЕКИЙ ДЕНЬ, КОГДА ОТЕЦ ПОВЕЛ ЕГО ПОГЛЯДЕТЬ НА ЛЕД» – ТАК НАЧИНАЕТСЯ ЗНАМЕНИТЫЙ РОМАН ГАБРИЭЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА», ПРОЛОЖИВШИЙ ГЕНИАЛЬНОМУ КОЛУМБИЙЦУ ПУТЬ К СЛАВЕ. НО ЧТО ЭТО БЫЛ ЗА ЛЕД?

ЧТО ЭТО ЗА ГЛЫБА, «наполняющая страхом и восторгом от приобщения к тайне», что это за «самое великое творение нашего времени»? А что если... Нет, это, конечно, невероятно и, может быть, даже вздорно, но так в духе магического

реализма. Что если «самым большим в мире бриллиантом» однажды стала для Маркеса Советская Россия, загадочная холодная страна с обжигающе-пылкой душой? В Советском Союзе Маркес побывал трижды и каждый раз возвращался «потрясенный реальностью чуда».

ВОСТОРГ И УЖАС

Первый раз Маркес побывал в СССР в 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И это не было случайной поездкой, это даже не было журналистской командировкой. Исключительно зов души. Пропустить возможность побывать в Советской России молодой журналист и писатель, явно симпатизировавший левым идеям, не мог, а денег и влияния не было. Более того, положение колумбийца в середине 1950-х годов было совсем отчаянным. Проживая в то время то в Париже, то в Лейпциге, не очень успешно сотрудничая с разными газетами, будущий нобелевский лауреат жил настолько бедно, что вынужден

Габриэль Гарсия
Маркес
(на корточках
слева)
на Всемирном
фестивале
молодежи
и студентов.
Москва. 1957 год

был собирать бутылки и старые газеты, чтобы раздобыть еще какие-то деньги. Но Маркес проявил находчивость. Он пристроился к землякам из колумбийского фольклорного ансамбля в качестве артиста и барабанщика.

Впечатления об этой поездке репортер описал в статье «СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кокаколы!». Это удивительная вещь. К своему 30-летию Маркес ведь еще не был Маркесом, он не написал ни одного из своих гениальных романов, но в очерке о фестивале молодежи он уже с присущим ему талантом магического преломления реальности описывает огромную северную страну, так что даже для русского читателя она превращается в неведомый экзотический край, полный яркого сумасбродства. Гарсия Маркес показал русским людям их собственный мир «таким первозданным, что многие вещи не имели названия», и на эти вещи, как в далеком, заброшенном Богом Манандо, только и оставалось, что «тыкать пальцем».

Конечно, и сам фестиваль, невероятный для тогдашнего советского обывателя, создал совершенно немыслимые декорации. Иностранцев в России на протяжении всего их пути встречали как инопланетян. На каждой станции их забрасывали цветами, угощали разносолями, провожали с песнями. «Казалось, мы попали в гости к сумасшедшему народу, — пи-

сал Маркес, — даже в энтузиазме и щедрости он терял чувство меры». Чего только стоит эпизод, в котором один немецкий делегат похвалил русский велосипед, увиденный на одной из станций, и тут же стал его обладателем: «Велосипеды очень редки и дороги в Советском Союзе. Девушка, хозяйка велосипеда, сказала немцу, что дарит его ему. Он отказался. Когда поезд тронулся, девушка с помощью добровольных помощников забросила велосипед в вагон и нечаянно разбила делегату голову. В Москве можно было наблюдать картину, ставшую привычной на фестивале:

Очередь
в Мавзолей
на Красной
площади
растягивалась
на несколько
часов,
многим так
и не удавалось
попасть внутрь

немец с перевязанной головой, разъезжающий по городу на велосипеде».

Однако в Советский Союз Габриэль Гарсия Маркес отправился вовсе не за национальным колоритом и анекдотическими сценами. Этого добра у него самого хватало на десяток повестей и романов. Его интересовала советская идея, ему хотелось постичь, каково содержание той невероятной силы, совершившей в стране, которая раскинулась на тысячи километров вглубь и вширь, столь грандиозный переворот во всех сферах жизни. Ему хотелось увидеть последствия этого переворота своими глазами — во всех их противоречиях и масштабе.

Противоречия Маркес видит повсюду. Москву он открывает как «самую большую деревню в мире», где тесные дворики, исчерченные бельевыми веревками, перемежаются с величественными неоклассическими дворцами, где дворцовые интерьеры свойственны даже вестибюлям метро, а людям остро не хватает жилья, и они ютятся семьями в десятиметровых комнатах, где малость и даже мелочность жизни и психологии отдельного человека сочетается с внушающей одновременно и ужас, и восторг огромностью философии сплоченного коллектива.

«Чувство гигантизма, навык массовой организованности, видимо, составляют важную часть психологии советских людей, — отмечал путешественник. — Праздничный фейерверк, устроенный для 11 тысяч гостей в Кремлевском саду, длился два часа. <...> Очередь перед Мавзолеем — здесь покоятся тела Ленина и Сталина — в час дня, когда открываются его двери, достигает двух километров. <...> В то же время советские люди запутываются в мелких жизненных проблемах. В тех случаях, когда мы оказывались втянутыми в гигантский механизм фестиваля, мы видели Советский Союз в его волнующей и колосальной стихии. Но едва, подобно

заблудшим овцам, попадали в круговорот чужой незнакомой жизни, обнаруживали страну, погрязшую в мелочном бюрократизме, растерянную, ошеломленную, с комплексом неполноценности перед Соединенными Штатами».

Маркес полагал, что перед проведением фестиваля граждан как следует проинструктировали, строго-настрого запретив показывать иностранцам изнанку жизни, быт. Слишком уж подозрительное сопротивление оказывали москвичи, как только иностранцы обнаруживали желание посетить их дом. Но некоторые жители столицы уступали, и тогда путешественникам открывалась поистине печальная картина жизни советских людей. «Им казалось, что живут они хорошо, а на самом деле жили они плохо», – резюмировал Маркес. И в этом не было никакой надменности – южноамериканский писатель очень хорошо знал, что такое нищета и беспроблемность: когда мать несколько дней подряд варит одну и ту же бульонную кость, пока вода не остается просто водой, когда самые скверные продукты в лавке приходится брать в долг. В наблюдениях Маркеса за советским бытом сквозила лишь досада. Было горько видеть, как хорошие, честные люди живут в тесных квартирах и коммуналках, носят плохую одежду, скучно питаются. Но такова была плата за индустриализацию, победу в Великой Отечественной войне, амбиции в покорении космоса – Маркес побывал в Союзе за два месяца до запуска первого спутника на орбиту Земли. Идея этого противоречия абсурдна, но она понятна и близка уроженцу Аракатаки – ведь и в его жизни идея, страсть к высшим устремлениям всегда доминировали над обыденным.

Возможна ли реальность самого Маркеса, где он не бросает университет, а все же выучивается на юриста, как о том грезили его родители, устраивается

EL TIEMPO/ZUMAPRESS.COM/TASS

Маркес мог бы стать детским писателем, писать сказки, но от этой затеи его отговорили собственные сыновья – в Латинской Америке дети взрослели слишком быстро

работать в какую-нибудь серьезную американскую компанию? Возможна ли реальность, в которой Маркес не увольняется из рекламного агентства, не закладывает имущество, чтобы написать самый важный роман своей жизни? Реальность, где он не продает даже миксер и фен жене Мерседес, чтобы заплатить за отправку рукописи «Сто лет одиночества» в издательство? Конечно нет. И поэтому так понятно, хотя и ужасно горько, когда небо покоряется, а земля – нет, когда в космос летят спутники, но не в чем ходить по асфальту, да и асфальт-то есть далеко не везде, когда «Советский Союз располагает 17 видами электронных счетных машин... но не производит их в промышленном масштабе», и потому даже банковские служащие в подсмотренной путешественником реальности пользуются деревянными счетами.

СОВЕТСКИЙ ПАТРИАРХ

Одно из самых ярких впечатлений детства Габриэля Гарсиа Маркеса – банановая бойня в Сыенага, городке, расположенному неподалеку от родной для писателя Аракатаки. Маленький мальчик был так шокирован рассказами взрослых о массовом расстреле рабочих United Fruit Company, посмевших устроить забастовку, что стал и сам «вспоминать» обрывки этого события, хотя ему было тогда менее двух лет. Мальчишке «припоминалось», как мимо его дома строем проходили полицейские и кто-то даже иронично назвал ребенка капитаном Габи, «припоминались» обрывки фраз, что во всем виноваты коммунисты. Позже эта трагедия получит отражение в первой повести писателя, «Паяла листва». В романе «Сто лет одиночества» подавление бунта рабочих правительственными войсками Маркес опишет в совсем уж кошмарных и кровавых тонах. Отголоски этих событий слышны и в «Осени патриарха», но тут на первый план выйдет вопрос отношения тоталитарной власти к своему народу.

А какие проклятые вопросы могли завладеть душой 30-летнего художника в Советском Союзе? Какие вопросы не могли давать покоя писателю левых взглядов в Москве в 1957-м, через полтора года после легендарного XX съезда КПСС с его

Маркес работал столь увлеченно, что не замечал, как выкуривал по три пачки сигарет

оглушительным развенчанием культа личности Сталина? Писателю, который был вынужден покинуть родину из-за риска быть подвергнутым репрессиям за слишком либеральные взгляды. Известно какие. Вот их-то Гарсия Маркес и задавал не смущаясь чуть ли не всем подряд. Писатель признавался: «Не раз с обдуманной жестокостью я задавал один и тот же вопрос лишь с целью посмотреть, каков будет ответ: «Правда, что Сталин был преступником?» А люди «невозмутимо отвечали цитатами из доклада Хрущева». Но однажды Маркес в компании с другими иностранцами познакомился с одной женщиной, которая с таким жаром говорила о почившем вожде, что своей страстью смущала даже горячих латиноамериканцев. Женщина эта была настоящим подарком судьбы: она говорила на пяти языках, работала оформителем в театре и охотно рассказывала истории из жизни творческой интеллигенции. Но как только речь заходила о Сталине, легкость и очарование покидали ее, женщину охватывал приступ ненависти. Советского вождя она называла не иначе как *Le moustachu*, что по-испански означало «Усач». «Весь вечер она говорила о Сталине, пользуясь этим прозвищем и ни разу не назвав его по име-

ни, – писал Маркес, – говорила без малейшего почтения, не признавая за ним никаких заслуг. По ее мнению, решающим аргументом против Сталина является фестиваль: в эпоху его правления ничего подобного не могло бы произойти. Люди не покинули бы своих домов, а грозная полиция Берии перестреляла бы на улице всех делегатов. Она уверила, что, если бы Сталин был жив, уже вспыхнула бы Третья мировая война. Говорила об ужасающих преступлениях, о подтасованных процессах, о массовых репрессиях. Уверяла, что Сталин – самый кровавый, зловещий и тщеславный персонаж в истории России. Мне никогда не приходилось слышать столь страшных историй, рассказываемых с таким жаром». Она настолько поразила Маркеса своей

Маркес поставил все на литературу, а Мерседес Барча – на мужа, и оба выиграли

Габриэль Гарсия Маркес в журнале «Латинская Америка». Москва. 1979 год

откровенностью и горячностью, что описание эпизода знакомства с ней он закончил грустным вердиктом: «У меня нет ни малейшего основания считать эту женщину ненормальной, но один плачевный факт очевиден: она была похожа на таковую».

Свидетельства людей – это хорошо, но, как говорится, лучше один раз увидеть. Та маниакальная настойчивость, с которой Маркес пытался попасть в Мавзолей, чтобы посмотреть на великого и ужасного Сталина воочию, тоже поражает воображение. В это советское святилище колумбиец попал только с четвертой попытки, а до того удовлетворялся лишь возможностью послушать рассказы других делегатов. Впечатления, впрочем, всегда оказывались скучными, ведь посетителей постоянно подгоняли дежурные, никто не задерживался в помещении дольше минуты, в итоге на выходе люди не могли даже вспомнить, в костюмы какого цвета были одеты два советских вождя. Конечно, когда Маркес все же попал в Мавзолей, он был до предела сосредоточен. Ленин его не особенно интересовал, а вот образ Сталина врезался в память. Позднее некоторые детали этого образа он использует в романе «Осень патриарха».

«Сталин спит последним сном без угрызений совести. <...> Выражение лица живое, сохраняющее на вид не просто мускульное напряжение, а передающее чувство. И кроме того – оттенок насмешки. Если не считать двойного подбородка, то он непохож на себя. На вид это человек спокойного ума, добрый друг, не без чувства юмора. Тело у него крепкое, но легкое, слегка вьющиеся волосы и усы, вовсе непохожие на сталинские. Ничто не подействовало на меня так сильно, как изящество его рук с длинными прозрачными ногтями. Это женские руки». Вот эти-то руки особенно врезались в сознание Маркеса. Позже он снова и снова будет к ним возвращаться в «Осени патриарха» в описании диктатора Сакариаса, сына бедной птичницы Альварадо Бендисон.

О ЛЮДЯХ И СОБАКАХ

Но не диктаторами единими жива впечатлительная душа художника. Во время пребывания в Москве с Маркесом произошло немало забавных и удивительных случаев. Любопытный разговор произошел у колумбийца в гостинице с советскими журналистами. Конечно, им было очень интересно узнать, как устроена зарубежная пресса. Они очень удивились тому, что газеты за границей существуют благодаря рекламе, многие вовсе не хотели в это верить, настолько это казалось абсурдным.

Маркес вспоминал: «Я привел их в свой номер и показал газету. Там было два объявления с рекламой различных фирм, выпускающих рубашки.

— Эти две фабрики выпускают рубашки, — пояснил я, — и обе сообщают публике, что их рубашки самые лучшие.

— А что делают люди?

Я попытался объяснить, как влияет реклама на покупателей, все внимательно слушали, потом один спросил: «А когда люди узнают, какие рубашки самые лучшие, почему они позволяют тому, другому, утверждать, что самые лучшие рубашки его?» Я возразил, что публикующий рекламу имеет право расхваливать свои вещи. «Кроме того, — добавил я, — многие, как и прежде, покупают другие рубашки».

— Хотя и знают, что они не самые лучшие?

— Вероятно, — согласился я.

Они долго разглядывали газету. Я понял, что они обсуждают свое первое знакомство с рекламой. И вдруг — я так и не смог узнать почему — засиялись смехом».

А у путешественника, в свою очередь, вызывали недоумение советские СМИ. Однажды он увидел киоск, заваленный кипами «Правды», на первой странице выделялась статья на восемь колонок с заголовком крупными буквами. Репортер испугался: он подумал, что началась война. Но в переводе заголовок гласил: «Полный текст доклада о сельском хозяйстве».

Полковник
Аурелиано
Буэндиа перед
расстрельным
взводом.
Иллюстрация
к роману
«Сто лет
одиночества»

Обложка первого
издания романа
Маркеса «Сто лет
одиночества»
(Буэнос-Айрес,
1967)

Габриэль
Гарсиа Маркес
и Евгений
Евтушенко.
1979 год

Не менее анекдотичная история приключилась с Маркесом, когда его окружила группа любопытной молодежи у Парка им. Горького. Из группы выделилась девушка и на правильном испанском предложила: «Мы отвечим на любой ваш вопрос при условии, что и вы будете отвечать с такой же прямотой». Какой бы журналист отказался? Первым делом молодые люди решили выяснить, что иностранцу не понравилось в Советском Союзе. «По-моему, жестоко, что здесь съели всех собак», — ответил Гарсиа Маркес, давно тяготившийся наблюдением, что в столице совсем нет бродячих псов. Такой ответ вызвал замешательство, люди стали спорить друг с другом на русском, и наконец какой-то женский голос из толпы выкрикнул по-испански: «Это клевета, которую распространяет капиталистическая пресса!» Когда настала очередь Маркеса, он спросил: может ли в Москве человек иметь пять квартир? Молодежь ответила без запинки и почти хором: «Разумеется. Но какого черта ему делать в пяти квартирах одновременно?»

ЮРИЙ ГРЕДИНГ

А вот случай, который не только изумил Маркеса, но и настоящему восхитил. Он произошел в последний вечер перед отъездом из столицы. На улице путешественника остановил молодой человек не старше 25 лет и спросил, какой тот национальности. Когда получил ответ, очень обрадовался, сказал, что пишет диссертацию о мировой детской поэзии и нуждается в сведениях о Колумбии. Маркес назвал ему Рафаэля Помбо. Но прохожий, покраснев от обиды, перебил: «Разумеется, о Рафаэле Помбо мне все известно». А потом за кружкой пива удивительно бегло, хотя и с сильным акцентом, этот странный русский читал литератору до полуночи целую антологию латиноамериканской поэзии для детей. Это казалось настоящим чудом. Уезжал Маркес растерянным, но счастливым. Он понимал, что все подмеченные им детали жизни и быта дают весьма приблизительное и двойственное представление о «распростершемся на всю свою величину колоссе — Советском Союзе с его 200 млн. человек, говорящих на 105 языках, бесчисленными национальностями, — колоссе, чья территория, равная трем Соединенным Штатам, занимает пол-Европы, — треть Азии и в сумме составляет шестую часть земного шара — 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы». Но писатель чувствовал, что эта северная громада наполнила его до краев какой-то невероятной силой.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Что было дальше? Маркес покинул Европу и перебрался в Южную Америку, правда, не в родную Колумбию, а сначала в Венесуэлу, в Каракас, а затем в столицу Мексики. Между этими переездами писатель успел жениться на Мерседес Барче.

Повесть «Полковнику никто не пишет», вышедшая в 1961 году, славы Маркесу не принесла. Сейчас это кажется диким, нелепым, тогда же этой повести суждено было стать тем самым петухом, на которого поставил все в своей жизни ветеран Тысячедневной войны – книга была издана скучным тиражом в 2 тысячи экземпляров, из которых продано было только около 800. Роман «Недобрый час», изданный через пять лет, тоже не вызвал сенсации. Все изменилось в 1967-м.

История создания главного романа Маркеса обросла невероятным количеством мифов. Это, конечно, классическая история бедного художника, поставившего все на карту, принесшего в жертву родных. Чего только стоит легенда о рождении первого предложения: оно будто бы возникло в голове писателя точно вспышка, когда он сидел за рулем своего «опеля», на котором все его семейство отправлялось на курорт. Маркес развернул машину к дому, чтобы запереться от всего мира более чем на год, за-

бросив работу, быт, детей, и написать роман. Проза жизни не то чтобы сильно с этой версией расходится, просто она грубее. Семья и до начала работы над романом жила бедно, во время работы это положение лишь усугубилось, к финалу дойдя до крайней нищеты.

Много позже, когда Маркес вновь посетит Советский Союз уже в качестве известного писателя, устав от официальных визитов и встреч, от разговоров о твор-

Маркес
в редакции
журнала
«Огонек».
Москва. 1987 год

ческих планах, он внезапно поинтересуется, как в России готовят картошку. И русские вновь его удивят. На картофеле он с семьей прожил целый год, когда создавал «Сто лет одиночества», быть может, если бы этот корнеплод подавался в его доме в столь замысловатых вариациях, жить было бы чуточку легче.

Этот новый визит состоялся в 1979 году. Советский Союз тогда переживал латиноамериканский бум, и к Габриэлю Гарсиа Маркесу было приковано все внимание. Встречи с советскими писателями, конференции с испанистами, мероприятия в редакции журнала «Латинская Америка». Автографы, вспышки фотокамер и вопросы, вопросы, вопросы. На вопрос о том, во что Маркес больше верит: в магический реализм или магию литературы, – писатель ответил, что верит в магию реальной жизни. Можно только добавить, что он сам эту магию и творил: писал о жизни за океаном, а выходило настолько универсально, что каждый мог назвать эту реальность своей. Это заметил в том же, 1979 году Владимир Высоцкий: «будто про нас читашь, какое к черту Макондо». В следующий раз Маркес посетил Россию в 1987 году. И приехал он – вот магия судьбы – на Московский кинофестиваль. Ровно тридцать лет прошло после Всемирного фестиваля молодежи и студентов, и, как знать, может, участниками нового фестиваля были дети тех, кто открывал другой, в 1957 году. Тогда Маркес был начинающим писателем, не самым удачливым журналистом, теперь он – нобелевский лауреат. Тогда его собеседниками становились случайные прохожие, теперь его принимает первый президент Советского Союза. Эта встреча произвела на Маркеса сильное впечатление, и позже он не единожды с большой симпатией отзывался о руководителе стремительно меняющейся страны, однако самые яркие и глубокие чувства писатель, кажется, испытал все же тридцать лет назад, когда гений в нем еще только рождался... ●

Встречу
с Михаилом
Горбачевым
писатель считал
очень важным
эпизодом своей
жизни

ПЕРВАЯ АРТИСТКА МИРА

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«СЛАВА АКТЕРА – ДЫМ, ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ НИЧЕГО НЕ ОСТАЕТСЯ, И ПАМЯТЬ О НЕМ ИСЧЕЗАЕТ» – ТАК ПОДПИСАЛА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ЕРМОЛОВА СВОЮ ФОТОГРАФИЮ ДЛЯ АЛЕКСЕЯ БАХРУШИНА. МАЛЕНЬКАЯ, НЕКРАСИВАЯ, СКРОМНАЯ ЖЕНЩИНА, ВЫХОДЯ НА СЦЕНУ, ПРЕОБРАЖАЛАСЬ – ЕЕ ИГРА ФЕНОМЕНАЛЬНО ДЕЙСТВОВАЛА НА ПУБЛИКУ. ПО ФОТОГРАФИЯМ И КОРОТКОЙ АУДИОЗАПИСИ ЕЕ ГОЛОСА В МОНОЛОГЕ МАРИИ СТЮАРТ СЛОЖНО ПОНЯТЬ, В ЧЕМ ЖЕ ЗАКЛЮЧАЛСЯ СЕКРЕТ ЕРМОЛОВОЙ. ЭТЫЙ ВОПРОС ВОЛНОВАЛ ЕЕ СОВРЕМЕННИКОВ, ИНТРИГУЕТ ОН И СЕЙЧАС...

« Э

ПОХОЙ РУССКОГО ТЕАТРА» И «ПЕРВОЙ АРТИСТКОЙ МИРА» назвал Марию Ермолову Константин Станиславский. Под впечатлением от ее игры реформатор создавал свою знаменитую систему, по которой уже сто лет воспитываются актеры во всем мире. И сложно вообразить, каким был бы сегодня театр, не будь в его истории Ермоловой...

«Великая молчальница» – это тоже о ней. Замкнута, немногословна, она даже письма писала «телеграфным» стилем. Дочери признавалась: «Это мое несчастье, что я никак не могу выразить то, что думаю, то, что чувствую... Только на сцене это мне удается».

Вся жизнь актрисы была связана с Москвой и Малым театром, где она проработала полвека. В 1902 году Ермолова стала за-

служенной артисткой Императорских театров, в 1920-м – первой народной артисткой молодой Советской республики, а через четыре года – Героем Труда. Литератор Татьяна Щепкина-Куперник отмечала редкость ермоловской «славы, завоеванной только гением, – без интриг и компромиссов», без «честолюбия, самолюбования, зависти, самоуверенности... и в жизни, на сцене».

Воссозданная
гримуборная
М.Н. Ермоловой –
так все было
в Малом театре

В доме №11 на Тверском бульваре располагается мемориальный Дом-музей М.Н. Ермоловой – один из филиалов Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Актриса прожила здесь без малого сорок лет. Сам дом был возведен во второй половине XVIII века. Владельцев у особняка было немало, менялись они часто, и каждый устраивал дом «под себя». На всю Москву этот адрес прогремел, когда в особняке поселилась семья великой актрисы.

Незадолго до революции Ермолова решила, что дом для нее слишком велик, и сама себя «уплотнила», оставив себе и дочери с внуком только две смежные комнаты на третьем этаже. Остальное пространство было разбито на коммуналки, остававшиеся

жилыми вплоть до начала 1980-х. Две ермоловские комнаты превратили в музей-квартиру в 1970 году – обескураженные экскурсанты ходили мимо застанных, полуодетых жильцов, толкаясь в темных коридорах и на узких лестницах.

После долгих препирательств всех жильцов расселили, и в 1986-м здесь открыли Дом-музей М.Н. Ермоловой. Непросто было музейщикам воссоздавать эти помещения, не имея детальных свидетельств о том, как именно все выглядело при Ермоловой. Самую точную обстановку подсказала фотография кабинета актрисы. Сегодня в музее стоят застекленные витрины, но есть и уютные комнаты, где все по-домашнему, где навсегда поселился мир Ермоловой...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИНАСТИИ

Суфлер Императорского Большого театра Николай Ермолов записал в памятной книжке: «1853 года июля 3-го дня в пятницу в 5 часов пополудни родилась дочь Мария. Крестили 5-го числа, день Св. ангела 22 июля во имя Св. Марии Магдалины».

Дед девочки Алексей Семенович Ермолов был крепостным скрипачом князей Волконских. Получив вольную, он устроился гардеробмейстером в Большой театр. И так увлекся службой, что и своим детям привил вкус к театральной жизни. Его сын в молодые годы сочинил для Московской императорской труппы несколько водевилей в стихах, стал драматическим артистом, но на этом поприще не преуспел, заболел чахоткой и поменял сцену на суфлерскую будку. Семья суфлера жила бедно, но отец часто покупал на рынке у Сухаревской башни уцененные старые книги для детей – в семье были три дочери и сын. Старшую дочь отец часто брал с собой в театр, где в ту пору играли мастера сцены – Пров Садовский, Сергей Шумский, Петр Степанов, Михаил Щепкин. В музее есть акварель Леонида Пастернака, представляющая типичную картину детства Маши: «...мне было еще три года от роду, я сидела в суфлерской будке на коленях своего отца и с жаждностью смотрела, что делается на сцене... <...> Даже детские игры – и те были наполнены театральным содержанием. Помню, как с помощью моего брата я одевалась в длинную юбку своей матери или в бабушкину кофту, как стулья ставились у нас вверх ногами, чтобы создать впечатление сцены, и как я бросалась на колени, кого-то о чем-то умоляя и прося... Несмотря ни на что, во мне всегда жила непоколебимая уверенность, что я буду первой актрисой».

В январе 1863 года в дирекцию Императорского театрального училища поступила бумага: «Его Превосходительству Управляющему Московскими Императорскими театрами Статскому со-

Личные вещи актрисы, фотографии ее близких

НАСЛЕДИЕ ДОМ-МУЗЕЙ М.Н. ЕРМОЛОВОЙ

ветнику, Камергеру и Кавалеру Леониду Федоровичу Львову от супфлера Ермолова прошение. Исполняя трудную обязанность супфлера со всевозможным усердием и получая 350 рублей жалованья, я нахожусь в совершенной невозможности дать какое-либо образование моим детям. Почему осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство о помещении старшей дочери в число экстерных воспитанниц и как милости прошу допустить ее жить в школе с прочими воспитанницами, платя эконому по 6 рублей за стол...»

Прошение было удовлетворено, правда, определение 9-летней Маши в балетный класс Московского театрального училища шло вразрез с ее мечтой о драматической сцене. Эту мечту не убил даже беспощадный приговор видного артиста Ивана Самарина, который по просьбе супфлера позанимался с его дочкой и отрезал: «Плясать у воды». То есть последний ряд массовки у задника с нарисованным озером... Интересно, вспоминал ли он об этом через несколько лет, когда стал ее партнером в спектаклях и видел овации в ее честь?

Когда воспитанницы училища участвовали в спектаклях и Ермолову назначали в пару кордебалета, она нарочно выбирала мятые, грязные костюмы и вставала там, где ее не было видно. Позже актриса вспоминала: «Учили в то время плохо, занимались больше танцами, а на науку мало обращали внимания. Конец такому обучению положил приход нового учителя русского языка А.Д. Данилова, который с первых же уроков стал знакомить учениц с «Войной и миром». <...> Мы, дети театра, посвященные ему с детства, мы не знали, что есть и другая жизнь, кроме театральной. <...> Мы избавились от невежества, получили вкус к развитию, к образованию, нам захотелось больше знать и учиться». Зато занятия балетом выработали у актрисы осанку, грацию, пластику, чувство ритма, привычку к физическим нагрузкам и отсутствие страха сцены...

В этой комнате Ермолова жила после революции 1917 года

В 1866 году Николай Ермолов помог дочке сыграть в водевиле «Жених нарасхват» – кокетка Фаншетта стала первой ролью Маши в Малом театре. А потом представился судьбоносный случай. Прима Малого театра Надежда Медведева готовила к Рождеству 1870 года свой бенефис – роль герцогини Орсити в трагедии Лессинга «Эмилия Галотти». Но исполнительница главной роли Гликерия Федотова неожиданно заболела. Племянница Медведевой уговорила тетушку посмотретьеть ее подругу по училищу Ермолову. Знакомство сначала не произвело на звезду впечатления, но она все-таки ве-

лела девочке выучить роль. Через несколько дней Маша читала монолог Эмилии перед Медведевой: «...я сразу поняла, что судьба направила меня в верную сторону и столкнула с настоящей актрисой». Как Медведева убедила дирекцию допустить эту авантюристку с 16-летней балеринкой – история умалчивает. И хотя разрешение было получено, театр ждал возврата билетов в кассу и провала, в успех дебютантки никто не верил. Но он был оглушительным! Редко бывало, чтобы стареющая первая актриса со слезами приветствовала молодую: Медведева открыла для Малого театра звезду первой величины...

Письменные принадлежности в кабинете М.Н. Ермоловой

В кабинете
Н.П. Шубинского

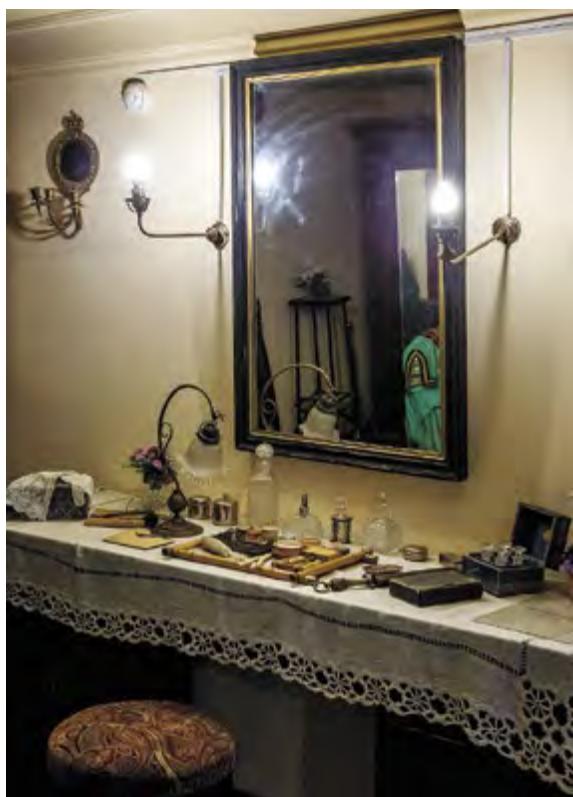
САМА ТРАГЕДИЯ

Скрипучие дубовые ступени главной лестницы помнят стук каблучков хозяйки и ее именных гостей – побывать в доме супругов Ермоловой и Шубинского считалось престижным. Здесь был весь цвет Серебряного века. Ермолова стала центром московской театральной жизни, ее избирали почетным членом – от Общества любителей российской словесности до Общества трезвости и сбережения копейки. Члены московского Литературно-художественного кружка заказали Валентину Серову портрет актрисы в связи с 35-летием со дня первого выхода на сцену Марии Николаевны. В музее рядом с ним можно увидеть картину Леонида Пастернака «Дебютантка», которую художник написал в 1892 году, очевидно, со слов самой Ермоловой. Это мгновение перед ее выходом на сцену: помощник режиссера следит за текстом, чтобы дать отмашку испуганной девице в кринолине и напудренном парике, а взволнованная мать шепчет молитву и крестит дочь. «Мне казалось, что я забыла роль, что не скажу ни слова. Вдруг меня кто-то толкнул сзади – и я была на сцене... Аплодисменты на минуту остановили меня, я не видела публики... я почувствовала вдруг, что я не робкая девочка, а актриса, – писала Маша после премьеры. – «Боже! – думала я, – не перенесу, если меня не вызо-

вут ни разу! если я провалюсь!» Первая сцена прошла, я ухожу и слышу громкие аплодисменты и вызовы... дрожа, но уже не от робости, а от счастья, я вышла раскланяться с публикой... мне единодушно хлопали; убежавши за кулисы, я зарыдала... Молитва моя была услышана, заветная мечта исполнилась... Я актриса!» В мае 1871-го Ермолова была принята в труппу театра.

Серов писал портрет актрисы в 1905 году именно в этом доме –

Гримировальный
стол

в Белом зале с зеркалами. Два месяца он приходил по утрам и садился за мольберт. Актриса выдержала 32 сеанса позирования. Она не хотела этого портрета, ее долго уговаривал художник Илья Остроухов. При первой встрече Серов спросил: «Почему?», она ответила: «Не люблю выставляться напоказ». – «А на сцене?» – «Там дело другое. На сцене нет Марии Николаевны Ермоловой. Она исчезает, растворяется в другом образе».

На полотне актрисе 51 год, она стоит в элегантном платье, сшитом в ателье Надежды Ламановой (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки». – Прим. ред.). Серов уловил в Ермоловой главное – харизму. Как заметил Игорь Грабарь, «перед вами стоит сама Драма, даже Трагедия». «Ермолова чувствовала мир как трагедию. <...> Ермоловой не нужна была психологическая сложность: ей нужно было раскрыть и показать глубину своей собственной личности, – писал литератор Георгий Чулков. – Она воистину преодолевала психологию и, значит, преодолевала страсти. Вот почему Ермолова была подлинная трагическая актриса. <...> В театре, во время ее игры, осуществлялось чудо искусства...».

За полвека сценической жизни Ермолова сыграла более 300 ролей. «В Москве можно было сомневаться в существовании Бога, но сомневаться в том, что Ермолова «вчера была хороша, как всегда» или «хороша, как никогда» – в этом сомневаться в Москве было нельзя...» – иронизировал «король фельетона» Влас Дорошевич. После спектаклей поклонники встречали ее криками «Браво!», а как-то раз Департамент полиции зафиксировал нарушение правопорядка: толпа чуть ли не на руках доставила экипаж Ермоловой до дома. В пьесе Алексея Суворина «Татьяна Репина», поставленной в 1889 году, она играла историю женщины, с которой была знакома: ее коллега Евлалия Кадмина в 28 лет покончила с собой на сцене из-за несчастной любви.

НАСЛЕДИЕ ДОМ-МУЗЕЙ М.Н. ЕРМОЛОВОЙ

Ермолова так вжилась в образ, что в finale потеряла сознание. Дали занавес, у публики началась истерика: все решили, что Ермолова умерла...

После отмены в 1882 году монополии Императорских театров появилось частное театральное дело с энергичными импресарио и успешными труппами. В 1897 году Константин Станиславский зачиняет Московский Художественный театр. В феврале 1903 года после спектакля «Три сестры» Ольга Книппер-Чехова записала: «Была Ермолова, прислая в уборную каждой сестры чудесные майоликовые вазы с цветами... Была за кулисами, восторгалась игрой, говорит, что только теперь поняла, что такое – наш театр». Она плакала на постановках «Дяди Вани» и «На дне». Станиславский активно звал ее в свою труппу. Ермолова колебалась: с одной стороны, дирекция каждый сезон безжалостно добавляет в ее репертуар по 10–12 новых пьес, на серьезные спектакли у актрисы не хватает сил, она постоянно просит дать ей передышку; с другой – уход из родного театра для нее равносителен предательству... Она осталась в Малом.

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

В кабинете актрисы сиреневые стекла. Они немного приглушают дневной свет, придавая внутреннему пространству волшебный флер. Сказочные расписные обои, длинный меч, «достехи», множество статуэток и фотографий... Эта комната посвящена даже не столько Ермоловой, сколько ее любимой героине: «Нет образа чище и светлее, чем Жанна д'Арк!»

Появление «Орлеанской девы» на русской сцене 29 января 1884 года театрovedы характеризуют как начало «ермоловской эпохи». Восемнадцать лет Жанна Ермоловой «магнетизировала зрительный зал», по словам правнучки знаменитого актера Щепкина Татьяны Щепкиной-Куперник. Погружение актрисы в роль было феноменальным: казалось, она слышала те же «голоса», что и Жанна д'Арк, умирала по-настоящему, зал ры-

Гостиная
на третьем
этаже

Эскиз
к знаменитому
парадному
портрету
М.Н. Ермоловой
работы
Валентина
Серова

дал... Но в finale пьесы Жанна не гибнет на костре. По описанию Лидии Тыняновой, «французские воины внесли на носилках раненную, умирающую Иоанну. Со слабой улыбкой, успокоенная, просветленная, окруженная своим народом, радостно встречала она смерть. Собрав последние силы, она встала с носилок и со знамением в руках стояла, озаренная ярким светом, потом, подняв глаза

к небу, тихо склонилась на руки рыцарей. Ее опустили на землю и покрыли знаменами. <...> Опустился и вновь взвился занавес. Ермолова подошла к рампе. Из зрительного зала к ее ногам летели цветы... <...> Публика неистовствовала. <...> Шестьдесят четыре раза поднимался занавес – случай единственный в летописях театра!»

«Спектакль был оформлен непрезентабельно: тонкие картонные стены часовни тряслись от прикосновения, леса и поля были намазаны зеленой краской на заднике, полый легкий «дуб», большой деревянный «камень», на котором сидела героиня в первом акте – все выглядело небрежно и дешево, – рассказывает старший научный сотрудник Дома-музея М.Н. Ермоловой Татьяна Батова. – А над этой кольчугой просто смеялись, назвав рыбьей чешуей! Дирекция не ожидала, что спектакль станет одним из самых успешных в репертуаре – зрительный зал Малого театра не вмещал всех желающих. И вот на стене фотографии: «Орлеанская дева» – на сцене Большого театра, там больше мест в зале. Для Ермоловой сделали новый костюм, декорации более качественные... Но почему для нее именно эта роль была любимой и почему зрители так бурно воспринимали спектакль? Я нашла ответ в воспоминаниях простого человека, его впечатление объясняет все. Он

был пожарником и однажды оказался в массовке, в «рядах армии» под предводительством Жанны д'Арк – Ермоловой. И он пишет: когда она призвала на бой, взмахнув мечом, то и он сам, и все вокруг были готовы пойти за ней на битву и на смерть...».

В экспозиции воссоздана грифферка актрисы: разложенное на кресле платье Эстrelы из «Звезды Севильи», зонтик, коробка с гримом – Ермолова клала очень мало грима, и зрители видели, как на сцене ее лицо краснело или бледнело... А этот гримировальный стол был подарен Марией Николаевной в 1925 году

«дорогой подруге», актрисе Александре Яблочкиной, а та, в свою очередь, передала его музею. «Тогда была интересная традиция, – говорит Татьяна Батова. – В кассе театра продавались билеты в гримуборные актеров. Конечно, в строго ограниченном количестве, стоили дорого, были именными без права передачи другому лицу, пронумерованы и действовали только в тот вечер, что был указан. Это уникальная возможность лично увидеть кумира вблизи, поговорить, преподнести цветы, получить автограф. У нас хранится билет к Ермоловой...».

Столовая.
Сотрудники музея не только воссоздали утраченную обстановку дома, но и привнесли особую атмосферу и уют...

ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ

В 16 лет Ермолова влюбилась в актера Вильде, потом были другие увлечения. Но настоящее чувство пришло к ней лишь в 23 года, когда Мария встретила будущего мужа – ровесника, дворянина, правнука председателя Госсовета и комитета министров Николая Петровича Шубинского. Он принадлежал к адвокатской элите, после университета работал помощником у знаменитого Федора Плевако. При императоре Александре II залы судов заполнялись публикой, как театры, на процессах с участием красавца Шубинского всегда было много дам. Первое свое лето, 1876 года, они провели в подмосковном Владыкине – там уже много лет родители Маши снимали дачу. В остальное время молодожены жили на Сивцевом Вражке в доме с мезонином – у родителей мужа. Летом 1877-го у них родилась дочь Маргарита. Дворянин и внучка крепостного – мезальянс, конечно. Но они оба разделяли демократические настроения. Актриса настолько была заражена ими, что даже жестокое убийство народовольцами Александра II в марте 1881-го, очевидно, ее не поколебало: осенью в своем бенефисе «Корсиканка» она убивает деспота, и Шубинский пишет: «Героиня стала грозным бойцом за гибель и несчастья других».

Жизнь ее супруга – это дружба со знатью, воскресные бега, охота, два имения, конный завод в Тверской губернии, земля в Зайском районе, три доходных дома в Москве... Однажды окоточный надзиратель предупредил о предстоящем обыске у них на Сивцевом Вражке, что позволило вовремя «скечь все нецензурное». И лишь в дни революции 1905 года, когда на Тверском бульваре строили баррикады и в доме была слышна артиллерийская канонада, Ермолова испытала чувство вины. Она просила прощения у своего священника за роли, которые повели молодежь на смерть... За 100 тысяч рублей золотом Шубинский купил жене подарок –

Экспозиция посвящена 50-летию творческой деятельности М.Н. Ермоловой в Малом театре 2 мая 1920 года

трехэтажный особняк на Тверском бульваре. После покупки фасады дома украсили богатым декором: лепные гирлянды, барельефы, на фронтоне и сейчас виден вензель «Ш». Супруги сами «обставили дом и заводили новую обстановку» в 22 комнатах. Первый этаж с XVIII века сохранил сводчатые потолки и низкие оконца вровень с землей – там жила прислука, была кухня, а экспозиция рассказывает о детстве и юности Ермоловой. Второй и третий этажи посвящены творчеству актрисы. У каждого супруга было свое пространство: два кабинета, две спальни, библиотека.

По утрам из булочной Филиппова им приносили свежие калачи, из Страстного монастыря – просвирь. На воскресную службу и по праздникам семья ходила в церковь у Никитских ворот, зимой катались на коньках на Патриарших прудах. Бывало, между репетицией и спектаклем Ермолова со своими собачками гуляла на бульваре. Помимо прислуки в особняке всегда были посторонние люди: на первом этаже, где сейчас расположен гардероб музея, бесплатно предоставлялся «стол и кров» для паломников и путешественников – Шубинский председательствовал в нескольких благотворительных организациях. Наверху – комнаты для родственников, там постоянно жила незамужняя сестра адвоката Мария Петровна, известная своей прямолинейностью: «Вы, конечно, больше не хотите чаю?» – спрашивала она гостей, хозяйничая за столом. Ермолова при этом морщилась как от боли, куталась в платок, словно ей было холодно. Создавалось ощущение, что это не ее дом, что она здесь чужая...

«Шубинский был не только адвокатом, он вел интенсивную деятельность, – говорит Татьяна Батова. – Был депутатом Государственной думы двух созывов от партии октяристов, поддерживал политический курс Столыпина. С этим особняком он купил и соседнее здание слева – доходный дом, дававший семье финансовую стабильность. Перед этим зеркалом на конторке

Кабинет актрисы.
Справа –
ее костюм
для роли
Жанны д'Арк

Николай Петрович репетировал речи в суде. А Мария Николаевна репетировала в спальне – там зеркало в полный рост. Оба супруга многое достигли, у каждого был свой круг общения. По большому счету, их интересы не пересекались, это отразилось на семейной жизни – чувства угасли, только из-за дочери брак сохранили. Но у Маргариты счастливого детства не было...

«В доме постоянно была атмосфера тоски, надрыва и обреченности, всех тяготила собственная жизнь и сочетание с окружающими, – вспоминала Маргарита Николаевна. – Между отцом и матерью была сложность их брака,

сделавшегося фиктивным, с тех пор, как мать полюбила П., а отец имел направо и налево любовные связи...». В «П.» актриса влюбилась через семь лет брака. Они познакомились в доме ее сестры Анны, и только та знала об их романе. Действительный статский советник, заслуженный профессор Московского университета, практикующий терапевт Константин Павлов. Повзрослев, Маргарита узнала всю историю: «...она хотела уйти от моего отца к человеку, которого полюбила безграничной любовью – на всю жизнь... Но наше прощание с ней, мое отчаяние заставили ее отказаться от этого решения. Отец, совершенно не любя меня и не интересуясь моей жизнью, отказался отдать меня ей, и это заставило ее изменить ее решение и остаться со мной. <...> Мне было тогда 8 лет».

Летом актриса с дочкой ездила в Крым, подружилась в Ялте с доктором Леонидом Срединым и проводила в его обществе все свободное время. Но однажды исчезла, в записке он прочитал: «...не удивляйтесь и не сердитесь. Я уехала в Севастополь. <...> Завтра или послезавтра вернусь». Просто она узнала, что в Севастополе в это время находился Павловин...

Мария Ермолова
играла Жанну
д'Арк восемнадцать лет...

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

В 1899 году Маргарита вышла замуж за ученика Павлинова, терапевта Василия Зеленина, через год родила сына Николая, а в 1914-м, незадолго до войны, супруги развелись. Ермолова, мало уделявшая внимания дочке в детстве, с внуком испытала «всю гамму нерастраченных материнских чувств». Бабушка сочиняла для Коли сказки, романтические рассказы, стихи, он наизусть знал лучшие ее роли, любил книги, музыку и пение...

В октябре 1917-го на Тверском бульваре горели дома, прямо под окнами особняка шли бои между большевиками и юнкерами. Вооруженные люди разгромили фойе и артистические комнаты в Малом театре, портрет Щепкина проткнули штыками. Шубинский лишился доходных домов, вкладов, имений, земли и в 1918-м с дочерью и внуком уехал в Крым. Оттуда, уже один, бежал с остатками армии Врангеля в Константинополь. Василия Зеленина как военврача мобилизовали в Красную армию – на фронте он заразился сыпным тифом и умер в 1920-м. Из подвала особняка на Тверском в парадные залы второго этажа перебралась прислуга, в устроенную коммуналку вселились чужие люди, свет в доме отключался, вода в трубах замерзала, нечем было топить печи, фунт хлеба стоил 200 рублей. Актриса продавала подарки публики, отдала в Музей Бахрушина серебряные венки и бриллианты. Она по-прежнему играла на сцене, была в почете: 64-летнюю актрису освободили от трудовой повинности по уборке снега.

Зная о непрактичности Марии Николаевны, Станиславский задумал всенародно отметить 50-летие ее сценической деятельности и обеспечить ей старость. Он обратился к правительству с просьбой провести торжественный вечер и «подарить» Ермоловой ее национализированный дом. Чествовали великую русскую актрису 2 мая 1920 года: от артистического входа Малого театра по Театральной площади были расстелены ковры, от Большой Дмитровки

пролетка доставила юбиляршу к подъезду, Марии Николаевне посадили в кресло и внесли в театр. Звучали поздравления от всех театров и режиссеров, на вечере присутствовал Ленин. Праздник закончился в три часа утра.

В тот же день актрисе подарили ее дом – во второй раз... Правда, она продолжала жить в двух комнатах, но теперь получала с жильцов плату за аренду. Пришла весточка о Шубинском: он устроился в Константинополе на работу в богатую семью, болел, а подлечившись, собрался с товарищами по конной охоте переехать во Францию, но болезнь вернулась, и в 1921 году его не стало. Ермолова горько плакала...

Три года Гражданской войны разорвали семью на части. Осенью 1921-го дочь и внук вернулись к ней. Маргарита управляла домом, Коля поступил в Московский уни-

верситет – пошел по стопам отца. Но как внука октябряста и эмигранта Шубинского его отчислили, однако за него заступился наркомздрав Семашко: Зеленин также внуk народной артистки Ермоловой и сын врача Зеленина, погибшего на фронте за Красную армию. Студент продолжил учебу в Ленинградском университете.

Ермолова ушла из театральной жизни, мало с кем общалась. Зимой 1925-го она захворала, и в дом на Тверском бульваре пришел знаменитый профессор Павлинов – они встретились через сорок лет. Как лечащий врач, он часто навещал Марию Николаевну – был обнаружен «процесс в легких». Она умерла в 7 часов 14 минут 12 марта 1928 года в возрасте 74 лет. Мария Николаевна завещала похоронить ее на скромном сельском кладбище, возле могил ее родителей и сестер – во Владыкине, у храма Рождества Пресвятой Богородицы.

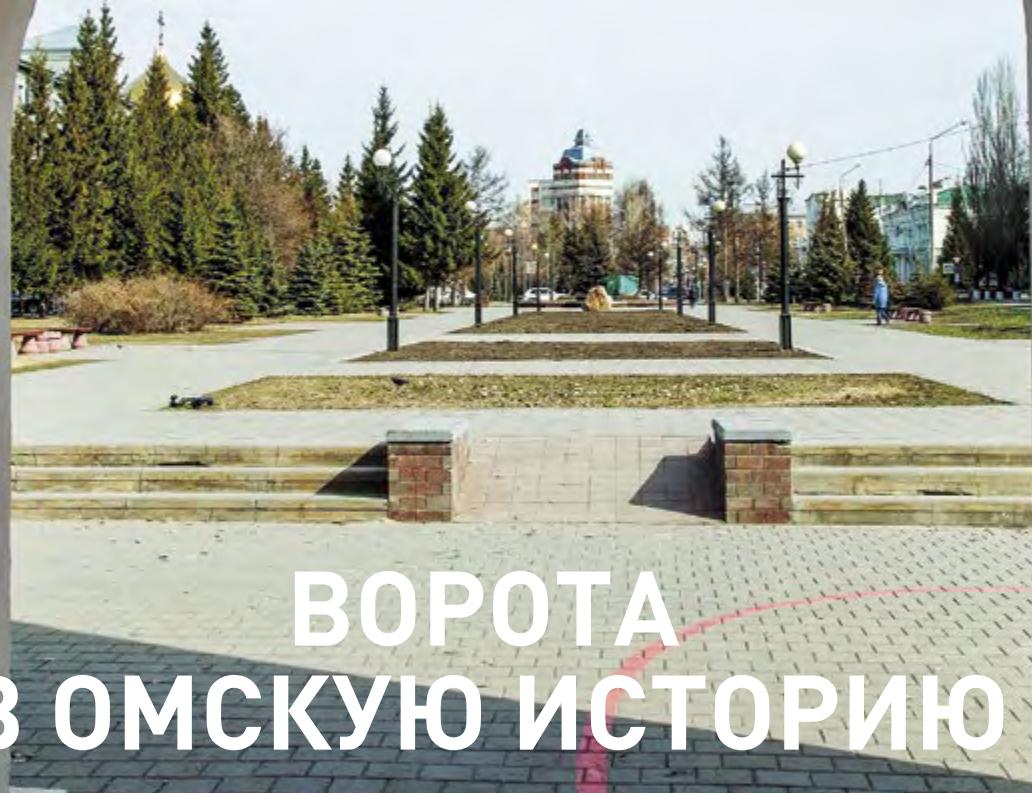
В храме Большого Вознесения у Никитских ворот прошло отпевание. Вся Москва прощалась с актрисой, толпа заполнила улицы по всему маршруту перемещения процессии. Тогда же решили поставить на Театральной площади памятник Ермоловой – первый памятник актрисе в стране. Но не поставили.

Особняк на Тверском Маргарита Николаевна безвозмездно передала Моссовету, который представил ей там же в пожизненное пользование квартиру из четырех комнат. В марте 1930 года дочь стала первой хранительницей и заведующей Дома Ермоловой. Ее сын, Николай Васильевич Зеленин, стал выдающимся психиатром, главным врачом психиатрической больницы под Псковом. Он умер от голода в феврале 1942-го в блокадном Ленинграде... Его дочь, названная в честь прабабушки, живет сейчас в Москве.

В 1971 году прах артистки был перезахоронен на Новодевичьем кладбище – рядом с Чеховым, Станиславским и актерами МХТ. Вместе с Ермоловой покоятся ее дочь Маргарита и подруга Татьяна Щепкина-Куперник...

Здесь Мария Николаевна закончила свою жизнь...

ВОРОТА В ОМСКУЮ ИСТОРИЮ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МИМО ОДНОГО ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ОМСКИХ МУЗЕЕВ ЖИТЕЛИ И ГОСТИ ГОРОДА ЧАЩЕ ВСЕГО ПРОХОДЯТ, ДАЖЕ НЕ ДОГАДЫВАЯСЬ О ТОМ, СКОЛЬКО ИНТЕРЕСНОГО НАХОДИТСЯ ВСЕГО В ПАРЕ ШАГОВ ОТ НИХ. ТОЧНЕЕ СКАЗАТЬ, ПРОХОДЯТ ЧЕРЕЗ НЕГО – ВЕДЬ МУЗЕЙ НАХОДИТСЯ В ТАРСКИХ ВОРОТАХ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ. А БУЛЬВАР, НА КОТОРОМ РАСПОЛАГАЕТСЯ СИЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ – ЛЮБИМОЕ МЕСТО ПРОГУЛОК ОМИЧЕЙ.

Однажды впечатляющим сводом вполне может укрыться от дождя или по-южному жаркого солнца небольшая компания. И здесь бросается в глаза дверь старинного вида, которая обычно заперта. Можно даже подумать, что функция у нее чисто декоративная. Но в реальности за ней скрывается нечто весьма любопытное... Реставратор и знаток омской истории Игорь Коновалов от-

крывает старинную деревянную дверь впечатляющим ключом. Вверх ведет лестница – такая узкая, что двоим на ней никак не разойтись. Поднимаемся по крутым ступенькам, освещенным солнечными лучами, которые падают в узкое окошко. «Такие лестницы в стенах – характерный элемент крепостной архитектуры. Хотя именно здесь изначально ее не было, исторически вход был с крепостного вала», – поясняет Игорь Леонидович.

Наверху – просторное помещение. Здесь находится общественный музей Омской крепости, созданный энтузиастами, неравнодушными к истории родного города. Его экспонаты могут рассказать многое об истории крепости, жизни и быте солдат, с XVIII века защищавших рубежи отечества. Причем к истории в прямом смысле можно прикоснуться: в отличие от традиционного музея трогать руками экспонаты не возбраняется, даже наоборот.

КРЕПОСТЬ ЗА УРАЛОМ

Омская крепость – самая большая русская крепость за Уралом – представляла собой многоугольник из бастионов, полубастионов и редантов, на которых стояли 22 пушки. Площадь крепости составляла около 30 гектаров. Академик Петр Паллас, побывавший в Омске в 1771 году, описывал ее так: «Сия Новая весьма ма выгодное положение имеющая Омская крепость, укреплена весьма прекрасным образом по новым воинской архитектуры правилам, и с 1768 г., когда она начата, выстроено оной под смотрением своего основателя весьма много. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, который на реке Иртыше сходится, и из крепкого дерном выложен-

ного земляного вала и широкого сухого рва состоит».

Крепость играла важную стратегическую роль, обеспечивая защиту южных рубежей и продвижение русской цивилизации в Азию. Потому здесь всегда стоял внушительный гарнизон. Например, в 1805 году в крепостном гарнизоне числились 3463 солдата и 92 офицера.

В крепость вели четверо ворот, ориентированных по сторонам света. Восточные Омские – со стороны моста через Омь, южные Иртышские – со стороны Иртыша, Тобольские – на западной стороне крепости и Тарские – на ее северной стороне. От Тарских ворот веером расходились дороги на Тобольск, Тару и в Барабинскую степь. Изначально ворота

Реставратор Игорь Коновалов в музее, созданном при его непосредственном участии

были деревянными, но в 1791–1794 годах их заменили каменными, сложенными из местного кирпича. Новые крепостные ворота представляли собой четырехугольные башни на мощных основаниях с арочными проездами. На сланцевых плитах над проездами были выбиты названия и даты постройки. Стены по бокам были усилены массивными контрфорсами – эти выступы принимали на себя вес массивного свода.

За свою более чем двухсотлетнюю историю ворота несколько раз перестраивались. Найденные недавно исторические документы позволили выяснить, что изначально их отделка была выполнена в стиле петровское барокко, предполагавшем лаконичный декор, строгую симметрию и уравновешенность. Стройность и строгость мощным сооружениям придавали сдвоенные пилястры (вертикальные выступы прямоугольного сечения. – Прим. ред.) и ступенчатые аттики (декоративный выступ над верхним карнизов архитектурного сооружения. – Прим. ред.), ведущие свою родословную от римских триумфальных арок.

Из четырех крепостных ворот до наших дней дожили лишь Тобольские. Остальные были снесены в годы советской власти как ненужные или мешающие элементы архитектуры. Первыми исчезли Иртышские ворота, в 1936 году разобрали Омские, в 1959-м, несмотря на протесты горожан, снесли Тарские... Возвращались из небытия они «в зеркальном порядке». В 1991 году на сохранившемся фундаменте восстановили Тарские ворота. Позже, к 300-летию Омска, были воссозданы Иртышские и Омские крепостные ворота. Правда, Омские пришлось сдвинуть с места, где они располагались изначально, иначе они оказались бы посередине проезжей части. А вот идея воссоздания фрагмента крепостного вала, которая неоднократно озвучивалась историками и краеведами, по-прежнему остается только мечтой...

Так Тарские ворота выглядели в конце XIX века

ТАРСКИЕ ВОРОТА

Здесь прохладно даже в солнечную погоду: соответствующий микроклимат обеспечивают толстые стены. «Это караульное помещение, – рассказывает Игорь Коновалов. – Такое же, как и то, что было здесь в XVIII–XIX веках. Уровень пола совпадал с уровнем оборонительной насыпи, одно из нынешних окон было как раз входной дверью». Вокруг этого окна сейчас для наглядности нарисована дверь.

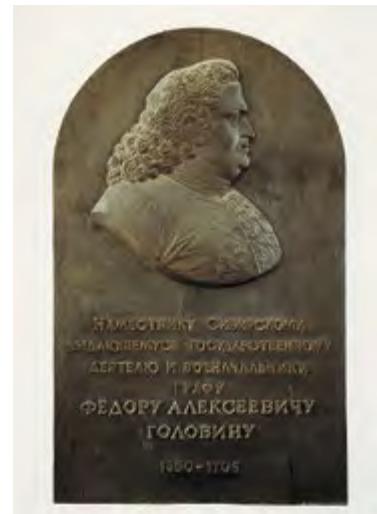
Крепостной вал имел строго рассчитанный и весьма интересный профиль. Он представлял собой ряд разных плоскостей, не только ставивших противника в невыгодное положение, но и позволявших солдатам, к примеру, удобно положить ружье. Вал не был вертикальным как стена. Это была, скорее, горка, на которую вполне можно было подняться пешком. Казалось бы, какой в этом смысл? Однако смысл есть. Обороняющимся солдатам было легко расстреливать противника, пока он поднимался по открытому склону (эскарпу), где негде было укрыться. И при этом «не высываться» самим.

Караульное помещение в Тарских воротах состояло из двух комнат. Первая комната была холодная, там хранили шанцевый инструмент и амуницию. Она выполняла функцию прихожей: солдат сначала попадал сюда, а затем проходил в теплое помещение с печкой, где служилые отыхали. Сейчас печки здесь нет, но есть камин. «Когда ворота восстановили, нужно было сделать внутри этого помещения какой-то визуальный центр. И мы решили сделать камин, – объясняет Игорь Коновалов, который в далекие 1990-е вместе с омскими архитекторами Михаилом Хахаевым и Ольгой Лесниченко работал над воссозданием Тарских ворот. Функция у камина, правда, исключительно декоративная. – Он не топится. Мы чего-то не

Рундуки для дров напоминают вход в таинственный подземный тоннель

рассчитали, пытались его затопить, но дым пошел в помещение. Мне потом специалисты объяснили, что именно мы

Выдающийся русского дипломата Федора Головина в Омске помнят

не учили – многое зависит от формы топки».

В полу – два симметричных кольца. Под крышками люков – хранилища для дров. Игорь Леонидович называет их по-военному – «рундуки». «Зимой караульным не хотелось каждый раз спускаться вниз, брать из поленницы замерзшие дрова и тащить их сюда наверх. Потому осенью рундуки доверху набивались дровами, которых хватало до весны – толстые стены остывали медленно». На первый взгляд кажется, что эти дровяные хранилища очень глубокие и доходят до самой земли. Но это обманчивое впечатление. «Под нами замкнутый цилиндрический свод, по бокам – две пазухи. Соответственно, глубина пазух равняется радиусу свода, где-то 160 сантиметров», – поясняет Игорь Коновалов.

Живописные полукруглые ниши в проезде ворот делались совсем не для красоты, а имели сугубо практическое назначение. Когда через ворота проезжали повозки, караульный солдат отходил в такую нишу.

Кстати, главные ворота Омской крепости можно с полным правом именовать башней. «Чем проезжая башня отличается от ворот? В ней должны быть еще какие-то помещения. В Тарских воротах они были, а вот в остальных – нет», – объясняет реставратор.

И еще один интересный момент. В арке Тарских ворот висит памятная доска: «Наместнику Сибирскому выдающемуся государственному деятелю и военачальнику Федору Головину». Резонный вопрос: какое отношение этот человек, умерший за десять лет до основания Омска, имеет к городу? Но оказывается, именно Федор Головин в свое время заключил пограничное соглашение с Китаем о разделе территорий – Нерчинский договор, по которому земли, где потом возвели Омскую крепость, отошли к Русскому царству.

МУЗЕЙНЫЕ СЕКРЕТЫ

Необычный музей в Тарских воротах фактически ровесник самих воссозданных ворот. В этом году ему исполняется 30 лет. Экспонаты здесь разные: есть исторические, добытые самыми разными путями, найденные, купленные; есть изготовленные Игорем Коноваловым и его коллегами макеты. Экспозиция музея не меняется, но регулярно пополняется новыми артефактами. Первыми экспонатами стали несколько кирпичей из исторического фундамента ворот. А еще – армейские табуретки. От обычных они отличаются тем,

что имеют пирамидальную форму – расширяются книзу, за счет этого они более устойчивы. «Когда ликвидировали воинскую часть, которая в советские времена располагалась на территории крепости, эти табуретки военные просто бросили. И мы их подобрали», – рассказывает Игорь Коновалов. Также появился стол для чистки ружей. Столешница у него открывается, внутри – ящик, в котором есть все необходимое, включая шомпол и ветошь. Правда, сейчас его открывают редко – стол заставлен экспонатами. По стенам развешаны планы крепости разных лет. Самый яр-

На этой лестнице сразу в полной мере ощущаешь, что находишься в крепости

кий – как раз над камином. Его рисовал Борис Кунеевский, энтузиаст, много лет исследовавший историю Омской крепости. А самым точным считается план крепости 1803 года.

Внимание посетителей неизменно привлекает старинное ружье. «Это, конечно, макет, – улыбается Игорь Коновалов. – Это кремневое ружье образца конца XVIII – начала XIX века. Солдаты на валу стояли с такими ружьями. Макет я делал сам. У меня был оригинал, по которому я его делал, исходя из технических возможностей, то есть делал кустарно».

А вот якорь настоящий. И фактически отсылает к началу истории Омской крепости – не этой, а первоначальной, давшей начало городу Омску. Ведь отряд Бухгольца прибыл к месту строительства Омской крепости по реке. «Якорь от современных отличается тем, что у него два каната, – объясняет реставратор. – Якорь поднимали вручную, за один канат его физически не вытащишь. Лебедок не было, потому его нужно сначала раскачать, чтобы выдернуть из ила, а потом уже две пары солдат его поднимали».

Логистика того времени была связана на главную водную магистраль – все необходимое в Ом-

В XIX веке в Омске были распространены кирпичные мостовые. Кирпичом, уложенным «в елочку», мостили тротуары на главных улицах. «Железняковый» кирпич (пережог) был прочным и влагостойким

скую крепость везли по Иртышу из Тобольска. Весной после ледохода караван дощаников (плоскодонных речных судов с палубой и мачтой) выходил из Тобольска, к середине лета суда доходили до Омска, потом возвращались обратно. То есть за сезон они делали всего один рейс. По течению шли на веслах, а против течения их тащили бурлаки. Весло тоже настоящее – с учебного баркаса Омского речного училища. Но на дощаниках были примерно такие же. О солдатских буднях помимо ружья напоминают и макеты пушечных ядер, сложенных в углу. Среди них есть одно настоящее – самое непрезентабельное на вид, маленько и ржавое. Оно когда-то было куплено для музея на местной барахолке. По противнику пушки Омской крепости не стреляли ни разу, но учения проводились регулярно, потому стариные пушечные ядра порой находят в исторической части города. Ядра были разного калибра. Поменьше – цельнометаллические, побольше – разрывные с порохом. Разрывные наносили больший ущерб, зато цельнометаллические были многоразовыми. После боя их можно было собрать. А вот орудий больших калибров в Омской крепости не было. «Чем

На рассказ обо всех здешних экспонатах и целого дня не хватит

больше калибр, тем меньше дальность стрельбы. Для тех, кто защищает крепость, нет смысла в больших калибрах. Пушки больших калибров нужны тем, кто штурмует укрепления», – поясняет Игорь Леонидович.

На стене висит список поставленных в крепость артиллерийских припасов, в котором перечислено все, что требуется для того, чтобы крепостные орудия находились в рабочем состоянии. Это фактически копия тогдашней крепостной документации. «Столько-то передков пушечных, картузов с порохом, с картечью,

втулок, клиньев, банников, фузовников, – зачитывает реставратор. – Здесь упоминают банники. Вот как выглядит банник, но это «половинка» без ручки... У него две функции: чистка и охлаждение ствола. После выстрела образуется пороховой нагар, и ствол орудия греется».

К стене прислонен клинок от спортивной рапиры – напоминание о шпагах, которыми были вооружены младшие офицеры. На самодельной вешалке с деревянными штырьками вместо привычных нам металлических крючков висит шинель, рядом – фуражка. Шинель – правда, немного другого края – появилась в солдатском обиходе во времена Павла I, когда Омская крепость была важным оборонительным сооружением.

А еще здесь есть целое собрание разнообразных подков, имевших тогда не меньшую стратегическую важность, чем боеприпасы. «Вот эта подкова беговая зимняя правая, а вот эта – грузовая летняя левая. Зимние были шипованные – как сейчас зимняя резина на автомобилях, – поясняет Игорь Коновалов. – Армейских лошадей по сезону перековывали, потому что это фактор боевой готовности. Если лошадей не пе-

Старинный якорь фактически один из символов омской истории

рекуют вовремя, она зимой может поскользнуться в самый неподходящий момент».

Не обошли вниманием авторы экспозиции и предметы быта. На камине стоит керосиновая лампа. Картина дополняет кухонная утварь: керамические горшки, самовар, кованая сечка и долблёное корыто для шинковки овощей. А вот предмет, который часто сравнивают с утюгом – рубель. Стирального порошка тогда не было, вещи стирали щёлком, полученным из золы. Последней было более чем достаточно – печи топили регулярно. Но после стирки таким моющим средством вещи становились жесткими, грубыми, их нужно было размягчить. Для этого и использовали рубель.

Еще один колоритный элемент солдатского быта, внешне напоминающий мотыгу – скребок. Пищу для солдат готовили в большом кotle, она неизбежно пригорала, и котел потом приходилось чистить. Рядом – бочонок для вина, которое выдавалось каравальным в зимнее время.

Отдельная разновидность прекрасного – печные заслонки разных лет. Их можно принять за старинные металлические барельефы – одни украшены узором, на других есть даже гербы. Стоит обратить внимание и на старинную дверь, ведущую в этот музей – она тоже из спасенных реликвий. Раньше она находилась в здании, в котором до революции размещалось военно-ветеринарное управление. Во время реконструкции исторического здания ее собирались выбросить...

А еще в музее есть экспонаты, которые куда старше Омской крепости – бивни мамонтов, рога бизонов. «Не мы здесь первые, – улыбается Игорь Леонидович. – 10 тысяч лет назад по территории Омской крепости ходили мамонты, на берегу Иртыша паслись бизоны...».

Кстати, когда несколько лет назад в северной части Тобольских ворот проводились земляные работы, там был выявлен обширный культурный слой бронзового века, относящийся к III тысячелетию до н.э. То есть территория крепости является еще и археологическим памятником...

Самый точный план новой Омской крепости – в караульном помещении он более чем к месту

Так исторически выглядело здание штаба Омской крепости

ОСТРОВОК СПОКОЙСТВИЯ

Крепость на правом берегу Оми возводилась по системе лучшего специалиста по фортификации тех времен – французского военного инженера Себастьяна Вобана. Вобан неслучайно называл свои творения «крепким местом» – строительство Омской крепости кардинально изменило ситуацию на южной границе Российской империи: она стала воистину неприступной преградой для всех, кому могли приглянуться эти территории. «За всю историю Омской крепости на нее не решились напасть ни разу, но это не умаляет достоинства защитников. Противник может напасть, только когда чувствует свою силу. А сюда никто не сунулся, потому что понимали, что это бесполезно, – объясняет Игорь Леонидович. – А ведь соседи здесь были весьма беспокойные. Прежде всего Джунгарское ханство – полукочевое государство. У кочевника нет понятия границы: у него куда стадо идет, туда и он кочует. Джунгар пытались поставить в какие-то рамки, ведь русские, в отличие от них, вели оседлый образ жизни: у нас есть поле и есть межа. И вот им объясняли: это поле наше, а вот выпас этот – ваш. Но, несмотря на все объяснения, конфликты случались регулярно. И крепость была настоящим островком спокойствия посреди беспокойных степей».

Джунгарский вопрос в итоге решили китайцы. Но тогда перед русским правительством встал другой вопрос: как не допустить вторжения на российскую территорию цинских войск? Неслучайно в Омске были расквартированы штаб Сибирского корпуса, пехотные и артиллерийские части, инженерное ведомство, наказной атаман и управа Сибирского казачьего войска. В Омской крепости размещалась и пограничная комиссия, занимавшаяся

контактами с казахами и правителями Средней Азии. Свое боевое значение Омская крепость утратила в середине XIX века, когда граница Российского государства отодвинулась дальше к югу. 7 октября 1864 года Омская крепость была упразднена Военным министерством.

К концу XIX века от упраздненной крепости остались только каменные въездные ворота да кое-где заросшие травой и кустарником валы и рвы. А также сохранившаяся до наших дней планировка исторического центра. Это наглядно показано на простой схеме, изготовленной из упаковочного картона. Видно, что улицы расходятся от крепости лучами. Это исторические линии прострела крепостных пушек, стоявших на бастионах. Дальность полета ядра была больше ширины эспланады – окружавшей крепость территории свободного выстрела. Местные жители учитывали это обстоятельство и дома строили в промежутках.

Стены караульного помещения ныне украшают планы и фотографии крепостных зданий – есть, например, первоначальный вид Тарских ворот после постройки в 1792 году. А еще здесь и сегодня можно увидеть, как выглядели крепостные сооружения до сомнительной реконструкции, в результате которой от их первоначального облика остались лишь воспоминания. Вот, к примеру, план инженерной мастерской, где многократно бывал Федор Михайлович Достоевский, тогда – заключенный Омского острога. «Там были кузнечное, слесарное, малярное и столярное отделения, – рассказывает Игорь Коновалов. – В кузнецном Достоевского заковывали в кандалы и расковывали, а в столярном Федор Михайлович крутил токарный станок, на котором вытачивали деревянные балясины и прочие детали».

Камин
по прямому
назначению
не используется,
но смотрится
очень живописно

«СТАЛЬНАЯ ГРУДЬ СИБИРИЯКОВ»

Многие воинские подразделения, размещавшиеся на территории Омской крепости, навсегда вписали свое имя в историю России. Они участвовали в войне 1812 года, в присоединении Бухарского, Кокандского, Хивинского ханств, Русско-японской войне, Первой мировой, Великой Отечественной...

В новой Омской крепости квартировал Ширванский мушкетерский полк (с февраля 1811 года – Ширванский пехотный полк. – Прим. ред.) – его перевели в Сибирь с берегов Каспия в числе других полков для укрепления восточных рубежей. «Зимние квартиры» ширванцев образовали внутри крепости целую улицу. Ныне это улица

Сpartakovskaya, на которой стоят Тарские ворота.

Пограничная служба событиями не изобиловала, но назначенный шефом ширванцев в 1808 году боевой офицер полковник Федор Зварыкин каждодневными учениями быстро привел полк в форму, соответствующую уставному порядку. И очень вовремя. Ведь за время Отечественной войны 1812 года ширванцы снискали славу одного из лучших пехотных полков Русской армии. Звезда этой славы зажглась в сражении на Бородинском поле, где ширванцы обороняли батарею Раевского, на которую был направлен главный удар французов. Именно эту батарею в наполеоновской армии прозвали «редутом смерти». «Всякий помнит,

Крепостная
кордегардия,
увековеченная
Достоевским
в «Записках из
Мертвого дома»

как храбрые ширванцы хладнокровно выдерживали в Бородинском сражении удары несметной французской конницы, раз за разом разбивавшейся о стальную грудь сибиряков», — писал современник. На Бородинском поле ширванцы проявили отчаянную храбрость и стойкость. В Центральном военно-историческом архиве хранится ведомость потерь 1-й Западной армии в сражении при селе Бородино. Среди сибирских частей, бывших в деле, наибольшие потери понес именно Ширванский полк: «Убито 5 унтер-офицеров, ранено 14. Рядовых убито 174, ранено 283. И 41 человек пропал без вести».

В начале 1814 года Ширванский полк, переправившись через Рейн, вступил во Францию, где участвовал во взятии Суассона и в сражении при Краоне. В жестокой схватке под Краоном полк выдержал несколько яростных атак французской конницы. Во время штурма неприятельских батарей ширванцы были окружены. Находясь под вражеским огнем, расстреляв все патроны, сибиряки, ободряемые мужеством Зварыкина, трижды ходили в атаки. И неприятель бежал...

С 1910 года в Омской крепости, уже утратившей военное значение, стоял 43-й Сибирский стрелковый полк, который через три года в составе 11-й Сибирской стрелковой дивизии ушел на Перовую мировую войну. Этот полк был прямым преемником си-

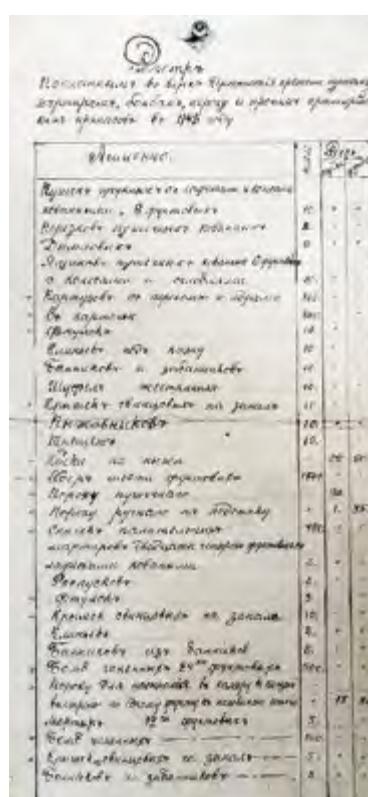
Главные
крепостные
ворота можно
с полным правом
именовать
башней

бирского гарнизона Санкт-Петербургского полка, солдаты которого участвовали в строительстве первой крепости.

В 1953 году на территории крепости разместили зенитно-ракетный артиллерийский полк смешанного калибра. А в финале военной истории Омской крепости отметились уже зенитно-ракетные комплексы С-200...

Крепостные ворота хранят память о всех воинских формированиях, чья история так или иначе была связана с Омской крепостью: несколько самодельных плакатов посвящено дислокации воинских подразделений на ее территории и главным вехам их боевого пути.

Очень символично, что этот, пожалуй, самый омский из всех омских музеев, находится на входе в историческую крепость, с которой, собственно, и начался город Омск. Слева от Тарских ворот виднеется деревянная башенка старейшего сохранившегося здания – крепостной гауптвахты, выполнившей и функции ратуши. А бульвар, который проходит через Тарские ворота, ведет к скверу, разбитому на месте крепостной площади плац-парадов...

Образец крепостной документации

АРКТИЧЕСКИЙ ПОНИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

МАЛЕНЬКАЯ, ЛОХМАТАЯ, ЧЕРТОВСКИ
ВЫНОСЛИВАЯ, РАБОТЯЩАЯ И СМЫШЛЕННАЯ,
ЭТА ЛОШАДКА НЕЗАМЕНИМА В УСЛОВИЯХ
РУССКОГО СЕВЕРА. ОСВАИВАЯ ДАЛЕКИЕ
ОКРАИННЫЕ ЗЕМЛИ, НАШИ ПРЕДКИ ВЫВЕЛИ
ЛОШАДЬ, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИЛА ИМ ВЫЖИТЬ
В БОГАТОМ ПРИРОДНЫМИ ДАРАМИ, НО СУРОВОМ
КРАЮ. МЕЗЕНКА – ТАК НАЗЫВАЮТ ЭТУ МЕСТНУЮ
ПОРОДУ – ЗДЕСЬ НЕ «СКОТИНА», НЕ «ДОМАШНЕЕ
ЖИВОТНОЕ», А ВЕРНЫЙ ДРУГ И ПОМОЩНИК.
А ЕЩЕ – КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ,
КОТОРОЕ НУЖДАЕТСЯ В ОХРАНЕ.

НЕЧЕСАННАЯ ТЕМНАЯ
челка, карие глаза. Рыжая
дерзкая морда в ожидании
утешения глядит на гостей поверх
деревянной ограды – только зимой и

можно увидеть мезенку в загоне,
а летом ее выпускают на вольные
хлеба. По песчаным отмелям Мезени и Пёзы бродят, как и пятьсот
лет назад, не знающие пастуха
табуны длинногривых приземи-

стых лошадок. И при взгляде на них едва заметная дрожь, доставшаяся от предков – охотников, путешественников, покорителей новых земель, – пробегает по нашим спинам.

Породы лошадей специалисты делят на две группы: заводские и аборигенные, объясняет руководитель Селекционного центра по мезенской породе Архангельского НИИ сельского хозяйства Ирина Борисовна Юрьева. Почти все животные, с которыми сегодня встречается человек – на скачках, в конных клубах, на конефермах или в частных хозяйствах, – относятся к породам заводским. Это значит, что в далеком прошлом таких животных не было. Человек выводил их – идеальных для войны, перевозки тяжестей, долгих путешествий. Поколение за поколением люди отбирали лошадей с нужными признаками и

Сегодня аборигенные породы животных нуждаются в защите человека

развивали эти свойства. Так складывались знаменитые лошадиные породы. Граф Алексей Григорьевич Орлов десятилетиями оставлял для потомства животных с устойчивой резвой рысью, которые бы соединяли сухость сложения арабских скакунов с мощью европейских упряжных пород – в результате был выведен орловский рысак. Массивного и выносливого русского тяжеловоза вывели, улучшая русских упряженых лошадей кровью арденских жеребцов. Получился крупный подвижный «танк», который тащил груз, неподъемный для его более слабых сородичей. Но не такова судьба лошадок-аборигенок. Может, они и уступали – где силой, где скоростью, где статью – выведенным на конезаводах лошадям. Но из века в век люди, живущие в горах и степях, полупустынях и тундре, среди непроходимых лесов и топких болот, выращивали себе помощников – удобных в хозяйстве и неприхотливых лошадей. Местные лошади выживали там, где вымирали их породистые собратья.

ПО ИМЕНИ РЕКИ

Аборигенные породы – их еще называют местными – делятся по среде обитания на лесные, степные, горские. Мезенка относится к лошадям северного лесного типа. Ее ближайшие родственницы – вятская, печорская, приобская, якутская лошади. Как и многие другие аборигенные породы, мезенка получила свое название по реке и ареалу распространения. Мезенку вывели там, где, изгибаваясь среди болот Приполярья, ползут к Белому морю реки Кулой и Мезень, притоками сбегают Пёза, Няфта, Цема, Кимжа. Нижнее течение реки Мезени и Лампоженская слобода – центр возникновения мезенской породы. Говорят, лошадей в эти места привели в X–XI веках новгородские переселенцы. Пришлые лошадки постепенно приспособились к суровым условиям жизни. А дальше к востоку, там, где территории нынешних Мезенского и Лешуконского райо-

нов граничат с Республикой Коми, водились свои аборигенки – печорки. Во времена, когда на лошадях наши предки уходили за Урал осваивать новые территории, их обозы двигались мимо коми, хантов и манси на Мангазею и дальше. Шедшие с обозами жеребцы и кобылы скрещивались с местными лошадьми. Так что сегодня мезенские лошади имеют большое генетическое сходство с сибирскими породами. В документах Архангельского областного архива содержатся разные и противоречивые сведения о происхождении мезенки. Часть источников настаивает, что мезенская порода возникла в начале XVIII века от смешения датских, голландских, остзейских лошадей с местными. Также есть мнение, будто мезенская порода – результат смешения местных кобыл с обвинскими жеребцами, завезенными из Пермской губернии по указу Петра I. В 1760-х годах по указу Екатерины II для улучшения местной породы в Архангельскую губернию из конюшен Центральной России были приведены 12 жеребцов немецкой, датской и неаполитанской породы, но местные жители остались недовольны маловыносливым потомством и прекратили императорский селекционный эксперимент. Как бы то ни было, главными селекционерами мезенки на протяжении веков оставался суровый климат беломорского побережья и местные крестьяне. Свообразие мезенки стало очевиднее, когда лошадей перестали использовать как гужевой транспорт для дальних переездов, что прекратило смешение кровей с соседними породами, и начали разводить на относительно замкнутой территории. Сегодня мезенки, говорят специалисты, «более породны», чем их ближайшие родственницы печорки, и обладают рядом любопытных черт.

50 ОТТЕНКОВ СЕРОГО

Как же выглядит эта маленькая северная лошадь? Отличительная черта мезенок – «ремень», темная полоска, идущая от холки по позвоночнику. Мезенки чаще бывают темных мастей. Гнедо-саврасыми – когда окрас корпуса принимает оттенки от светло-коричневого с легкой краснотой до насыщенного коричневого, а грива, хвост и нижняя часть ног остаются черными. Бывают вороно-саврасыми – мышастыми. Этот цвет получается при скрещивании саврасой и вороной мастей. Особенность мышастого подоттенка в том, что шерсть животного имеет пепельно-золотой оттенок, а хвост, грива и ноги остаются темными. Бывают и рыже-саврасыми, или каурыми, – с бледно-рыжим туловищем и темно-бурыми гривами и хвостами.

Классических мастей – гнедой, рыжей, серой – у мезенских лошадей в чистом виде не встретишь. Крайне редки у мезенок и вороные масти. Даже если лошадь кажется вороной, в ее генотипе обязательно присутствуют гены диких мастей. Наследие далеких предков дает себя знать в отклонениях от «чистой» масти, в более светлых ногах, хвосте, гриве, окантовке ушей. Бывают у мезенок и «очки» – осветленная область вокруг глаз, а на самой морде, носу или губах у вороных лошадей пробиваются светлые волосы, что тоже не характерно для лошадей классических мастей.

Но самые удивительные – серые мезенки, считает Ирина Борисовна. Они рождаются вороными, гнедыми, гнедо-саврасыми, рыже-саврасыми. И только со временем становятся серыми. Причем каждый раз непредсказуемо, на каком именно оттенке серого прекратится изменение цвета. Мезенки красивой темно-мышастой масти зимой бывают почти вороные, а к середине лета выгорают в золу – масть мезенки меняется по сезонам и в течение жизни.

Никогда не встретишь и чисто белых мезенок. Они, скорее, «в греч-

ку» – покрываются мелкими пятнышками, количество которых увеличивается с возрастом. А то вдруг из рыжей масти начинают с возрастом переливаться в серую и становятся красно-серыми. «Классические законы генетики на аборигенных породах не работают», – шутит Ирина Борисовна. И вспоминает, когда она училась в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, на лекции по генетике ей рассказывали, что, если мать и отец у жеребенка по масти один серый, другой рыжий, жеребенок обязательно будет серым. С этими знаниями Ирина Борисовна и пришла работать. А когда начала изучать архивы по мезенкам, не поверила глазам: «Не может быть, чтобы от рыжего и серого родителей появился на свет мышастый жеребенок!» Зато теперь она знает – от мезенок, в которых смешаны самые разные гены, можно ожидать чего угодно: «Родится светлая гнедо-савраска – вылияная дикая лошадь Пржевальского! А если еще и горбоносая, стоит перед тобой среди северных снегов копия кулана!»

«БОЧОНОК» НА НОЖКАХ

Рядом с породистыми лошадьми мезенки выглядят забавно – широкогрудые, с круглыми боками. «Бочонок» на ножках. «Для рабочей лошади самое главное – крепкие ноги и хорошо развитая грудная клетка, которая позволяет долго не сбивать дыхание», – объясняет Ирина Борисовна. Оказывается, при тяжелой работе лошадь не может дышать ртом. Собака может, человек может, а лошадь дышит только носом. Если ей не хватает объема легких, то и в работе от этой лошади прока немного. Если же у нее хорошо развиты легкие, она захватит больше воздуха и будет более вынослива.

Зимой шерсть у мезенок отрастает до 10–15 сантиметров. Это позволяет животным переносить суровые температуры, доходящие иногда до минус 50 градусов. По весне лошади линяют, сбрасывая шерсть клочьями, – ведь летом в Приполярье столбик термометра иногда поднимается до плюс 30.

Мезенскую породу жители Русского Севера выводили и как упряжную лошадь, способную проходить большие расстояния

Только зимой мезенских лошадей выпускают на прогулку в загоны. В теплое время года табуны пасутся на воле

Густые, длинные гривы, челки и хвосты мезенок удивляют людей, привыкших к заводским породам – арабским и ахалтекинским скакунам, тракенам и рысакам, у которых под короткой шерстью и тонкой кожей виден каждый мускул, а короткий хвост не мешает развивать стремительный бег. Лохматая мезенка с метровым хвостом и челкой на полморды кажется рядом с ними задиристой дворовой девчонкой среди благовоспитанных одноклассниц.

Кстати, именно густая шерсть помогает северным лошадям спасаться от гнуса, который летом становится настоящим бичом Приполярья. Хвостами лошади бьют назойливых кро-

вопийц, густая грива закрывает шею, длинная челка защищает глаза. Веками росшие в приполярном климате мезенки хорошо знают, как себя защитить. Они уходят на открытые, ветреные места, где сдувает мошкуру, или в тень, где не летают оводы и слепни. А если гнус особенно надоест, заберутся в лес, чтобы, пробираясь между густых веток, счистить с себя непрошеных гостей.

Еще одна особенность мезенской породы – крепкий желудок. Мезенки могут переваривать корм, который убил бы более чувствительную к еде породистую лошадь. Мезенки едят лесной кустарник, черничник, брусничник, можже-

вельник. Когда мезенке не хватает витаминов, она грызет еловую хвою, обдирает кору с деревьев. На Севере шутят: если нужно «ожурить» бревна для избы, оставь около бревен мезенок. «Мезенки едят все, что не приколочено», – говорят северяне про своих лошаденок. Поэтому даже зимой они могут пастись на воле. Но недаром эти лошади выросли на побережье Белого и Баренцева морей. Они едят питательные, вкусные водоросли и даже рыбу! Особенно любят навагу – за то, что в ней мало костей. Руководитель конефермы Кенозерского национального парка Роза Борисовна Захарова с улыбкой рассказывала, как одна из ее

мезенок приноровилась отыскивать соленую селедку в мусорных баках местной столовой и наотрез отказывалась тронуться в путь, пока не закусит «деликатесом».

Зимой хозяева лошадок ездили по замерзшему льду Белого моря ловить рыбу. Забираться от берега порой приходилось достаточно далеко, стоять – долго. Запасов сена на море нет, а малоценней и легкой в ловле наваги под рукой всегда в избытке. Вот местные лошади и научились ею обходить-ся. Лошади ели навагу и тогда, когда мезенские мужики отправлялись большими обозами продавать рыбу. Застала путников пурга, чем кормить лошадь? Рыбой из обоза.

ПОБЕДИТЕЛЬ МЕДВЕДЕЙ

Мезенки пасутся на свободном выпасе большими табунами, имеющими свою иерархию. Табун объединяет несколько семей-косяков, каждая из них состоит из жеребца и 10–15 кобыл. Верховодит в табуне лидер – альфа-кобыла. А когда надо защитить табун, вожак-мезенка не побоится ни медведя, ни волка. Ирина Борисовна рассказывает случай, который легко было принять за охотничью байку, если бы не неоспоримый научный авторитет собеседницы. Однажды на табун мезенок напал медведь. Табунный жеребец, завидев врага, бросился ему навстречу. Хищник вцепился добыче в спину. Табун пасся недалеко от реки Мезени, и же-

ребец с висящим на нем медведем прыгнул в воду и поплыл. В итоге медведь бросил свою жертву. Жеребец был сильно изранен медвежьими когтями, его долго лечили, но он не побоялся дикого зверя и спас своих сородичей.

Мезенки не робкого десятка, дружелюбны и общительны. Они быстро учатся новому. В рыбколхозе «Север», где находится генофондная ферма, на летние пастбища лошадей увозят баржами вниз по реке, иногда километров за 10–15, и оставляют пастьись. Там много сочной травы. За лошадьми особенно никто не следит, на них не надевают поводья, не загоняют на огороженные пастбища. По четыре-пять месяцев

Густая грива и длинная челка летом помогают мезенке спасаться от прохладного северного гнуса

Сейчас мезенки живут в конюшнях, но в просторных домах Русского Севера их содержали в теплых хлевах, под одной крышей с человеком

мезенки не знают руки человека. До холодов, пока животных не вернут домой, в табунах подрастают жеребята. И когда таких неприрученных животных продают потом в частные конные клубы и на конефермы, не знавшие узды лошади легко привыкают к человеку. Они отлично понимают команды и начинают ходить за хозяином по пятам, как домашние собаки.

Трудная жизнь сделала мезенок сообразительными, что отмечают все знакомые с ними специалисты. Во-первых, мезенки умеют пасть на привязи. Это несложная, на наш взгляд, и элементарная для козы или теленка способность вовсе не так очевидна для лошадей. Большинство из них может пасть только в загоне. Если их «поставить на веревку», они запутываются. А мезенка, как коза, ходит вокруг колышка, будто всю жизнь на привязи провела.

Роза Борисовна вспоминает, как однажды ее дочки поехали верхом искать заблудившихся деревенских коров. Одна оседлала «орловца» Верного, другая – «ме-

зенца» Чука. Верный летел по тропинке напролом, а Чук в какой-то момент встал как вкопанный. Напрасно наездница пыталась сдвинуть его с места, конь оттолкнул ее мордой и сам перепрыгнул на другую кочку. Оказалось, девочки подошли к краю болота. Люди его не заметили, а мезенка почувствовал запах влаги. Еще говорят, что лошадь «слышит» дорогу ногами. Чук почувствовал под копытами зыбкую болотистую почву и остановился.

«Мезенки – лошади своетельные, даже несколько нахальные», – с улыбкой говорит о своей любимой породе Ирина Борисовна. Орловский рысак будет делать то, что нужно человеку. «Орловца» в беге можно загнать, он выложится до конца и умрет. А мезенку загнать невозможно. Устанет – дальше не пойдет. Прежде чем делать то, о чем ее просит человек, она сначала подумает. «Ко всякой лошади надо относиться уважительно, но к мезенке – особенно. Не требовать от нее невозможного, давать время

восстановить силы», – убеждена Ирина Борисовна.

Она рассказывает сказ о мезенке, записанный местным писателем Николаем Федотовичем Окуловым. Эта озвученная характерной поморской говорей, полная очарования история точно передает и характер мезенки, и бережное отношение к ней хозяина.

ПОМОРСКА ЛОШАДЕНКА

«Наша мезенска лошаденка хоть и малюсенька, не особо видка (то есть не броская), зато уж до чего могутна да бойка, дак куда уж до ней другим-то! И нрав-от ейной порато (очень) для нас пригож.

Вот, бывало, еду за сеном. Дорога поначалу похобна, торна (наезженная, утоптанная), а к зароду-то (стогу сена) ввернешь, лошаденка и уйдет вся в целик (целину), только уши из-под снега торчат, как две мушки друг с дружкой поигрывают. Ну, думашь, приехали, за лопату нать браться да в сугробах колдышаться (ковыряться). А она-то, Лысушка моя, как поднапрет грудью, как подаст копытами, дак снег-от в стороны, будто пух, летит. Глядишь, а уж и к зароду добралась, волочужку (небольшой воз сена, который можно перевозить волоком) пора класть.

Воложку-то навалишь раза в три лошаденки повыше, с ней до хмурых облаков достать можно. Далеко ехать, дак вот поболе зараз и грузиши. А понюгнешь (прикажешь лошади идти) Лысушку, она дернет чуток и стоит, голову поворачивает, на тебя смотрит. Ну, тут понимашь, конечно, по глазам ейным: сбавь, мол, хозяин, не сдернуть будет. Один пласток (небольшой пучок, поднятый на вилы) сенца скинешь, она уж и потянет самостийно, будто бы дородно (много) сбавил.

Вот же хитра, ушла до чего кобыленка: не сбавки (скидки), а уваженъя к себе требует. Ну дак мне это и нетрудно. Едем в деревню. Вдруг снег пошел, да до того крупной, что и свету бе-

лого не видно, а дороги и подавно: наверно, волочужкой облака хмуры задел да растряс. Я в таких-то случаях вожжи отпускаю, лошаденке волю даю. Буду править, дак уж точно в целик съеду, а Лысушка ежели самоходом пойдет, все ладно будет. Торну (накатанную) дорогу она хорошо чует, ейного чутья никака метель-пурга не собьет. Вот така она, мезенска-то лошаденка. В хороших руках, дак и лучше не нать!»

Поморский сказ напоминает еще об одной особенности поморской лошаденки. Мезенка – лошадь упряженного типа. Она выводилась, чтобы быть удобной для работы на извозе. Были эти лошади не только выносливые и неприхотливые, но и резвые. Те, кому приходилось ездить на мезенках, отмечают ее мягкую, легкую рысь. Всадника не трясет, не выбивает на рыси в седле.

Но самая ценная для поморского Севера способность мезенок – их особый шаг с высоко поднятыми ногами по целинному снегу, иногда здесь настолько глубокому, что короткие ножки лошадки не достают до земли. Свободно и спокойно идет мезенка по снежной целине, рассекая высокие сугробы, в которые порой проваливается по грудь. Лошадь другой породы встал бы, и побороться к ней можно было бы, только расчистив путь. А мезенка, даже запряженная в сани, прыгает по снегу как собака, пробивая своей широкой грудью выход из снежного плена.

ДРУГ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Как правило, раньше не держали по одной лошади. В зажиточном хозяйстве были кобыла, жеребец, мерин, который выполнял все круглогодичные работы. Лошадь начинали приучать к упряжи, к легким саночкам с полутора лет. Под седло ставили трехлеток и так, чтобы всадник был не тяжел. Мезенка считалась позднеспелой породой, поэтому серьезную нагрузку ей давали только с пятилетнего возраста, чтобы не испортить спину.

Лошадей на Русском Севере холили и берегли. В архивных документах имеются многочисленные свидетельства, как в XVI–XVII веках и в монастырских, и в крестьянских хозяйствах мезенок содержали в теплых хлевах и конюшнях, над которыми сверху находился сенник. Сено проветривали, сушили на поветях, даже подсаливали – скотине для вкуса.

На лошади делали практически всю крестьянскую работу. Пахали, бороновали, молотили, косили, возили зерно на мельницу, с мельницы – муку, товар – на ярмарку, с ярмарки – покупки, сено – летом, дрова из леса – зимой. На охоту ездили на лошадях. «Когда человек на охоте по земле идет, зверь его слышит, а когда лошадьступает – не видит в ней опасности, – рассказывает Роза Борисовна. – К лосю можно вплотную на лошади подъехать, а к медведю лошадь и сама не подойдет». На лошади не только работали. На Масленицу, в Рождество, на свадьбу или к теще на блины – всюду выезжал русский че-

ловек на лошади. Сани и возки украшали, заплетали лошадям в гривы яркие ленты, вешали под дугу бубенцы, надевали красивую упряжь и сбрую. В каждой деревне украшали упряжь по-своему, по росписи дуг можно было узнать, откуда тройка. Вокруг лошади складывался свой круг ремесел и навыков. Как делать сани, как их расписать, как лошадь правильно подковать – на каждое дело был свой мастер. В сказах, вышивках, росписях, песнях вспоминали северяне свою мезенку.

Детей в крестьянской семье к лошади начинали приучать с младенчества. Годовалого младенца взрослые уже сажали с собой в седло. С 3 лет ребенок ездил верхом сам. Ребенка учили понимать характер животного, с которым ему предстоит жить бок о бок всю жизнь.

Работать на лошадях дети начинали с 5–6 лет, первым трудовым поручением обычно был сенокос. Взрослые сгребали высокую траву в валки, прикрепляли сзади к сбруе лошади веревочную петлю, которая

В крестьянском хозяйстве мезенок использовали в том числе при заготовке и перевозке сена. Лошадь помогала человеку прокормить и себя, и других домашних животных

Как и всех аборигенных лошадей, основные масти у мезенок – темные

воловицась по земле и собирала сено в кучи. А управлять лошадью сажали детей. Это были самые легкие работы и самые спокойные лошади. Работы потяжелее, где были нужны знания и сила, доставались ребятам постарше. С 12 лет подростки работали наравне с взрослыми...

Обладает мезенка и еще одним ценным качеством – в отличие от породистых лошадей она умеет ходить по лесу. Не боится перешагивать через поваленные деревья, пробираться сквозь спутанные ветки, запомнит обратную дорогу. Поэтому в крестьянском хозяйстве мезенка была незаменима, когда надо было вывезти дрова. Мезенки с груженными санями могли зи-

мой пройти в лесу не только по тропам, но и по целине. Много позже за это качество мезенку во время Великой Отечественной войны очень ценили в санитарных батальонах. Партизаны уходили в леса с аборигенными лошадьми своих местностей. А мезенок, печорок, вяточек, которых специально забирали в Красную армию, отправляли в артиллерию таскать тяжелые орудия. Только из Мезенского района в годы Великой Отечественной войны на фронт было отправлено почти 500 лошадей. Солдаты высоко ценили мезенок и других аборигенок. Были они крепкими, упорными, не боящимися никакой работы – как русский солдат и русский крестьянин.

ПРИЛИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ

С 1885 по 1913 год на ярмарках в Пинеге и Архангельске регулярно проходили выставки мезенок, где можно было выбрать лучших лошадей. Мезенские лошади на таких ярмарках оценивались в три раза дороже метисов. С середины XIX века в Архангельске проводились испытания мезенок на силу и резвость. Например, известно, что на испытаниях, прошедших 28 февраля 1859 года, первый приз получил жеребец 6 лет, который прошел 300 сажен (639 метров) с 331 пудом (5422 килограмма) за 4 минуты 45 секунд. На бегах, проводимых в зимнее время на Северной Двине, в 1860 году лучшая резвость на дистанции в 2 версты

составила 4 минуты 41 секунду. Потомки этих выдающихся лошадей и формировали породу. После Октябрьской революции с мезенкой начали вести селекционную работу. В 1930–1940-х годах в 7 из 38 колхозов Мезенского района имелись племенные конефермы, где разводили породу. Селекционеры вели районные племенные книги жеребцов и кобыл, проводили регулярные испытания, которые позволяли определять рабочие качества лошадей. В 1948 году в Москве на ВДНХ 12 лошадей мезенской породы получили дипломы, в которых были отмечены их ценные качества и своеобразная стать. Однако с 1950-х годов многие племенные фермы закрылись.

Тогда же было принято постановление по улучшению местных пород. Они считались неперспективными, мелкими, малосильными. Совершенствовать их решили, приливая кровь заводских пород. Ничего хорошего из этого не получилось. Помеси потеряли качества, присущие коренным породам. Они стали более прихотливыми, требовали больше корма, более удобных условий содержания и уже не могли выполнять такие тяжелые работы, как их родители – аборигены. Прилив заводской крови «разбавил» породы, а повсеместная механизация поставила их на грань выживания. А поскольку местные породы тогда не считали на-

циональным достоянием, никто не пытался их сохранять. Но мезенке повезло. В 1993 году Ирина Борисовна Юрьевна и Ольга Сергеевна Милько из Всероссийского НИИ коневодства приехали в командировку в Мезенский район. Они собирались выяснить, что происходит с мезенской породой и как сохранить ее. Совместно со специалистами племенной службы района ученые проехали по частным владельцам и семи сельхозпредприятиям, сфотографировали и описали 105 лошадей. Выяснилось, что порода распадается на группы. Есть лошади более тонкие в кости, есть более тяжелые, но селекционеры выбрали для племенной работы средний, или характерный, тип.

Молодые лошади тоже любят играть – дети есть дети

Благодаря усилиям ученых и коневодов-практиков удалось сохранить чистый генофонд уникальной северной породы

Базой для разведения мезенок стал рыболовецкий колхоз «Север» в деревне Долгощелье Мезенского района. Сюда стали привозить животных, наиболее типичных для мезенской породы, которых ученые отобрали во время экспедиции 1993 года. Рыболовецкий колхоз получил статус генофондного хозяйства. В 2000–2001 годах поголовье лошадей в Мезенском районе достигало полутора тысяч, но в дальнейшем стало сокращаться.

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

«Науке в 1990-е годы было очень тяжело, – продолжает рассказ Ирина Борисовна, – но тогда еще сохранялось советское наследие. И в районной администрации, и в колхозах еще были люди, которые знали лошадей, умели обращаться с ними, вели документы по племенной работе. Это были хозяйства, которые уже не поддерживало государство. А с 2000-х годов начался окончательный развал сельхозпредприятий.

В Мезенском районе, как и по всей стране, лошадей начали массово увозить на бойни. Но общими усилиями ученых, племенного хозяйства, фермеров Мезенского района при финансовой поддержке области и госбюджета работа с породой сохраняется. Создана большая команда энтузиастов, помогающих в распространении породы. Лошадки с Мезени разъехались по России и отправились не только в Архангельск, но и в Мурманск и Тулу, Псков и Пермь, Казань и Самару. К началу 2022 года в Мезенском районе насчитывалось около 300 лошадей. Еще одной базой сохранения «жемчужины Севера» является экоферма «Мезенка» Кенозерского национального парка в Архангельской области. «Аборигенные породы лошадей есть во многих странах, они признаны национальным достоянием. Например, три местные породы Норвегии охраняются государством, – говорит Ирина Борисовна. – Они запрещены к скрещиванию

со сторонними породами, для них допустимо только внутрипородное разведение».

Русской мезенке тоже стремятся сохранить чистоту крови. Все лошади Мезенского района стоят на учете, исследованы на достоверность происхождения, на каждую из них заведено «личное дело». За обитателями генофондной фермы Ирина Борисовна и ее коллеги наблюдают в течение многих поколений. Селекционеры знают практически все поголовье района за тридцать лет. Это не одна тысяча лошадей.

«Коневодство требует больших инвестиций, быстрой отдачи от отрасли нет, – объясняет Ирина Борисовна. – Деньги приносят только призовые породы, если их испытывают на ипподромах. Мясным породам, которые разводят татары, башкиры, тувинцы, калмыки под вкусы своей национальной кухни, тоже не грозит исчезновение. А рабочие породы аборигенов, к которым относится мезенка, стали не нужны. Их должно поддерживать государство».

Люди, которые в 1990-е годы ценой неимоверных усилий сохранили пустынь и небольшое, но чистопородное поголовье аборигенных лошадей, совершили профессиональный подвиг. «Несмотря на небольшую государственную поддержку племенного разведения, охранять аборигенные породы сегодня сложно, – говорит Ирина Борисовна. – На северной земле людей практически не осталось. В коневодстве в основном работают мужчины, и я говорю своим коллегам по Мезени: ребята, понимаю, что трудно, но только вместе мы можем спасти породу от полного исчезновения. Придет время, и к генофондам местных животных снова проявят интерес, наши усилия обязательно будут востребованы».

Права Ирина Юрьева. Генетический код смешной северной лошадки слишкомочно вплетен в русский культурный код.

СНЕТОГОРСКОЕ ЧУДО

Фреска «Лоно
Абраамово»

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В КРОШЕЧНОЙ ЧАЙНОЙ БЫЛО УЮТНО:
ЗДЕСЬ ВИТАЛИ ДРАЗНЯЩИЕ АРОМАТЫ СВЕЖЕЙ
МОНАСТЫРСКОЙ ВЫПЕЧКИ, А ПРОДАВЩИЦЫ
ЩЕБЕТАЛИ О САХАРЕ, МАСЛЕ И МУКЕ.
МЫ ПРИМОСТИЛИСЬ ЗА МАЛЕНЬКИМ ДЕРЕВЯННЫМ
СТОЛИКОМ, НАСЛАЖДАЯСЬ ОБЛЕПИХОВЫМ ЧАЕМ.

НО ТУТ В ЧАЙНУЮ вошла высокая стройная монахиня. Пройдя вдоль витрины и присмотревшись к ценникам, она всплеснула руками: «Это что ж у нас тут за грамотеи такие? Кто это написал?!» Продавщицы насторожились. «Почему у вас «маффин» написан с одним «ф» и двумя «н»?» Умолкшие девушки стали дружно смотреть в пол. «А это что? Какие еще «макароны»? Это же макарони!» Мы

не удержались и прыснули. Монахиня обернулась: «Простите, ради бога. В нашем монастыре – и такая безграмотность!» – Она сокрушенно покачала головой и вышла из чайной. Девушек было жаль, но чувства монахини можно понять. Ведь Рождества Пресвятой Богородицы Снетогорский монастырь – одна из древнейших и крупнейших псковских обителей. Из ее стен вышли преподобные Евфросин Псковский и Савва Кры-

пецкий – основатели знаменитых Спасо-Елеазаровского и Крыпецкого монастырей. Здесь принимали постриг псковские князья и бояре. В 1816–1822 годах в Снетогорской обители жил псковский архиепископ Евгений (Болховитинов) – известный церковный историк, археограф и библиограф, автор четырехтомной «Истории княжества Псковского» и «Словаря русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России». В 1822 году он был назначен архиепископом Киевским и покинул Псковскую землю. А спустя три года его преемник, архиепископ Евгений (Казанцев), принимал в Снетогорском монастыре Александра Сергеевича Пушкина, который в тот момент работал над «Борисом Годуновым» и собирал материал для своей трагедии...

НА СНЕТНОЙ ГОРЕ

Есть церковное предание о том, что Снетогорский мужской монастырь был основан монахами, прибывшими в конце XIII века со Святой горы Афон. Так ли это на самом деле – неизвестно. Первое упоминание монастыря в летописи встречается под 1299 годом, когда напавшие на Псков рыцари Ливонского ордена разорили посады и пригородные обители. В Мирожском монастыре они убили игумена Василия и иноков, а в Снетогорском сожгли в деревянной церкви Рождества Богородицы игумена Иоасафа, 17 монахов, а также женщин и детей, укрывшихся в обители. В битве на реке Пскове ливонцы были разбиты дружиной псковского князя Довмонта, который скончался через два с половиной месяца после этого – то ли от ран, то ли от разразившегося тогда морового поветрия. Перед смертью он велел поставить в Снетогорском монастыре новый, каменный храм вместо сожженного деревянного. А игумен Иоасаф позже был канонизирован православной церковью и изображается на иконах с посохом красного цвета, означающим мученическую кончину.

Собор
Рождества
Богородицы
перестраивался
пять раз.
Западный фасад

Именно этого человека современные историки считают основателем Снетогорского монастыря. Одно можно сказать точно: тот, кто основал монастырь, выбрал для него прекрасное место. Обитель поставили на вершине Снетной горы, на излучине реки Великой в 3 верстах от Пскова. Гора получила название из-за местной рыбы – псковского снетка, который до сих пор водится здесь в изобилии. Эту разновидность европейской корюшки по сей день сушат и засаливают так же, как и в те далекие времена, когда снекот отправляли на продажу не только в Москву, но и в польские и немецкие земли.

Здесь, у монастыря, пролегал речной путь, по которому в Псков шли корабли купцов и послов. Всех их встречал Снетогорский монастырь. Как и врагов – потому обитель так часто подвергалась нападениям иноземных войск... Завещание князя Довмонта псковичи исполнили: в 1311 году в обители построили каменный храм Рождества Богородицы, образцом для которого послужил Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2022 год,

статья «У реки Великой». – Прим. ред.). В 1313 году в храме была закончена фресковая роспись. Но если собор в Мирожской обители строили и расписывали византийские мастера, то храм в Снетогорском монастыре – произведение местных зодчих и художников. Именно поэтому с него ведется отсчет псковской архитектурной и живописной школы. В отличие от мирожского собора одноглавый четырехстолпный трехапсидный храм был построен из местного известняка без использования плитки, а фрески писались красками, сделанными из красных, зеленых и фиолетовых глин, которые добывали тут же, на Снетной горе. Сильно пострадавшие, но все же чудом уцелевшие фрески – настоящее сокровище. Это единственный сохранившийся комплекс древнерусской монументальной живописи начала XIV века. Казалось бы, этого достаточно для того, чтобы оценить значимость снетогорской стенописи. Однако стоит добавить, что некоторые фрески собора отличаются такими иконографическими сюжетами и деталями, которые делают их поистине уникальными.

ДЕСНИЦА ГОСПОДНЯ И СТРАШНЫЙ СУД

«Вы правда из Москвы приехали? Специально, чтобы про собор написать? Как замечательно! – Монахиня Валерия отпирает-solidным ключом замок на двери Рождественского собора. – Ну, вот. Вы же, наверное, знаете, что раньше люди читали стенопись в храме как книгу? Грамотных было мало, а фрески рассказывали ветхозаветные и евангельские истории так, что они всем были понятны».

Мы проходим трапезную поздней постройки и входим в собор XIV века. Здесь, как и во всех древних каменных храмах, довольно прохладно. Из-за полумрака сначала кажется, что стены собора почти полностью белые, но наша спутница включает свет – и вокруг ожидают фрески, написанные семьсот лет назад.

Прежде всего мы спешим к алтарю, в конхе которого видны фрагменты необычного изображения Богородицы. Реставраторы, расчищавшие этот участок, поначалу решили, что здесь написана Богородица Оранта, а когда раскрыли рисунок правой руки, не поверили своим глазам. «Уникальной иконографической особенностью этой композиции является жест правой руки Богоматери, которая отведена вверх и в сторону, – подчеркивают в книге «Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря» Владимир Сарабьянов и Ирина Голубева. – Окажись утраченной правая часть композиции, роспись конхи, несомненно, была бы интерпретирована как традиционное изображение Богоматери Оранты с воздетыми в молении руками. Однако достаточная полная сохранность этого участка живописи позволяет точно определить поднятую руку Богородицы как указующий жест, что акцентировано чуть отведенным в сторону указательным пальцем». Другого подобного изображения Богородицы в древнерусской монументальной живописи нет. «Видите? Богородица указывает пальцем на алтарный свод.

Фрагмент
фрески в алтаре
«Богоматерь
с Младенцем»

В центре арки
медальон
с изображением
Десницы
Господней

Живопись на своде сохранилась очень плохо, но реставраторы определили, что там изображена композиция «Христос во славе», – говорит монахиня Валерия. – А в центре подпружной арки над алтарем написан медальон с Десницей Господней – это очень редкое изображение, символизирующее освящение происходящей в храме литургии. Купол собора украшает композиция «Вознесение Господне», отличающаяся огромной, хорошо

сохранившейся фигурой Иисуса Христа. Стены и арки храма украшены изображениями пророков, апостолов, сценами богоодичного и евангельского цикла. Монахиня Валерия, загадочно улыбаясь, подводит нас к стене слева от алтаря и указывает на композицию «Явление ангела женам-мироносицам у Гроба Господня»: «В этой фреске тоже есть удивительные иконографические особенности. Сможете определить какие?» Задач-

ка не из легких. Вот ангел сидит на камне, вот внизу застыли в удивлении жены-мироносицы. Странно, но никакой пещеры на фреске нет. Зато есть сень, которая очень напоминает... кувуклию в иерусалимском храме Гроба Господня! «Вот именно! – кивает монахиня. – Получается, либо кто-то из мастеров был

в Иерусалиме, либо кто-то из паломников рассказал художникам, как выглядит кувуклия». А ведь это вполне возможно: паломничества в Иерусалим к тому времени вовсе не были чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно вспомнить, что путешествие по Святой земле было подробно описано в «Хожении игумена

В куполе сохранилась фигура Иисуса Христа из композиции «Вознесение Господне»

Даниила» (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2013 год, статья «Игумен земли Русской». – Прим. ред.) еще в начале XII века.

Но это не последняя загадка фрески. Под сенью виден плоский камень (престол?), на котором лежит предмет, очертаниями напоминающий большую рыбу. Это пелены воскресшего Иисуса Христа, сложенные в виде рыбы. Понимаете почему? – снова улыбается монахиня. Ну конечно! Ведь рыба – символ Христа, которым часто пользовались первые христиане (греческое слово *Ichtus* – «рыба» – воспринималось как акроним имени Иисуса Христа, состоящий из начальных букв слов *Iesous Christos Theou Uios Soter* – «Иисус Христос Божий Сын Спаситель». – Прим. ред.). Еще один весьма любопытный цикл фресок – композиция «Страшный суд», расположенная над хорами и на стенах под ними. И здесь псковские мастера вновь удивили реставраторов

Фрагмент фрески «Явление ангела женам-мироносицам у Гроба Господня»

ров и искусствоведов: именно в снетогорской стенописи в цикле «Страшного суда» впервые так подробно изображено видение пророка Даниила. Здесь и Христос Ветхий денми, и небесное воинство, и престолы с раскрытыми книгами, и четыре страшных зверя. «Первый – как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли, и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему. И вот еще зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: «встань, ешь мяса много!» Затем видел я, вот еще зверь, как барс, на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему. После сего видел я в ночных видениях, и вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы;

Фрагмент фрески
«Ангели
трубящие
и символы
царств».
Видение пророка
Даниила

он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него» (Дан. 7:4–7). Для того чтобы не возникло вопросов в идентификации персонажей, древние мастера старательно подписали изображения в соответствии с толкованиями библейского

пророчества того времени. Первым слева изображено крылатое чудовище, символизирующее царство Персидское. Зверь, похожий на медведя – царство Эллинское (подразумевается империя Александра Македонского. – Прим. авт.). Барс-дракон с четырьмя головами – царство Римское. Замыкает это адское

Преподобный
Никон Метаноит.
Одна из тех
фресок,
которые ярко
демонстрируют
экспрессивную
манеру
псковских
художников

шествие лев с 10 рогами (хотя на фреске их, кажется, всего 7) – символ царства антихриста. Ниже видна фреска, на которой изображен один из фрагментов Притчи о богаче и Лазаре из Евангелия от Луки. Здесь написан богач, уже находящийся в бушующем пламени ада, бесы терзают его огнем, и он умоляет Авраама (Авраам, лоно Авраамово и Лазарь изображены на стене напротив – в райских кущах) послать Лазаря, чтобы тот дал ему напиться. За мучениями богача

внимательно наблюдают сатана и антихрист, сидящие на злобном драконе со змеиным хвостом. Кстати, и здесь художники позаботились о том, чтобы всем было ясно, кто есть кто. Рядом с всадником на драконе короткая подпись: «сотона». А если присмотреться, можно заметить, что из адского моря пламени выглядывают головы пребывающих в аду грешников. Они тоже подписаны: Ирод, Иродиада, Саломея, Македоний, Арий, Несторий, Юлиан Отступник, Богомил, Ди-

Фрагмент фрески «Ад», иллюстрирующий Притчу о богаче и Лазаре

При исследовании собора в стенах и под полом было найдено немало старых захоронений

оклетиан... Здесь есть даже Святополк Окаянный! Целая компания извергов, убийц, предателей и еретиков...

Искусствоведы считают, что именно снетогорская стенопись стоит у истоков псковской иконографической традиции. По их мнению, фрески Рождественского собора расписывала артель во главе с одним мастером, рука которого безошибочно опознается во всех без исключения композициях. «Главный художник снетогорского собора – своего рода самородок-виртуоз, который работает решительно, легко и смело; не боясь ошибок, осваивает различные художественные приемы, когда-то увиденные и воспринятые им, – отмечают Владимир Сарабьянов и Ирина Голубева. – Его живопись импульсивна и быстра в исполнении, а художественный язык достаточно прост, экспрессивен и невольно напоминает некоторые русские памятники XII века». Колорит снетогорских фресок необычен. Если в соборе Мирожского монастыря византийские мастера использовали яркие, насыщенные оттенки малахитового, красного, синего, голубого и золотистой охры, то псковские художники, расписывавшие Рождественский храм, выбрали более темные, приглушенные тона: красную и коричневую охру, темно-лиловый, фиолетовый и оливковый (правда, стоит учсть и то, что цветовая гамма к нынешнему времени несколько изменилась из-за пожаров и выцветания красок. – Прим. авт.). В отличие от греческих коллег они высветили складки одежд и оставили многочисленные надписи, словно опасаясь, что молящиеся могут не узнать изображенные здесь сцены. Может быть, поэтому стенопись церкви Рождества Богородицы Снетогорского монастыря выглядит старше, чем фрески Спасо-Преображенского собора Мирожской обители? Хотя написаны они были на полтора столетия позже. А может, дело в том, что сохранились снетогорские фрески гораздо хуже, чем мирожские...

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Как уже говорилось, расположение монастыря делало его первоочередной целью всех, кто нападал на Псков. К тому же не стоит забывать и о главной беде прошлых веков – пожарах. Например, только в XV веке монастырь дважды едва не погиб в огне – в 1433 и 1493 годах. К счастью, фрески тогда не пострадали. Так что прибывшая сюда 13 октября 1472 года Софья Палеолог видела снетогорскую стенопись во всем ее великолепии. Византийская царевна следовала из Рима в Москву, чтобы вступить в брак с великим князем Московским Иваном III, и Снетогорский монастырь стал первой ее остановкой на Руси. В соборе Рождества Богородицы Софья слушала молебен, а затем переоделась в царские одежды и отправилась в Псков, где пробыла пять дней.

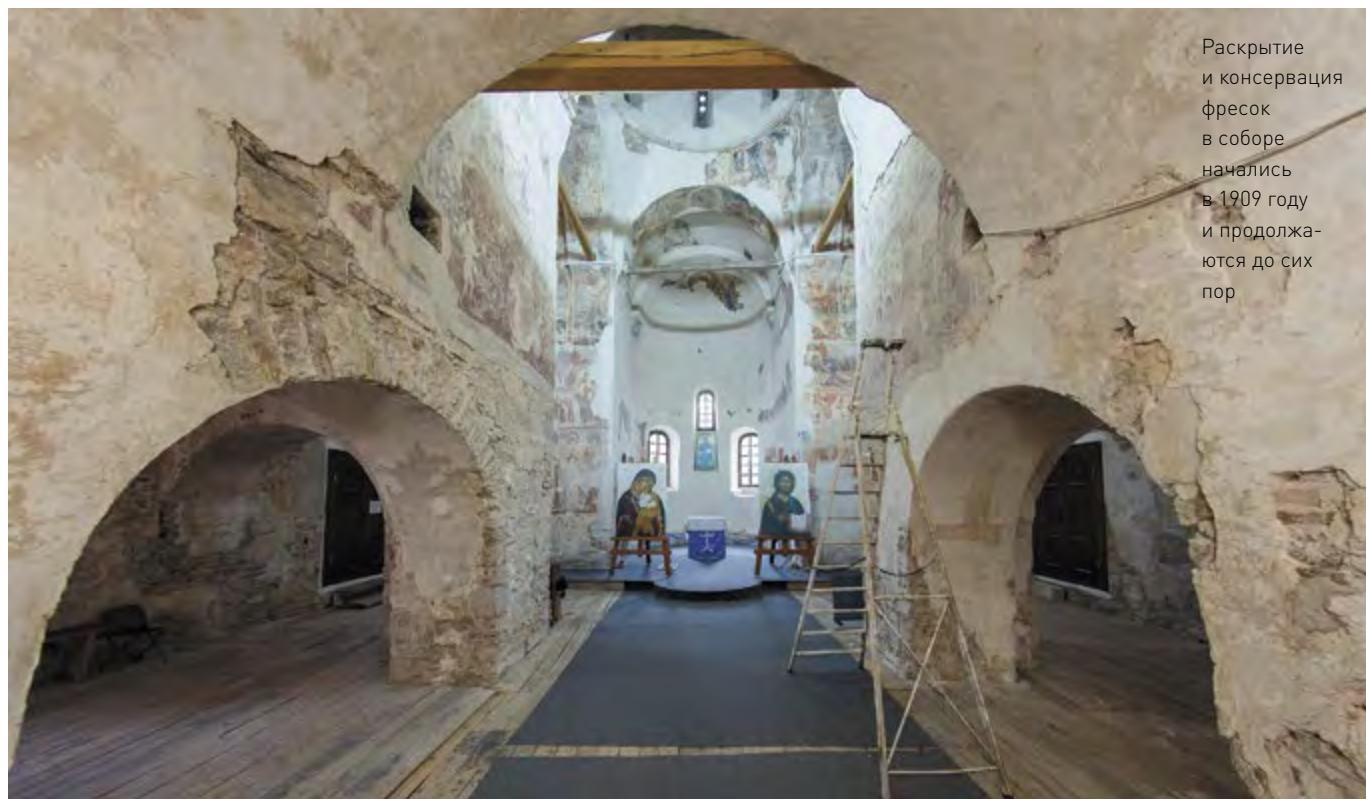
Наибольший урон фрескам Рождественского собора был нанесен во время Ливонской войны войсками польского короля Стефана Батория, занявшими монастырь в 1581 году. В соборе устроили коноюшню, разводили костры, царапали и разрисовывали стены. Одно из сохранившихся свиде-

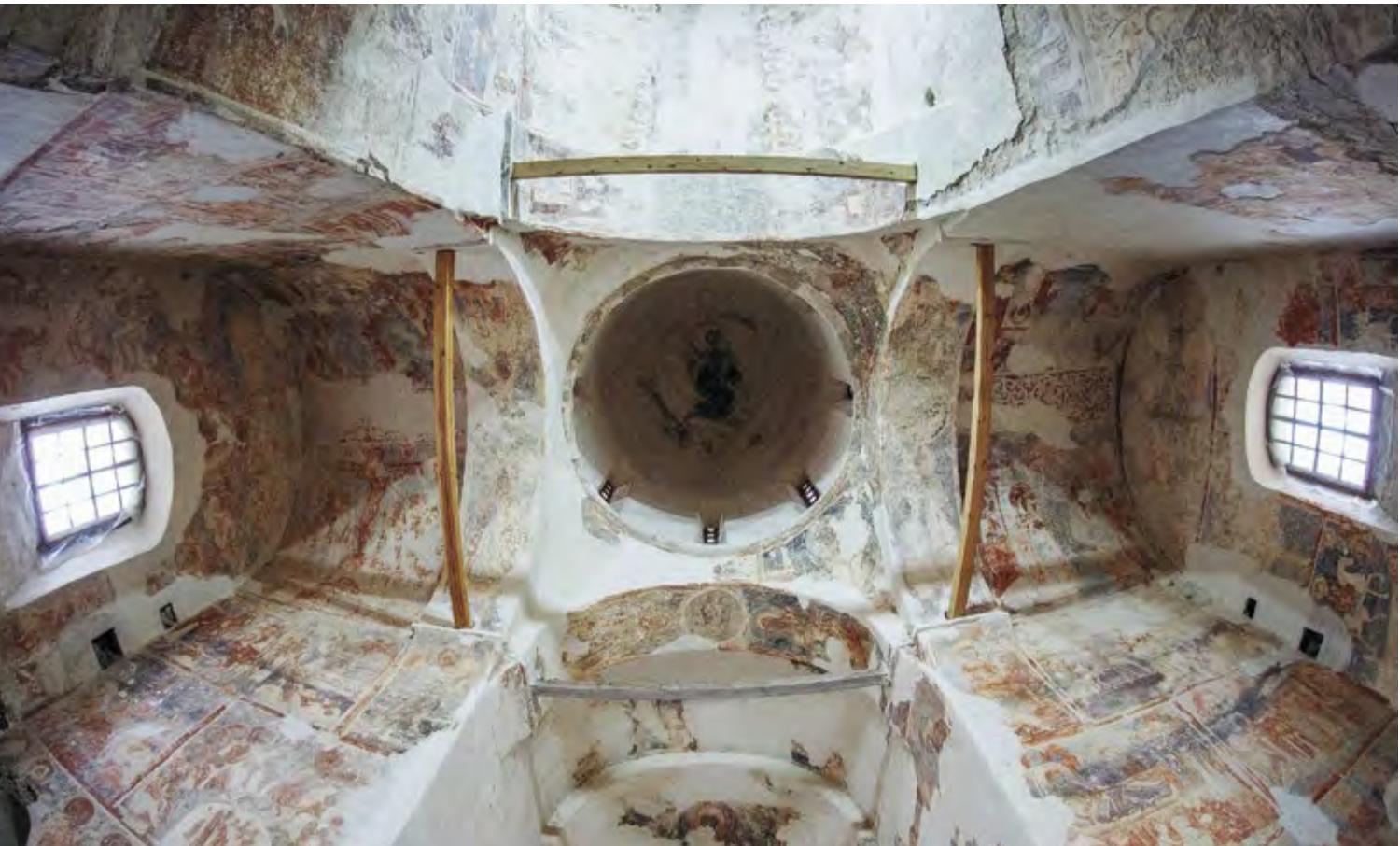
тельств этого варварства – рисунок-граффити на хорах церкви с подписью Maiouy Sobansky. Судя по изображению, бравый майор был щёголем: высокая шапка с перьями, плащ, колет, штаны с прорезями по моде тех лет и чулки с вышитыми подвязками. Неизвестно, специально ли поляки подожгли собор или пожар вспыхнул по неосторожности. Как бы то ни было, в 1581 году

церковь выгорела, верхняя часть барабана обрушилась, фрески сильно пострадали. Ситуация ухудшилась после того, как стены в храме попытались отмыть водой с песком. В итоге их заново оштукатурили и побелили. «Монастырь Снетная гора, а на монастыре церковь Рождества Богородицы каменная, а была подписана, а ныне обелена, потому что испорчена в войну», – сухо сообщалось в документе XVII века.

В прежние века Снетогорский монастырь входил в четверку крупнейших псковских обителей

Раскрытие и консервация фресок в соборе начались в 1909 году и продолжаются до сих пор

Наибольший урон фрескам Рождественского собора нанесли войска польского короля Стефана Батория

щает писцовая книга Псковского уезда 1584–1587 годов. Возможно, побелка стен спасла фрески от окончательной гибели. Ведь дальнейшая история монастыря изобилует нападениями и разорениями. Особенно досталось Снетогорской обители в Смутное время. Сторонники самозванцев и мародерствующие шайки не раз грабили монастырь или останавливались в нем. В 1611–1613 годах здесь бесчинствовали отряды печально известного польского воеводы Лисовского, поддержавшего «псковского вора» Лжедмитрия III. Его попытка захватить власть, вошедшая в историю как «мятеж Сидорки», окончилась пленением и казнью очередного самозванца. Воспользовавшись Смутой, претензии на русские земли предъявил шведский король Густав II Адольф. В 1611 году шведы захватили Новгород, в 1614-м – Йдров. В январе 1615 года шведская армия, штаб которой во главе с королем расположился в Снетогорском монастыре, осадила Псков.

Но трехмесячная осада окончилась поражением шведов... После проведенной Екатериной II секуляризационной реформы 1764 года, лишившей монастыри имущества и земли, некогда богатейший Снетогорский монастырь оскучел. Земельные наделы, мельницы, лавки в торговых рядах Пскова были отобраны, доходы угали, число монахов сократилось до минимума. В 1804 году монастырь был ликвидирован, а на его территории устроили загородный дом местного архиерея. К этому моменту никто уже не помнил о том, что стены церкви Рождества Богородицы когда-то украшала великолепная стенопись.

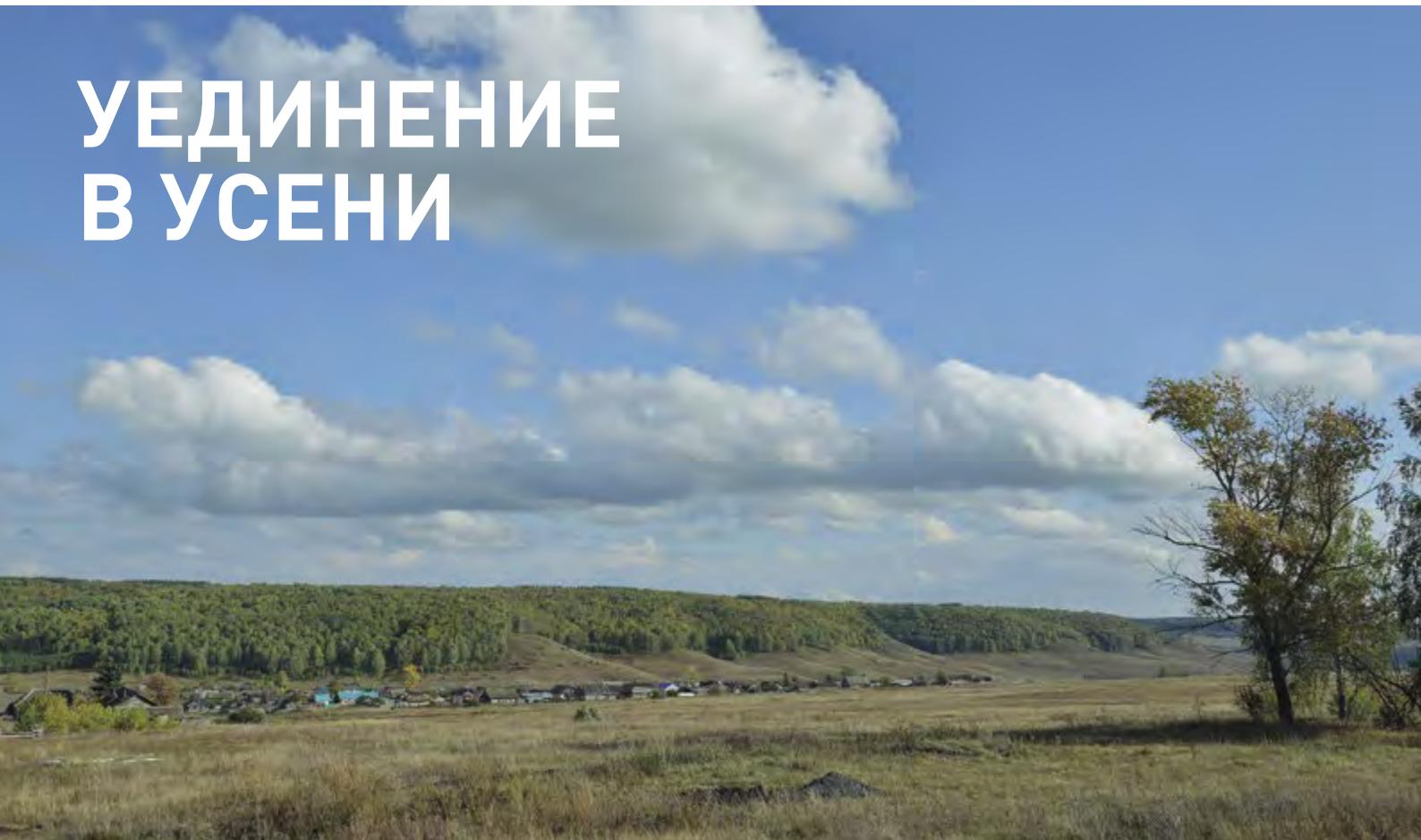
Так бы и канули в неизвестность фрески Снетогорского монастыря, если бы не счастливый случай. В 1909 году в соборе на участке стены осыпалась штукатурка, под которой обнаружились фрагменты древней стенописи. Тогда же началась работа реставраторов по раскрытию фресок. Она продолжалась даже после того,

как в начале 1920-х архиерейский дом был упразднен, а на территории монастыря разместили дом отдыха.

Новая пора тяжелых испытаний пришла на годы Великой Отечественной войны. 9 июля 1941 года Псков был захвачен немецкими войсками. С весны 1942 года в Снетогорском монастыре базировались штаб армии группы «Север» и отряды гестапо. Оккупация Пскова продолжалась до июля 1944 года, и за это время часть зданий монастыря была перестроена, часть – взорвана при отступлении немецкой армии. Но храм Рождества Богородицы, к счастью, уцелел.

После войны на территории Снетогорского монастыря располагались сначала туберкулезный, а затем детский кардиологический санаторий. Только в 1993 году Снетогорский монастырь был возвращен Псковской епархии Русской православной церкви. Сегодня он действует как женская обитель, в которой живет около 100 наследниц.

УЕДИНЕНИЕ В УСЕНИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

УЗКАЯ ТРОПИНКА В ВЫСОКОЙ НЕКОШЕНОЙ ТРАВЕ ВЕДЕТ В ГОРУ. ПОРОЙ ЕЕ ПОЧТИ НЕ ВИДНО, И НЕ СБИТЬСЯ С ПУТИ ПОМОГАЮТ КАМНИ, ПОДСКАЗЫВАЮЩИЕ НАПРАВЛЕНИЕ. ТРОПИНКА ПРИВОДИТ К РОДНИКУ: ВОДА ТЕЧЕТ ПО ДЕРЕВЯННОМУ, ПОТЕМНЕВШЕМУ ОТ ВРЕМЕНИ ЖЕЛОБУ. ПОКА Я ПРОБУЮ ЕЕ НА ВКУС, МОЯ СПУТНИЦА ОЛЬГА САТТАРОВА УВЕРЯЕТ, ЧТО ВЫГЛЯДИТ ДЕВИЧИЙ РОДНИК ПОЧТИ ТАК ЖЕ, КАК И В ТОТ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ 1911 ГОДА, КОГДА ЮНОШИ И ДЕВУШКИ БАШКИРСКОГО СЕЛА УСЕНЬ-ИВАНОВСКОЕ ВПЕРВЫЕ ПРИВЕЛИ СЮДА МАРИНУ ЦВЕТАЕВУ И СЕРГЕЯ ЭФРОНА.

ва. – Так это или нет, но мы верим в эту легенду».

Каждый год в день рождения Маринны Ивановны (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2011 год, статья «Время! Я тебя миную». – Прим. ред.) на поляне, где бьет Девичий родник, разжигают Цветаев-

Родниковая вода отдает березовым соком. Здесь говорят, что она «работает» как приворотное зелье. В селе бытует предание о том, что если девушка и юноша выпьют воду Девичего родника из одной круж-

ки, то вовек не расстанутся... «И Марина с Сергеем сюда приходили, не раз пили из родника из одной кружки. Потому и не расставались, несмотря ни на что, – говорит заведующая усень-ивановским Музеем Мариной Цветаевой Ольга Саттарова.

Студеную воду, бегущую по этому деревянному желобу, наделяют волшебными свойствами

ский костер. На поляне еще растут деревья, которые слышали голос юной Цветаевой, декламировавшей местной молодежи стихи и рассказывавшей о Москве и Крыме. Девичий родник и сегодня излюбленное место правнуков тех, кто видел здесь Марину и Сергея. Вокруг много рябин. Ольга поясняет, что сажают их в честь каждого Цветаевского костра. Для любителей творчества Марины Ивановны этот обычай понятен: «Красною кистью // Рябина зажглась. // Падали листья. // Я родилась»...

Мы выбираемся из леса на дорогу, по которой, поднимая клубы

пыли, грохочут лесовозы. Раньше в Усень-Ивановском действовал медеплавильный завод Осокиных, основанный в середине XVIII века. Шлак от отработанной руды выбрасывали на дорогу. Он давно превратился в пыль, которая долго висит в воздухе. Когда она наконец рассеивается, открывается вид на село. Справа – Барский пруд и гора. Слева – желтая башкирская степь. В июле 1911 года Марина Цветаева и Сергей Эфрон приехали сюда подлечиться кумысом, сбежав из Крыма, где познакомились месяца полтора назад.

В этом году на поляне опять загорится Цветаевский костер

У кисти рябины, сорванной на Девичьем ключе, тоже горький вкус...

КУМЫС И ЛИМОНАД

...Страдающая от жары барышня бродит по пыльной площади и жалуется на отсутствие лимонада своему юному спутнику. Тот пожимает плечами: это не Крым. Эту сцену готовы воспроизвести на площади перед Тюремным замком в башкирском городке Белебей. Благо есть подсказка. «На днях мы с С^{ережей} были в Белебее. Это крошечный уездный городок совершенно гоголевского типа. Каторжники таскают воду, в будке сидит часовой, а главное – во всем городе нельзя достать лимонад», – писала Марина Цветаева сестре Сергея, Елизавете (Лиле) Эфрон, в июле 1911 года. Сотрудников Историко-краеведческого музея Белебея такая характеристика родного города не обижает. Тюремный замок эпохи Екатерины II – бывшую пересыльную тюрьму во времена Пугачевского восстания – превратили в центр, объединивший ремесленников Белебея. А туристам обязательно рассказывают о Цветаевой и лимонаде. Хотя приехала она с же-

нихом лечиться кумысом. В музее, где кумысу посвящена целая экспозиция, выставку предваряет цитата писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2022 год, статья «В поисках Аленького цветочка». – Прим. ред.) о целебном напитке из кобыльего молока. Кстати, созданная его внучкой Ольгой кумысолечебница под Белебеем действует до сих пор. В экспозиции представлен крестьянский дворик, сосуды для приготовления кумыса и его хранения. Сосуд-мешок делали из кожи верблюда и приторачивали к седлу. В юрте он висел рядом с входом, чтобы напитком сразу можно было угоститься. Разливали кумыс деревянным ковшом. Многие русские писатели и художники приезжали сюда на кумыс. В белебеевском музее уверены, что кто-то из них и посоветовал Марине и Сергею отправиться в Башкирию. Ни деревянных ковшей, ни мешков из верблюжьей кожи в Усень-Ивановском, где находит-

ся Музей Марины Цветаевой, уже не встретишь. Да и кумыс там сейчас не делают. Добраться до села непросто. Живут в Усень-Ивановском потомки старообрядцев, чужаков не особо привечают. Может, потому это село – одно из самых малоизвестных цветаевских мест.

Маленький автобус, который ходит в Усень-Ивановское дважды в неделю, оказался забит под завязку. Дорога скучновата: за окном расстилаются однообразные желтые степи, окаймленные невысокими горами. Зато Усень-Ивановское предстало затерянным в горах милым зеленым уголком. Дневной жар спал. Мимо прогремела машина с дровами. Затем дорогу преградила отара, пришлось пробираться среди овец. Я отыскал дом Ирины Петровны Денисовой, к которой мне порекомендовали обратиться в белебеевском музее. Неслучайно мне назвали ее имя: в какой-то степени именно с Ирины Петровны началась в селе «цветаевская» история.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

В начале зимы 1992 года заведующая библиотекой села Усень-Ивановское Ирина Петровна получила письмо из города Александрова от Сергея Васильевича Конторина – сотрудника Литературно-художественного музея Марии и Анастасии Цветаевых. В послании сообщалось, что в 1911 году в Усени отдыхали Марина Цветаева и Сергей Эфрон. Конторин переслал копии писем Марины Ивановны, отправленных из Усени. А также сообщил, что в сентябре по линии ЮНЕСКО в глухом башкирском селе запланировано провести мероприятия в рамках празднования 100-летия со дня рождения Цветаевой. «Сообщение это было как гром среди ясного неба!» – вспоминает Ирина Петровна.

В то время в сельском клубе работала Полина Васильевна Кудинова. Ирина Петровна пошла к ней и показала письмо. И тут возникла интрига. Выяснилось, что отец Полины Васильевны общал-

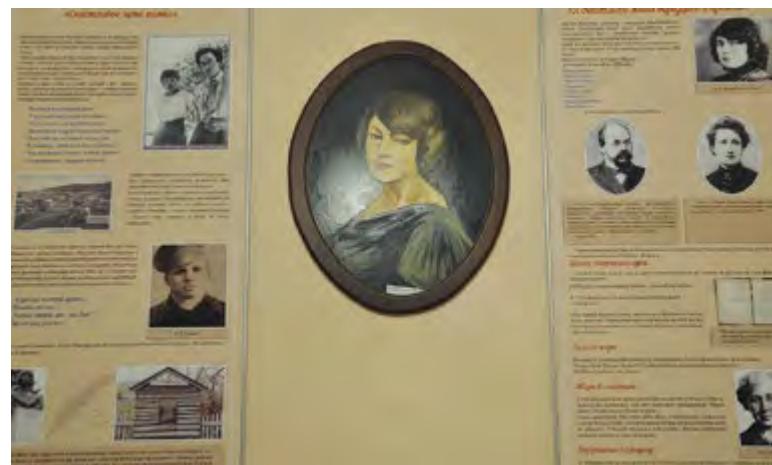
Один только пруд напоминает о медеплавильном заводе Осокиных

ся с Марией Цветаевой. По словам Кудиновой, как-то, в начале 1970-х годов, в руки ее отца попал журнал «Крестьянка» с подборкой стихов и портретами поэтов. Увидев фотографию Цветаевой, Василий Сергеевич Гнусин заявил, что общался с этой женщиной. Тогда же с его слов Полина Васильевна и записала рассказ о том, как в 1911 году Марина Цветаева и Сергей Эфрон провели лето в Усени. Василию Сергеевичу тогда было 13 лет и он носил продукты столичным гостям. Показала Полина Васильевна и примерное место на той улице, где, по словам ее отца, жили Марина и Сергей, а также

передала тетрадные листки с записями его воспоминаний.

Ирина Петровна не медля поехала в районную администрацию. Письма и воспоминания энтузиазма у чиновников не вызвали: вот если бы Цветаева местной была... А так – эмигрантка, да еще муж – белый офицер... Но вышедшее вскоре постановление правительства РФ о праздновании 100-летия Марины Цветаевой, в котором было указано и башкирское село, вынудило зашевелиться местные власти. В том же году в Усень-Ивановском поставили бюст Марины Цветаевой, созданный скульптором из Уфы Юрием Солдатовым.

На стенде в музее можно увидеть, что и кто окружал Марину Цветаеву в Усень-Ивановском

Памятный знак установлен в год 100-летия поэта

«...С.Я. Эфрон... чуть ли не в первый день знакомства открыл и вручил мне – величайшая редкость! – генуэзскую сердолико-вую бусу, которая и по сей день со мной», – вспоминала в 1931 году Цветаева. – Прим. ред.).

...Выставленные в сельском музее перо и чернильница, конечно, не принадлежали Цветаевой. Как и вышитый мешочек – «узел с камешками», о котором Марина Ивановна упоминает в письме Лиле Эфрон. И хотя той самой сердоликовой бусы в нем нет, он наполнен камешками, которые посетители музея привезли с пляжей Коктебеля.

«Они встретились, – писала дочь Цветаевой Ариадна Эфрон, – семнадцатилетний и восемнадцатилетняя – 5 мая 1911 года на пустынном, усеянном мелкой галькой коктебельском, волошинском берегу». За год до этого в семье Эфронов случилась трагедия: в Париже мать свела счеты с жизнью, увидев своего младшего сына повесившимся дома. Эта страшная история, попавшая в газеты, сказалась на здоровье Сергея Эфрана, у которого врачи уже подозревали туберкулез. Весной 1911 года сестры отправили его на курорт в Финляндию, но пребывание на балтийском берегу облегчения не принесло. И Сергей поехал в Коктебель. Сюда же по приглашению Волошина приехала и Марина – к тому моменту автор нашумевшего стихотворного сборника «Вечерний альбом». Сергей и Марина быстро сблизились. Когда Цветаева узнала, что Эфрон страдает от туберкулеза, то сильно обеспокоилась – ведь эта же болезнь свела в могилу ее мать. В итоге Марина и Сергей оказались в Башкирии, решив попробовать лечение кумысом. Может быть, бегство из Крыма было связано еще и с ревностью Волошина, и с неодобрением сестер Эфрана, которым Марина не слишком нравилась.

Возможно, Марина и Сергей искали уединения. И, возможно, именно здесь созрело их решение соединить судьбы: Цветаева и Эфрон обвенчались в Москве в январе 1912 года...

Тогда же прошел в селе и первый Цветаевский праздник. А в 1993 году в Усень-Ивановском открылся Музей Марины Цветаевой. Третий по времени создания. И единственный, к которому ведет дорога – такая же, какой она была в те времена, когда в село прибыла русоволосая зеленоглазая девушка в серой юбке в сопровождении худого юноши со стопкой книг.

Интересно, что до всех этих событий рассказу старика Гнусина не верили. И это притом, что о пребывании Цветаевой в Усень-Ивановском узнали еще в 1988 году, когда в рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР отыскали письма Цветаевой, отправленные из этого села в июле 1911 года. Поэту Максимилиану Волошину она пишет о книгах, которые читает, о занятиях, о впечатлениях. А в одном из писем, адресованных Лиле Эфрон, Цветаева рассказывает: «Сереженька здоров, пьет две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока еще не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берез и сосен, небольшое озеро, мельница, речка... Когда начинается то-

ска по Коктебелю, роемся в узле с камешками» (гостившие у Волошина в Коктебеле молодые писатели и поэты сupoением откапывали на пляже затейливые камешки. Цветаева заявила, что выйдет замуж за того, кто угадает ее любимый камень.

На встречу с Мариной Цветаевой в Усень-Ивановском люди едут со всех концов страны

ЛЮБИТЕЛИ ЧТЕНИЯ И ПИСЕМ

Усень-Ивановское было основано старообрядцами в 1741 году. До того на этих землях жили башкиры – местечко называлось «Ирыслы». В 1761-м уральский промышленник Иван Петрович Осокин поставил здесь, на реке Усени, медеплавильный завод, проработавший 103 года. Он упоминается в черновиках «Истории Пугачева» Пушкина. А в 1861 году было создано Усень-Ивановское лесничество. В 1833 году в Усень-Ивановское приезжал Владимир Иванович Даляр. Через десять лет в журнале «Москвитянин» вышел рассказ этнографа «Башкирская русалка», в котором Даляр подробно описывает местную природу. А фольклорист и диалектолог академик Дмитрий Константинович Зеленин в статье «Месяц из жизни этнографа» описал быт усеньских старообрядцев. Ольга Саттарова показала мне потемневшую старую икону «Вознесение пророка Ильи» – самую почитаемую у местных староверов. Ее прадедушка писал иконы, возможно, это образ его письма, предполагает она.

В 1910 году в селе насчитывалось 1500 дворов, две старообрядческие церкви, две школы, медпункт, кабак, пивная, волостное правление и три лавки. Сегодня в Усень-Ивановском действует храм Успения Пресвятой Богородицы Русской древлеправославной церкви, освященный в 1895 году.

Ольга Саттарова рассказывает, что в Усень-Ивановском жили зажиточно. Зеленин пишет, что самая бедная вдова имела корову и 8 овец. Население трудилось в основном на медеплавильном заводе, при котором работала лудильная мастерская. В музее выставлены медные чайники и кружки – такими, скорее всего, пользовались Марина и Сергей. В экспозиции есть и почтовые открытки с видами села и фотографиями кумысников (в селе говорят «кумызники»). Выпущены они за пять лет до приезда Марины и

Членов семьи Марины Цветаевой почитатель ее творчества узнает без подписи

«Спорили сотни колоколов. День был субботний: Иоанн Богослов...»

Сергея. По ним можно понять, что Цветаева и Эфрон отдыхали в селе с признаками уездного городка и с живописными окрестностями. Здесь действовали две кумысолечебницы, которые содержали братья Баязит и Шангирей Китаевы. Летом на-

селение села заметно увеличивалось за счет кумысников. И в том, что в июле 1911-го оно пополнилось еще двумя приезжими, местные жители ничего особенного не увидели. Ну, разве что некоторые могли заметить склонность влюбленной пары к написанию писем.

Копия первого письма Цветаевой Волошину из Усень-Ивановского, которое датируется 26 июля, выставлена в музее под стеклом. Ее передала Эсфирь Семеновна Красовская – первый директор Дома-музея Марины Цветаевой в Москве. Ольге нет нужды его зачитывать. Письма Марины Ивановны из Усени она знает наизусть: «Марина пишет, что она благодарна Волошину за Коктебель, что почта приходит только два раза в неделю и письма отсюда идут очень долго. В третьем письме, от 11 августа, Марина с юмором сообщает, что у нее с собой только серая юбка, «разодранная уже до Коктебеля в 4-х местах», которую она каждый день зашивает. «Но сегодня на меня упал рукомойник и разодрал весь низ. Мы и его и ее заклеили сургучом». Цветаева подробно описывает даже свою постель: она, скорей,

похожа на колыбель, притом плохую. «В середине ее слишком большое углубление, так что ложась в нее, я не вижу комнаты. Кроме того, парусина рвется не по часам, а по минутам. Стоит только шевельнуться, как слышится зловещий треск...».

Последнее письмо Волошину отправлено из Усени 14 августа, но Ольга Саттарова считает, что Эфрон и Цветаева могли пробыть здесь до сентября. Сохранились и письма Сергея сестрам с приписками Марины. Например: «Утром Сережа занимается геометрией, потом мы читаем с ним французскую книгу Daudet для гимназии,

в 12 завтрак, после завтрака гуляем, читаем».

В музее хранится и записанный рассказ Василия Гнусина. Из него узнаем, что в сельской ста-рообрядческой церкви служил священник Плавтов. Летом 1911 года к нему приехали на каникулы сын и дочь. А к лесничему прибыл племянник-студент. Тогда же «на кумыс» приехали еще двое: девушка и юноша. Вся эта молодежь стала гулять вместе – то в сосновом бору, то в березовой роще. Однажды Василий пошел к столовой, где птиались отдыхающие, прихватив с собой двух жареных цыплят. «Выходит из столовой эта де-

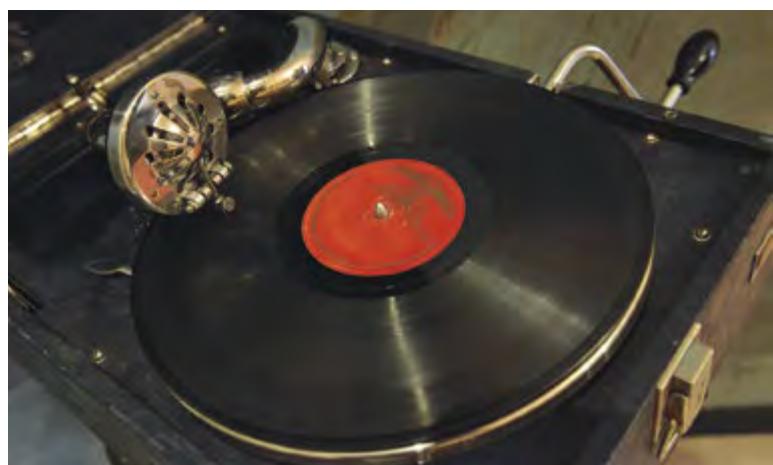
Книги занимают главное место среди экспонатов музея.
Как же иначе

вушка – красивая, подстриженная под кружало, молоденькая (лет ей 19) и с ней юноша». Василий предложил им жареного цыпленка – бесплатно. «Марина говорит: «Мама твоя может тебя поругать». «Нет, – отвечаю я, – она у нас добрая». Позже Василий приносил им масло, яйца и жареных цыплят на квартиру, которую они снимали. Марина называла его «Василек», забавлялась его наивными рассказами о сельской жизни. Видел Василий ее и в сосновом бору, где она читала свои стихи. И даже катал влюбленную пару на лодке в Барском пруду. Марина оставила ему стихотворение о местных красотах. А после отъезда прислала письмо, что скучает по Усени. «Во время пожара в 1921 году сгорел наш дом, погибло все имущество, так пропали то стихотворение и письмо».

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Как Марина и Сергей добирались до Усень-Ивановского, неизвестно. Также неизвестно, когда и как они покинули село. Кому-то может показаться, что такие мелкие детали не имеют значения, но для заведующей сельским музеем они очень важны. Ведь информация о пребывании Цветаевой в Усень-Ивановском очень скучна. И Ольга Саттарова благодарна за каждую новость и экспонат. «Мы обращаемся к другим музеям Цветаевой с просьбами о помощи, и они откликаются, за что мы им очень благодарны», – говорит заведующая.

С особым чувством Ольга вспоминает о своем знакомстве с внучатой племянницей великого поэта, внучкой Анастасии Цветаевой Ольгой Андреевной Трухачевой на Международных Цветаевских чтениях в Елабуге. Теперь в музее есть несколько реликвий семьи Цветаевых. Например, тонкая записная книжечка с надписью «Асе» – такие сестры Цветаевы мастерили сами. В 2018 году Ольга Андреевна приехала в Усень-Ивановское, выполняя завещание своей бабушки. Анастасия Ива-

Патефон в Усень-Ивановское завезли приезжающие лечиться кумысом

новна намеревалась посетить все места, где бывала Марина. Но до Усени не доехала. И наказала внучке побывать там. Первым делом Ольгу Андреевну угостили кумысом. А на память она увезла с собой травы башкирской степи и уголек Цветаевского костра. Эти маленькие уголки Ольга Саттарова дарит всем гостям музея. Из Усень-Ивановского они расходятся по всему миру.

В украшенной рябиновыми листьями «Книге отзывов» музея можно увидеть записи на разных языках. Одна из самых трогательных на иврите. Ее оставила группа из Израиля. Как выяснилось, ее участники во время Великой Отечественной войны оказались в эвакуации в Башкирии и учились в усень-ивановской школе. Решили проехать по местам, где прошло их детство, и были очень удивлены, что здесь бывала Марина Цветаева... А вот гневная запись москвичей, жалующихся на плохое отношение к памяти Цветаевой, чье «родовое поместье» в башкирском селе разрушается. Гости ошиблись, приняв за дом Цветаевой двухэтажное здание с башенками, в котором раньше располагалось местное лесничество. Именно в нем в 1993 году выделили несколько комнат под музей Мариной Ивановны. Из-за бронзового бюста Цветаевой, установленного перед этим зданием, многие принимают его за музей. Хотя сегодня он располагается в сельском Доме культуры.

Ольга с грустью говорит, что она, скорее всего, последняя заведующая музеем. Финансируют его скучно, спасают положение только пожертвования частных лиц. Две маленькие комнатки музея арендуются, и отсутствие собственного «жилья» не дает возможности получать гранты. «Конечно, имя Марины Цветаевой ничего не потеряет, если тут все исчезнет. Но это нужно нам. Нам дан шанс. А иначе... Я уйду, а экспонаты отдадут в краеведческий музей и откроют там уголок, — с горечью говорит

Считается, что самый первый памятник Марине Цветаевой установлен в Усень-Ивановском

Ольга. — Даже памятник Марине, открытый у нас в 1992 году, остается бесхозным. Каким-то странным образом его не удается поставить на учет. А ведь это самый первый памятник поэту в России и в мире!»

УЛИЦА ЦВЕТАЕВОЙ

Улица, на которой жили в Усень-Ивановском Марина и Сергей, называлась «Квашнинка». Потом «Советская». А сейчас она носит имя Мариной Цветаевой. Ольга объясняет, как пройти к месту,

В селе почти в каждом доме есть книжечка поэта

Приスマривать за памятным знаком хозяин дома Виктор Скоробогатов считает почетной обязанностью...

где стоял дом, в котором жили Марина и Сергей. Прямо по проулку и налево до следующего проулка.

Улица Марины Цветаевой, 45. Стучусь в деревянные ворота, рядом с которыми – памятный знак и скамейка. Знак – это стенд из старых потрескавшихся бревен под маленькой кровлей, на нем табличка: «На этом месте стоял дом, в котором летом 1911 года жила великая поэтесса Марина Цветаева». На стук никто не отзыается, но калитка не заперта. Вхожу во двор. За крыльцем дома круто поднимается стена глухого леса. Во дворе – ленивая кошка и беспокойные куры. Сущится тыква, горкой лежат корзинки. На пороге дома появился хозяин в ковбойской шляпе, под которой блестят очки в дорогой оправе. Взгляд и манеры выдают сельского интеллигента.

– Простите, что вошел без спроса. Я стучался, но никто не ответил...

– Ничего. Мы привыкли. Часто спрашивают про дом Цветаевой...

Виктор Степанович Скоробогатов охотно рассказывает, как он помогал устанавливать памятный знак, как сам убирал потом

мусор. «Вид из окна он, конечно, загораживает. Только вы не пишите об этом!» – просит он.

На крыльце появляется хозяйка и, перебивая мужа, говорит, что на самом деле Марина и Сергей не жили тут. «Дай я сам расскажу!» – кипятится Виктор Степанович. Муж и жена препираются. Жена говорит про некую Елизавету

Тыква, дрова...
Не так ли все
выглядело летом
1911 года?

Прокопьевну, которая утверждала, что на этой улице стоял двухэтажный дом, в котором располагалась почта. А при почте было жилое помещение, и именно там Цветаева и Эфрон снимали комнату. А в тот год, когда в селе проводили первый Цветаевский праздник, Скоробогатовы только-только покрасили свой дом. Вот председатель и попросил установить памятный знак у того дома, который лучше всего выглядел. Ну а Виктор Степанович не возражал. Понимал важность момента. Он родился и всю жизнь провел в Усень-Ивановском, двадцать лет в школе черчение преподавал, а про то, что Цветаева здесь жила, ничего не знал до того момента, пока все село об этом не заговорило. «Стихи у нее хорошие. Гроза! Молния!» – горячится Виктор Степанович и привычно объясняет забредшему не туда гостю, что нужно пройти по улице вдоль синего забора, после которого и будет нужный мне дом. Шестой по счету от дома Скоробогатовых. Я иду по улице, считаю дома, ищу синий забор, но так и не нахожу нужный дом. Спросить не у кого, улица пуста. Жара. Ветер поднимает пыль... Почему-то вспоминаются слова Виктора Степановича: «Молния! Гроза!» А хорошо все-таки, что в далеком башкирском селе так относятся к памяти Марине Ивановны... Бывающие в Усень-Ивановском поэты сочиняют восторженные стихи о юной Марине, спешащей по сельской пыльной улице на почту, чтобы отправить письмо Волошину. Стоя посередине той самой улицы, я понимаю, что этого наваждения здесь трудно избежать. А если вспомнить прочитанные в музее строки из письма Сергея Эфрана сестре Лиле, написанные в последний июльский день в Усени: «Сейчас уже почти совсем темно. Марина сидит у себя в комнате и что-то пишет, кажется, стихи», то захватывает дух от того, что где-то здесь рядом за бревенчатой стеной сто с лишним лет назад писала бессмертные строки счастливая 18-летняя Цветаева... 🌹

НОВАЯ ЖИЗНЬ СИБИРСКОЙ ТРАДИЦИИ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

У СЛОВА «СЛЕТЬЕ» ЗНАЧЕНИЙ НЕМАЛО: И САМА ЛЕТНЯЯ ПОРА, И ВСЕ ЕЕ ДАРЫ, УРОЖАЙ, ИЗБЫТОК, ОБИЛИЕ. А ЕЩЕ – УДАЧА, СЧАСТЬЕ ИЛИ ПРИВОЛЬЕ. НЫНЕ ЭТО ЗАБЫТОЕ СЛОВО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ОБИХОД. НЫНЕШНИМ ЛЕТОМ В ПОСЕЛКЕ БОЛЬШЕРЕЧЬЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ВПЕРВЫЕ ПРОШЕЛ ФЕСТИВАЛЬ СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ «СЛЕТЬЕ». И НА НЕГО СЪЕХАЛИСЬ-СЛЕТЕЛИСЬ ГОСТИ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ.

ПОД ДЕВИЗОМ «ИСКУССТВО жить в Сибири» на новом празднике начинается новая жизнь сибирской традиции, которая чудом сохранялась в здешних деревнях. Что-то передавалось в семьях из поколения в поколение, что-то фольклористы успели записать у старушек...

ХОРОВОДЫ И МОДНАЯ «БАЛУХА»

В солнечный воскресный день по двум мостам за реку Большую потянулись на зеленую поляну участники грандиозного действия. Точнее, они сразу начали хоровод-шествие: встали в две шеренги лицом друг к другу – это называется «улица».

Крайние на «улице» с двух сторон сходятся в центре, образуя пару, и идут между шеренгами. Дойдя до противоположного края, пара расходится – каждый в свою сторону. Следующая пара начинает движение почти сразу вслед за первой. В зависимости от мелодии идут спокойно или приплясывая. Встретившись на поляне, две «улицы» объединились в один большой хоровод. Поляна вмиг расцвела: на ней собрались люди в разноцветных нарядах, какие носили здесь еще в начале прошлого века. В праздничной одежде традиционно преобладают оттенки красного цвета. Зазвучали песни, огромный круг двигался то в одну, то в другую сторону, завивался причудливым узором. «Большие хороводы, которые в Сибири называли «круги», были

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

обязательной частью весенних и летних праздников. На Пасху, Троицу, в Петров день молодежь из разных деревень собиралась на красивом возвышенном месте и водила такие орнаментальные хороводы (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2019 год, статья «Троицкие круги». – Прим. ред.). Мы попробовали реконструировать эту традицию, – поясняет директор Государственного центра

народного творчества Омской области Виктория Багринцева. – Выбрали самые красивые сибирские хороводы. Все хороводы неспешные, хоровод – это не танец, это движение, связанное с движением солнца по небосводу».

Круговой хоровод «Что по лугам», записанный в селе Астыровка Горьковского района Омской области, очень простой: он водится по кругу. Направ-

А мы просо
сеяли, сеяли...

Традиционные
наряды
сибирской
молодежи
очень к лицу

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

ление движения плавно меняется каждый куплет, получается, что хоровод движется то по часовой стрелке, то против нее. А вот спиралевидный хоровод «Черный ворон» из села Талбакуль Колосовского района на взгляд человека, впервые вставшего в хоровод – нечто заораживающее и непонятное: то идешь, то останавливаешься, причем надолго. Как объясняют участники, если взглянуть на хоровод сверху, то можно увидеть, как «спираль» закручивается, а затем раскручивается.

Хоровод всегда сопровождается песней. Их тексты очень просты, с многочисленными повторами, которые, похоже, неслучайны: песню можно подхватить, даже если слышишь ее впервые: «Черный да ворон воду пил, // Воду пил, воду пил, // Недопивши возмутил, // Возмутил, возмутил, // Возмутёвши да полетел, // Полетел, полетел...»

Трудно не заметить параллели с европейскими средневековыми танцами. «Черного ворона» вполне можно назвать русской версией фарандолы. Только в русском варианте сохранились более архаичные мотивы, а в европейской интерпретации их заменила импровизация. У нас «спираль» сначала закручивается, а потом раскручивается, так же как «плетень» в хороводе «Заплетися плетень» из села Бергуль Северного района Новосибирской области заплется и расплется, символизируя цикличность всего, что происходит в мире.

Большие сибирские хороводы – в программе их было 15 – объединили почти 200 человек из районов Омской области и Омска, а также гостей из Новокузнецка, Новосибирска, Перми и Москвы.

А потом все вслед за гармонистом перешли по мосту обратно. Настал черед других танцев, которые плясали на молодежных «вечерках». Время называлось «балухи».

В Называевском районе Омской области есть село, назван-

ное в честь героя Кавказской, Крымской и Русско-турецкой (1877–1878) войн графа Михаила Лорис-Меликова. Говорили, он был любителем бальных танцев и всегда датаем петербургских балов. Поэтому местная крестьянская молодежь стала называть свои посиделки с танцами на манер великосветских балов «балухами». На «балухах» плясали «Подгорную» и «Камаринскую», «Цыганочку», «Барыню» и «Польку-Дурочку» – последнюю в очень быстром темпе, легким бегом. А еще танец под названием «Подыспань» – в оригинале он называется «Падеспань». Этот танец с заметным испанским колоритом – авторский, его придумал в начале XX века артист Большого театра Александр Царман. Новый танец быстро приобрел широкую популярность. Схему танца напечатали в газетах Москвы и Петербурга, потом он разошелся по деревням – уже в значительном упрощенном виде.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ
кнутиком кубарь или походить на ходулях...

Открываешь дверь в избу – и попадаешь в стародавнюю Сибирь. «Заходите-заходите. Поглядите на избенку мою. Нас здесь 11 человек живет, никакой нет толкотни, потому что у каждого свое место, каждый занят своей работой», – приглашает хозяйка. – Вот так вот и живем: вот это бабий кут, бабье место, я здесь все время колгочусь-то. Семь ребятков у меня, они на полатях спят, мы с мужиком на кровати... Запечье у меня имеется, в январе у меня корова отелилась, в самые крещенские морозы, так я его вон туда и спрятала, чтобы не замерз».

Изба у радушной хозяйки добродушная, но без изысков. А ведь еще в начале XX века в домах многих жителей Омской области в любое время года цвели сказочные сады: распускались пышные цветы и селились невиданные птицы. Первым всегда расписывали потолок в горнице. Потом – косяки и двери, ведущие в гор-

Мост через реку
Большую таким
живописным не
был, пожалуй,
за всю свою
историю

ЦВЕТЫ В ИНТЕРЬЕРЕ

В большереченском музее «Старина Сибирская» можно полюбоваться памятниками деревянного зодчества конца XIX – начала XX века. На лавочке возле одной из изб вальяжно развалились два сплетенных из лозы кота. Возле плетня устроился еще какой-то зверь с корзинкой. Оказалось – медведь. Еще одно загадочное существо с большими ушами оказалось поросеночком. Здесь ребятишки на лужайке выстраиваются в очередь покормить травой козу, погонять

Центром празднования стала «Старина Сибирская» – здесь проходили фестиваль мужских ремесел, фестиваль урало-сибирской росписи «Разживка», кулинарное мастер-шоу «Вкус культуры»...

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

ницу, простенки между окнами и, наконец, пол. Роспись начинали с горницы – сердца дома. При отсутствии достаточных средств укращение интерьера этим и ограничивалось.

Неслучайно старожилы вспоминают прежде всего раскрашенные потолки. Обычно цветы на них размещали по кругу – получалось своеобразное цветочное солнце. Потолок могли украсить и большими лепестковыми розетками, напоминающими подсолнухи. В доме рисовали голубей, сов, тетеревов, петухов, а еще птиц, которых никакие орнитологи не смогут определить – таких в природе просто нет. Порой встречались и фигуры людей.

Деревенские мастера расписывали и мебель: шкафы и обеденные столы – цветами или «кудрями», «под мрамор». А еще сундуки, прялки и даже сани. Украшавшие дома декоративные росписи носили стилизованный, преимущественно растительный характер. Роспись, распространенная в Усть-Ишимском районе, где, кстати, чаще всего встречались расписные дома, была очень экспрессивной. Цветочные узоры рисовались на одном дыхании, это

Таким цветам даже сибирские морозы нипочем

была чистая импровизация. Фон для росписей мог быть небесно-голубой или, например, красно-коричневый. И эту традицию сегодня тоже возвращают из небытия: на фольклорном празднике мастера расписывали двери яркими цветочными орнаментами.

Педагог дополнительного образования из Кормиловского дома детского творчества Маргарита Пазилова поселила на двери улыбающегося льва: «Я люблю львов рисовать. Ну и тем более на двери: лев – это охранный символ, их на дверях и на сундуках чаще всего рисовали». В своей работе мастерица гармонично соединяет разные мотивы. «Это сборная солянка: чуть-чуть вологодских мотивов – потому что лев; чуть-чуть омских – потому что фон зеленый, в Омске вообще любили красить дома в зеленый цвет; чуть-чуть тюменских – потому что мы вчера сходили на мастер-класс по урало-сибирской росписи и кое-какие характерные элементы теперь используем».

В фольклорной студии, которой руководит Маргарита Пазилова, изучают все грани народной культуры – игры, праздничные традиции, росписи. При-

«Левъ из Кормиловки» и его создательницы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

чем росписи не только самые известные, но и те, о которых мало кто слышал. И адаптируют традицию к современности: например, шторы в студии расписаны малоизвестной борецкой росписью перманентным маркером и прекрасно вписываются в современный интерьер. Интерес к северорусской графической росписи не случаен: первыми в Сибирь устремились как раз переселенцы из северных российских губерний. «Есть такое понятие, как социокультурная идентичность. Когда у нас нет понимания наших корней, мы как стадо, которому крикнули и они пошли. А когда мы понимаем свои корни, когда понимаем, кто мы и откуда, это дает идентичность – привязку к земле, привязку к месту. И мы перестаем быть внушаемыми», – рассуждает Маргарита Пазилова. – Это особенно важно передавать детям, чтобы они понимали, какие особенности у нашей земли, у нашей культуры».

Ближе к вечеру на территории «Старины Сибирской» проходил мастер-класс по урало-сибирской росписи для всех желающих. И я, разумеется, не смогла пройти мимо. «Урало-

На то, чтобы обойти этот музей под открытым небом, и целого дня мало

сибирская роспись достаточно простая – она маховая, кистевая, – объясняют здесь всем желающим. – Ее элементы рисуются одним движением кисти. Например, простой цветочек. Берем плоскую кисточку, макаем в красную краску и рисуем кружочек. А потом одну сторону кисточки макаем в белую краску, и теперь красное ставим на красное и делаем вот так, получается объем у лепесточка». Этот прием, создающий интересный эффект, называется «разживкой». Середина цветка делается другим приемом – «надергом». Мазок идет радиально

от центра к краю или от края к центру. В центре цветочка рисуют либо «горошинку», либо спиральку. И плоский цветокоживает как по волшебству. Затем приходит черед листиков, птичек, ягод. Разрозненные элементы в единое целое собирают «приписки» – тонкие линии, проведенные черной краской. Вообще, традиционная роспись – это поле для импровизации. Смотришь на дело рук своих и удивляешься. И понимаешь, что повторить нарисованное в точности невозможно, каждый цветок – единственный в своем роде.

Таких товаров в магазинах не сыщешь

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

КОВРЫ, СЕТИ И КУКОЛЬНАЯ СВАДЬБА

Мастера народных ремесел представили свои работы и на территории «Старины Сибирской», и на аллее в центре поселка. Сразу привлекают внимание необычные ковры – с яркими геометрическими и цветочными узорами на черном фоне. Те самые знаменитые на всю Сибирь ковры из села Крестики,

которые достойны отдельного повествования.

«Я еще маленькая была, в школу не ходила, даже считать не умела. Сяду рядом с мамой, а она говорит: «Клади от краешка и до этой зелененькой нитки». У нас не говорили «ткать» – ткали «дорожки», а ковры – «клали», – рассказывает мастерица Ольга Серикова. – И я сижу, узелочки завязываю... Вот когда вы при-

В избе
сибирских
старожилов

едете к нам, посмотрите станок, тогда поймете, как это все делается – очень кропотливо и интересно. Потом такие ковры из моды вышли. Когда в Сибири появились фабричные ковры, люди стали переходить на них. А старые отдавали, дарили. Но сейчас мы в нашем Доме культуры восстановили этот промысел».

Охотник и рыболов Николай Пронин даром времени не теряет – плетет очередную многометровую сеть: «Это вот сеть одностенка – одна стена, вот это «кривда» – за такую форму ее прозвали, это невод, это сеть трехстенка, у нее конструкция сложнее, но улов будет больше». Рядом с мастером стоит предмет, который с первого взгляда можно принять за большую корзину. Ах нет, это тоже рыболовная снасть, называется «мордушка». Плести сети Николая Пронина научил отец почти шестьдесят лет назад. Раньше сетей было не достать, их плели сами – сначала из простых ниток, потом появились капро-

В Сибири
хорошо знают,
как перехитрить
хитрую рыбу

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

новые. А еще в те времена в селах были лодки, выдолбленные из цельного ствола: «Называется «бат». Это раньше так называли, я еще маленький был... У нас в деревне таких две было...»

А еще на «Слетье» можно было увидеть кукольную свадьбу. Традиционные куклы на фоне современных игрушек выглядят простовато: туловище из свернутой тряпочки, намеченное углем лицо. Но они не так просты, как кажутся. Такие игрушки с раннего детства приобщали девочек к творчеству, передавали им нужную во взрослой жизни информацию и сами были отражением этой жизни. «Здесь куклы, собранные в экспедициях по Знаменскому району, – рассказывает сотрудник Центра русской традиционной культуры «Истоки» Знаменского района Омской области Татьяна Бахтина. – Мы общались с людьми, которые делали таких куколок еще маленькими ребятишками. Кто-то говорил, что старшая сестра учила, кто-то просто подсматри-

У северных
рубленых
игрушек
вид весьма
серъезный...

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

вал, как их другие делают. Автор кукольной свадьбы, Мария Ивановна Ракитина из семьи белорусских переселенцев, рассказала, что таких вот кукольных жениха и невесту она делала после того, как ее старшая сестра вышла замуж. У невесты – венок стилизованный, у жениха – рубашка вышита болгарским крестом. Рубашку ей помогала вышить мама, а отец сделал ма-

ленькую люльку для младенчика. А ведь Мария Ивановна была восьмым ребенком в семье – всего детей было 11, – но родители находили время для того, чтобы сделать все необходимое для игры в куклы. Настолько важно было, во что играет девочка». Кукла работала как передатчик информации. Кукольные сюжеты позволяли прожить, прочувствовать взрослую жизнь еще до

Пройти
мимо ворот
в стародавнюю
Сибирь
совершенно
невозможно

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

ее начала: «Мария Ивановна рассказывала: кукол наделаю, свадебную песню им спою, потом кукол спать положим, а потом маленьких кукляток делаю».

Еще один интересный момент: кукла-мальчик и кукла-девочка изготавливались по разным технологиям. Куклу-мальчика делали из палочки, можно было вообще взять пруток из веника. А из одежды кукольному мальчишке требовались только шта-

ны да фуражка. Даже лицо ему не рисовали. А для кукол-девочек туловище скручивали из ткани, к нему пришивали такие же ручки и ножки. Шею обычно не делали – ее все равно не видно. Потом наряжали, подбирая лоскутки, которые по цвету ассоциируются с определенными деталями наряда. Лица рисовали угольком или вышивали: «Девчонки нарядные, потому что девку замуж отдавать надо».

К кузнецу, как и полагается, выстроилась длинная очередь

На фестивале можно было попробовать квас трех сортов и прочие блюда «сибиряцкой кухни»

В коллекции Татьяны Ивановны есть особенная кукла – «кукла военной поры». «Ее мама моя делала и меня научила. Она рассказывала, что играла с этой куколкой, когда в теплое время выходили пасти гусей или поиграть на полянке. Причем у этой куклы одежка вся съемная – чтобы можно было постирать». Да, куклы делались и в войну, хотя времени на это практически не было: дети ходили на работу в поле с родителями, играли урывками, но игра все равно оставалась важной частью жизни.

«Народная кукла ценна своей теплотой. Когда ребята приходят к нам в центр, я выставляю им разные куклы – советские, свои авторские, театральные. И вот такие экспедиционные отдельно. И они именно к ним тянутся, берут в руки, начинают их качать в колыбельке, петь песни. Они вот за эти простенькие хватаются, а потом только замечают фабричных», – рассказывает Татьяна Бахтина.

И все это – только малая часть сибирского культурного богатства, представленного на фестивале «Слетье», который теперь в Большелеречье хотят сделать ежегодным. ♦

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОМСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ

ГУСЬ С ЖЕЛЕЗНОЙ ИСТОРИЕЙ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ЭТОМ ГОДУ В ФИНАЛ ВЫШЛИ ЖОРА И МАРТИН. ЖОРА – ОПЫТНЫЙ СЕМИЛЕТНИЙ «СПОРТСМЕН», ТРЕХКРАТНЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ГУСИНЫХ БЕГОВ. МАРТИН – ЮНЫЙ, ГОДОВАЛЫЙ ДЕБЮТАНТ. СТРАСТИ ВО ВРЕМЯ ЗАБЕГА КИПЕЛИ НЕШУТОЧНЫЕ: ЧТО ЖЕ ПОБЕДИТ – ОПЫТ ИЛИ МОЛОДОСТЬ?

Ж

ОРА, КАК НАСТОЯЩИЙ профессионал, уверенно бежал к финишу. Но на последних метрах Мартин ринулся вперед и вырвал победу у более опытного соперника. Поклонники Жоры потом говорили, что их фаворита смутили репортеры, скопившиеся у финиша: видимо, скромность помешала ему стать чемпионом и на этот раз.

БЕГУЩИЕ ГУСИ

Гусиные бега стали неотъемлемой частью праздника, который каждый год проходит в небольшом поселке Гусь-Железный в Касимовском районе Рязанской области. Поначалу праздник «Гусевские забавы» проходил просто как День поселка, но затем приобрел статус районного. Организаторы надеются, что со временем удастся дорости и

до межрегионального фестиваля. Возможно, так и будет: у зрителей этот праздник пользуется большим успехом, сюда приезжают и из соседних сел, и из областного центра.

Конечно, главная «фишка» праздника – гусиный забег. Участники из разных сел весь год тренируют «спортсменов». Но на дистанции все равно случаются непредсказуемые ситуации: кто-то побежал в противоположную сторону, кто-то прилет отдохнуть прямо на беговой дорожке... И тут уж любые ухищрения тренера бессильны. Впервые гусиные бега в Гусь-Железном провели в 2016 году. Они стали ежегодными, пока не пришлось устроить вынужденный перерыв из-за карантина во время пандемии Covid-19. И вот наконец всё вновь на своих местах: гуси бегут, зрители болеют, страсти кипят...

«Идея проводить гусиные бега появилась лет двадцать назад.

Меня тогда пригласили в Ка-релию, в Олонецкий район – там проводится праздник гусей, и мы получили приглашение, потому что мы из Гусь-Железного, – рассказывает директор Дома культуры поселка Елена Куницына. – Когда я уви-дела гусиные бега, подумала, что нам надо взять их на вооружение. Спустя несколько лет удалось эту идею реализовать. В Олонце бега проходят намно-го серьезнее, у них даже ставки делают. У нас все скромнее. Но главное, что людям нравится». Многие едут сюда в первую оче-редь на бега. Хотя и без них праздник получается ярким. Каждое село готовит собствен-ную «визитную карточку» – представляет свои культурные и кулинарные изюминки. Гиган-тские «Качели любви», мастер-классы в «Художественном сало-не», разнообразные сувениры в «Ремесленной лавке», прогулки по «Амурной аллее», угощение в аппетитных рядах – здесь каж-дый может найти развлечение по вкусу. А чтобы у гостей остал-лись интересные фотографии на память, сотрудники Дома куль-туры самоотверженно стоят весь день в облике живых статуй.

Всем хотелось погладить чемпиона этого года и поздравить и Мартина, и его «тренера» Антона Юдина с победой

Страсти на гусиных бегах кипят нешуточные – зрители активно поддерживают гогочущих «спортсменов»

Новым в этом году стало появление усадебного театра – здесь всё постарались воспроизвести так, как было во времена «же-лезных магнатов» братьев Баташевых. Легкий водевиль по-мог проникнуться атмосферой XVIII века. Режиссером поста-новки выступила все та же Еле-на Куницына – в ДК небольшого поселка сотрудников немного, зато талантов с избытком. «Про-сто у нас очень неравнодушные люди живут, – улыбается Елена Куницына. – Мы взяли пьесу тех времен, немного переработали, подправили, чуть осовремени-ли, и у нас получился спектакль «Пора жениться».

Постановка прошла с большим успехом. Зрители оценили воз-можность перенестись в усадеб-ный театр – такой же, как был при Андрее Баташеве. Вообще, все, что связано с местным по-мещиком, до сих пор вызыва-ет огромный интерес, слиш ком уж неординарная была лич-ность. О барине жители Гусь-Железного рассказывают с ува-жением, что неудивительно: благодаря его причудам посе-лок и сегодня окутан всевоз-можными легендами. «Сразу начну с небольших сказок на-шего края, объясню, почему к нам стоит приезжать, – говорит местный краевед Александр Акиндинов. – В начале XIX века полковник Владимирской губернии взялся найти клад Андрея Родионовича Баташева, обещал сделать это за треть от найденного. На тот момент клад оценивался в 17 миллио-нов серебряных рублей. Сего-дня, естественно, эта сумма боль-ше на порядки. Клад не найден до сих пор. Так что желающие могут попытать счастья».

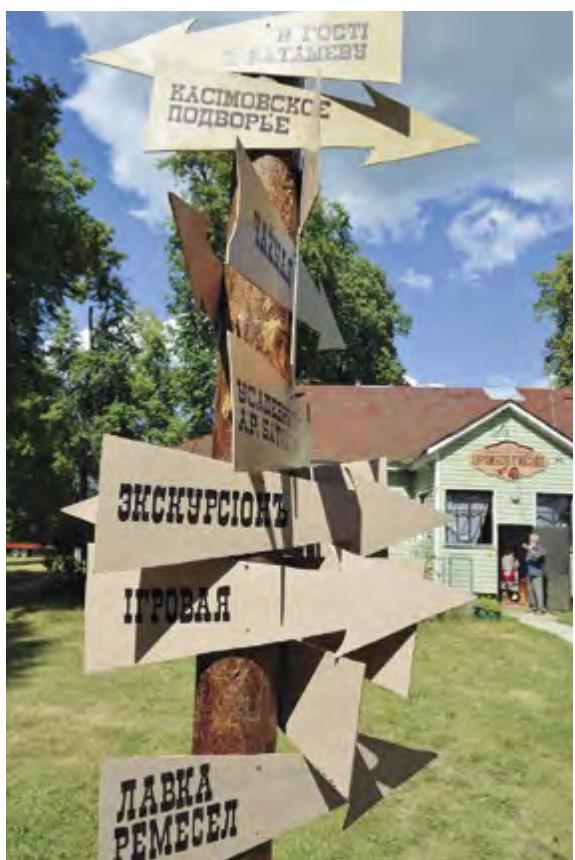
Александр Акиндинов – учитель истории в местной школе, занимается изучением истории родного края. Экскурсии учите-ля становятся все более попу-лярными. Такой успех вполне оправдан: Акиндинов расска-зывает увлекательно. Благо еще и местные помешники разжи-гают интерес к прошлому Гусь-Железного.

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОЙ ИСТОРИИ

А началось все в 1758 году, когда два брата, Андрей и Иван Баташевы, купили земли, на которых находились село Веркут, позже получившее имя Гусь-Железный, и деревня Халтурино, расположенная двумя километрами севернее. Братья были владельцами железоделательных заводов в Туле, они унаследовали дело своего отца, а начал семейный бизнес их дед. Необходимость в приобретении новых земель возникла из-за того, что в 1753–1754 годах Сенат издал указ о закрытии железоделательных, стеклоделательных и винокуренных заводов на расстоянии 200 верст вокруг Москвы. Баташевы решили перенести производство в новое место. Выбор пал на Гусь-Железный. «Для того чтобы плавить железо, необходимы три вещи: наличие воды, древесного угля и железной руды. Железная руда здесь была найдена, – объясняет Александр Акиндинов. – Еще один фактор – здесь стекаются три реки. Ну и наличие мещерских лесов – последний немаловажный момент». В 1758 году братья купили землю, а уже в ноябре

В Касимовском районе живут очень хлебосольные люди

Навигатор праздника помогал гостям сориентироваться в разнообразии «Гусевских забав»

следующего года завод дал первую плавку. В 1760-м на нем выплавлялось уже 2,5 тысячи тонн чугуна. «Братья Баташевы были одними из самых крупных железоделательных промышленников в то время, – говорит Александр Акиндинов. – На момент раздела бизнеса в 1783 году на двоих у них было 15 заводов». Солидное состояние дополнялось эпатажным поведением «железных» помещиков. Андрей был старшим, Иван – младшим. Андрей был крепким хозяином. Иван долго путешествовал, был в Англии и Голландии, изучал металлургию, привез много новинок, которые были внедрены на предприятиях Баташевых. Создание завода на новом месте началось со строительства плотины. «Мельников-Печерский писал, что по архитектуре и оригинальности замысла постройки трудно найти другую такую плотину в средней полосе, а может, и во всей России», – говорит Александр Акиндинов. Это была по-настоящему уникальная постройка: с помощью воды приводились в действие все механические элементы завода. Плотина начиналась около барского дома и тянулась на

Деревни, села и поселки продемонстрировали на сцене праздника свои таланты – их в Касимовском районе предстательно

восток на 500 метров, сложена была из белого тесаного камня. В основной части находились четыре шлюза. Высота плотины составила 11 метров, она залила три реки – в результате вода поднялась на 5–5,5 метра. «И разлилось озеро – 40 километров по периметру. Его называли когда-то Гусевским морем. А сам завод занимал территорию около 2,5 километра, правда, сейчас от него ничего не осталось», – вздыхает Александр Акиндинов. Увы, и гидрооборужение, которое сдерживало громадный объем воды, постигла та же участь.

А Гусевское море стало одной из местных легенд. Куда же оно исчезло? «В 1923 году был очень сильный паводок, сверху шла большая вода, все шлюзы или не успели открыть, или забыли это сделать. И на пятом шлюзе, который у нас сейчас называется «столбушки», вода пошла верхом, – объясняет Александр Акиндинов. – В итоге шлюз полностью размыло, зеркало воды упало на 5 метров. А в 1954 году, чтобы не делать насыпь для нового моста, решили пустить его по плотине. Все шлюзы заложили, а сверху проложили грейдер».

К символу родного поселка жители Гусь-Железного относятся трепетно

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУСЬ-ЖЕЛЕЗНЫЙ

В распоряжении Андрея Родионовича был отряд улан. Говорят, Екатерина II как-то решила посетить здешние земли и дала приказ Потемкину расправиться с местными бандитами. Баташев взялся за наведение порядка, но поставил условие: разрешить ему содержать отряд. Разрешение было дано. Екатерина так и не приехала, а у Баташева появилась своя дружина. Помещик набрал здоровенных головорезов, державших в страхе население, и перечить ему никто не смел.

Предприимчивость Баташева проявилась и после восстания Пугачева. Гусь-Железный делится на три района: Вышвырка, Сибирь, Заплотина. С Заплотиной все понятно – это те, кто поселился за плотиной. Вышвырка появилась якобы потому, что Баташев выселял (вышвыривал) неугодных или провинившихся людей. Но самая интересная история связана с Сибирью. После подавления восстания Пугачева помещики за свой счет должны были высыпать в Сибирь всех причастных к мятежу крепостных. А это было очень дорого. Андрей Родионович предложил переписать всех провинившихся на него и пообещал сам всех отправить в Сибирь. Помещики с радостью приплатили благодетелю да и пе-

реписали на него крестьян. Баташев же переименовал один из районов поселка в «Сибирь» и заселил его мятежниками – по официальным бумагам, они были отправлены в Сибирь.

Еще об одной легенде до сих пор вспоминают с содроганием. В углу господского сада находилась «Башня смерти». Говорят, когда приезжал какой-то чинов-

ник с проверкой, Баташев приглашал его осмотреть башню. Ничего не подозревавший гость входил под мрачные своды, Баташев нажимал на тайную кнопку, пол переворачивался, и человек падал в глубокую яму. Нет человека – поминай как звали...

Прекрасной зарисовкой любви помещика к широким жестам может служить случай с сыном

Населенные пункты района приготовили «визитные карточки», представив мастерство своих умельцев

В каждом уголке Касимовского района берегут свою историю и очень гордятся земляками

Баташева – Андреем Андреевичем Большими (или Черным). Отец отправил отпрыска учиться за границу на год и дал с собой миллион рублей – на конец XVIII века это были колоссальные деньги. Сын за границей пробыл год, а когда приехал домой, вернулся отцу 800 тысяч. Отец вышел из себя и накричал на сына: Андрей Родионович был очень недоволен, что тот не смог показать, кто такие Баташевы. Баташев должен был потратить все!

От тех миллионов остались лишь воспоминания. От роскоши гостиной усадьбы – лишь руины... «В доме было сорок комнат. Центральная часть была в два света, то есть было два яруса окон – снаружи можно было подумать, что это третий этаж, но на самом деле это был еще ряд окон – так делали, чтобы было светлее», – рассказывает Александр Акиндинов. Правого крыла сейчас уже нет: оно обвалилось в советское время. Прямо из дома можно было перейти в здание театра. Театр здесь был построен, естественно, тоже с размахом – большое двухэтажное здание. А труппа у Баташевых играла такая, что даже из губернского города приезжали на здешние спектакли.

Перед стартом гусиного соревнования каждый желающий мог пообщаться с пернатыми бегунами

Праздник в Гусь-Железном не только веселый, но и вкусный!

АМУРНЫЕ АЛЛЕИ И СТРАШНЫЙ САД

Парк, окружавший дом, соответствовал амбициям хозяина – он раскинулся на 17 гектарах и делился на две части. На восток уходили оранжереи – одних лимонных деревьев здесь было более 70, а вообще всевозможных деревьев – персиковых, апельсиновых, абрикосовых – насчитывалось 640, цветов – более 1000 видов. За оранжереями находился пейзажный, или английский, парк. Вторая часть парка называлась французской. Центральная аллея на 300 шагов была, как и во многих усадьбах, липовой. От нее расходились четыре дополнительные аллеи. Липовая аллея упиралась в Амурную беседку, или Павильон любви, а в сторону от нее уходила Амурская аллея. Земля здесь не слишком плодородная, а потому, чтобы растения в парке росли нормально, помещик приказал снять верхние 2 метра грунта и заменить его на черноземы, привезенные из Тамбовской и Воронежской губерний. Конечно, и сад Баташева не обошелся без легенд. Английскую

часть парка народ прозвал «Страшным» или «Пантюшкиным садом». По преданию, там Баташев держал диких зверей и якобы травил провинившихся крепостных. В правдивости этой легенды Александр Акиндинов сомневается. «Тем не менее сохранилась история, как некий Пантелеев не угодил Андрею Родионовичу и барин приказал приковать его за руку – так, что тот касался земли только кончиками пальцев ног. У Пантелея была возлюбленная Грушенька. Она выпросила у садовника ножовку, перелезла через 6-метровую стену, – с долей иронии рассказывает Акиндинов, – перепилила кисть руки Пантелею, и влюбленные убежали. Больше их никто не видел, но с тех пор сад зовут Пантюшкиным». «Официально Андрей Родионович был женат три раза, причем все три супруги жили в одном доме. Как он женился, рассказывать не буду – это отдельная история. Скажу лишь, что потом это стало проблемой нашего поселка, – рассказывает Александр Акиндинов. – Почему в Выксе, куда уехал Иван Баташев, сохранились

Наряды, выдержаные в стиле прошлого, добавляли колорита празднику

Как в прошлом, так и сегодня мастера могут создавать из глины настоящие шедевры

и дом, и парк и город процветает? Там не было наследников и никто имущество не делил. А у Андрея Родионовича было чересчур много наследников – он был очень любвеобильным. К обилию наследников добавилась еще одна проблема: Андрей Баташев не оставил завещания. После его смерти осталось семь железоделательных и два стекольных завода, 15 тысяч крепостных, деревни... Состояние было огромнейшее, но наследники просаживали его в тяжбах. К 1900 году состояние оценивалось уже в 216 тысяч рублей – это все, что осталось от 6 миллионов».

О кончине помещика, конечно, тоже сохранилась легенда. Якобы в поместье был большой праздник, в котором Баташев не участвовал – он был прикован к постели. Вдруг к нему прибежали испуганные гости и сообщили, что от черной башни (той самой, в которой бесследно пропадали люди) к дому идет черный человек. Андрей Родионович сказал, что это смерть за ним пришла. Той же ночью он скончался...

Храм в готическом стиле поражает своим величием всех, кому доводится проезжать через Гусь-Железный

Салон в духе ушедшей эпохи стал еще одной изюминкой «Гусевских забав» – он помогал гостям проникнуться духом того времени

ГОТИКА В РАБОЧЕМ ПОСЕЛКЕ

Помимо усадьбы в Гусь-Железном есть еще одна достопримечательность – местный храм, поражающий масштабами и стилем. Правда, к Андрею Родионовичу он уже не имеет отношения, потому что строить его начали через три года после смерти помещика.

«Храм у нас уникальный. Высота его колокольни 70 метров, она входит в список самых высоких колоколен нашей страны, – не без гордости отмечает Александр Акиндинов. – Храм начал возводить Андрей Андреевич Большой. Но проект, скорее всего, был сделан еще при жизни Андрея Родионовича. По крайней мере, в масшта-

бах постройки угадывается его размах».

Этот шатрово-купольный храм с элементами псевдоготики весьма необычно смотрится в поселке городского типа. Одна из особенностей постройки в том, что у храма скромный фундамент – всего 5 метров. Как объясняет краевед, под храмом – большая песчаная подушка, а вообще, поселок находится на огромной известняковой плине. За счет этого сооружение достаточно устойчиво.

Храм выглядит белокаменным. На самом деле он сложен из кирпича и облицован белым камнем. Баташев был очень практичным человеком, а потому, прежде чем возводить железоделательный завод и усадьбу, поставил кирпичный завод. И все строил из собственного кирпича.

Заложили грандиозный храм в 1802-м, освятили в 1825-м, а завершилось строительство лишь в 1868 году – в это время железоделательный завод уже работал в долг. Все состояние Андрея Родионовича к этому времени было растрочено... Зато легенды и предания такая участь не постигла. Они навсегда останутся достоянием жителей поселка Гусь-Железный. «Нас часто спрашивают: «Вы из Гуся?» Получается, как будто кто-то вылез из гуся. Когда-то поселок именовался «Гусь-Веркут», потом «Гусь-Баташев», – объясняет краевед. – Почему Гусь? Это измененный топоним финно-угорского слова «кууси», дословно – «еловая река». Со временем «Кууси» стало «Гусем» – так и стали называть реку. Населенный пункт, который купили братья Баташевы в 1758 году, назывался «Веркут», то есть «медвежий угол». Получается, название нашего поселка дословно означает «еловая река, протекающая в месте, где живут медведи».

Но сегодня это место зовется «Гусь-Железный» – небольшой поселок с большой историей и изобилием сказок, легенд и преданий. ●

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В Бразилии Авраам, Татьяна, Трифена и Дисан в редкое от работы свободное время путешествовали по окрестностям. В России им об этом пока можно лишь мечтать

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ

[ФОТО АВТОРА И АВРААМА КАЛУГИНА]

БОЛЕЕ 250 ГЕКТАРОВ ЗЕМЛИ ВСПАХАЛА НЫНЧЕ В ПОСЕЛКЕ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ СЕМЬЯ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БРАЗИЛИИ КАЛУГИНЫХ. ЭТО ПЕРВЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЕЗОН АВРААМА И ТАТЬЯНЫ В РОССИИ ПОСЛЕ ПЕРЕЕЗДА – РЕШЕНИЕ ВЕРНУТЬСЯ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ НА РОДИНУ ПРЕДКОВ ВЫЗРЕВАЛО ДОЛГО.

Но сегодня на земле, полученной в безвозмездное пользование от государства, уже растут соя и кукуруза. Урожай в конце сезона Калугины планируют экспорттировать в Китай, а в будущем, если получится, наладить сбыт в Японию и Северную Корею.

КАЛУГИНЫ ИЗ КАЛУГИ

Аврааму почти 50 лет. Он родился и всю жизнь прожил в Центральной Бразилии, где занимался сельским хозяйством – продолжил дело, начатое его родителями. Те привили ему не только любовь к труду, но и почтение к далекой России, родине своих предков: в XX веке ты-

сячи старообрядцев покинули СССР из-за религиозных притеснений и расселились по всему свету.

«Предки мои из Центральной России – возможно, из Калуги, где и по сей день моих однофамильцев много», – рассказывает Авраам. И уточняет, что его деды, как и многие другие старообрядцы, вместе с «белыми

Старшие дети Авраама и Татьяны Калугиных давно вылетели из родительского гнезда, но там, в Бразилии, они находили время для совместных встреч

войсками» покидали страну через Урал и Приморский край, откуда потом перешли в Китай. А оттуда «рассыпались» по всему миру, добравшись в том числе до Австралии и Латинской Америки.

Похожую историю может рассказать и его жена Татьяна, в девичестве Рeutова. Ее предки, вероятно, происходили из подмосковного города Реутова... Деды и отцы родились в Китае, а Авраам и Татьяна – уже в Бразилии. Старославянскую грамоту постигали по богослужебным книгам, которые стали единственным источником знаний о былой жизни – не было у них русских букв. И даже сказки родители им читали, терпеливо переписанные с ветхого оригинала.

«РУССКИЙ – МОЙ ПЕРВЫЙ ЯЗЫК»

Хотя взрослел, учился трудиться и обзаводился семьей Авраам в штате Гояс в Центральной Бразилии, не оставляла его мысль о том, что Россия – родина не только его предков, но и его самого.

«Я до 10 лет только на русском разговаривал – это мой первый язык. И только потом стал португальский учить», – объясняет Авраам. Выговор у него немногого странноватый, непривычный, но красивый, придающий дополнительный колорит этому и без того интересному и яркому, уверенному в своих силах человеку.

А вот с историей страны своих предков и тем более с историей русского старообрядчества «бра-

Старообрядцы, чьи предки вынужденно оказались на чужбине, и через поколения сохраняли удивительное стремление к единению. На встречах обсуждали общие трудности и искали ответы на насущные вопросы

зильцы» и по сей день знакомы только поверхностно. «Мало знаем, честно сказать, – вздыхает Авраам и признается, что хотел бы глубже изучить историю России. – Для нас долгое время она была недоступной, но, как только мир открылся, благодаря Интернету мы стали что-то узнавать. Знаю, что многие старообрядцы мало интересуются своей историей, но я не такой. Объясняю это тем, что жил за пределами родной страны, поэтому сейчас тянусь к ней и ее великому прошлому».

«ПОСМОТРЕТЬ НЕВЕСТУ...»

Мысли о переезде в Россию стали посещать повзрослевшего Авраама довольно часто. И не только его: потомки староверов, расселившиеся по странам Латинской Америки, но поддерживающие между собой тесные связи, стали искать возможности вернуться туда, где никогда не были. Многих потянуло домой – в Россию.

Оказалось, не только Россия нужна им, но и они – России. Для возвращающихся старообрядцев здесь начала действовать программа по переселению соотечественников, весть о которой быстро облетела дальние страны. Одним из тех, кто решил перебраться в Россию и строить здесь свою дальневидную жизнь, оказался и Авраам Иванович с супругой Татьяной и детьми. И хотя он успел побывать и на Аляске, и в США, объехал своих единоверных братьев в Боливии и Уругвае, но все равно тянуло его именно в Россию. В итоге Калугин стал одним из восьми глав старообрядческих общин, которые в 2019 году получили гражданство России и паспорта из рук президента РФ Владимира Путина.

«Все началось 12 декабря 2017 года – именно тогда прошел первый круглый стол с представителями из Австралии, Боливии, Бразилии и Перу, в котором я участвовал вместе со своими братьями-старообрядцами, – вспоминает Авраам. – Нам задали главный вопрос: есть ли

Женская повседневная одежда у русских старообрядок в Бразилии все эти десятилетия на чужбине оставалась такой же, в какой их бабушки покидали Россию

у нас интерес вернуться в Россию? Я ответил, что разговаривать о свадьбе, не посмотрев невесту, невозможно. И мы попросили власти об устройстве ознакомительной поездки, чтобы увидеть то, что нас ждет, и узнать, чем принимающая сторона может нам помочь».

УВИДЕЛИ РОССИЮ

По России Калугин с женой проехали несколько раз. Начали с Дальнего Востока, где будущим переселенцам показали Владивосток, Хабаровск, Еврейскую автономную и Амурскую области. Затем они побывали сначала в Бурятии, а после в Карелии. За свой счет они слетали еще к знакомым в Оренбургскую область и на Алтай.

А мы познакомились в Екатеринбурге в ноябре 2019 года. Мы с Калугиным стояли на берегу Верх-Исетского пруда. Дул холодный, пронзительный ветер, вода готова была вот-вот подернуться первым льдом, а Авраам с Татьяной, поеживаясь от «гостеприимства» уральской погоды, рассказывали мне о плодородии бразильских земель на своей плантации и о готовности отказаться от них ради переезда в Россию. В те дни проходил их третий ознакомительный тур по стране – Калугины к тому времени уже обзавелись теплой одеждой, которой до этого отродясь не носили. Но на родине предков они увидели многое, что вселило в них уверенность в ближайшем будущем. Калугины решили, что Россия должна стать родиной их потомков.

«Когда мы увидели Россию, у нас появился интерес, мы были готовы разговаривать с властью, – говорит Авраам в тиши старообрядческого храма во имя Рождества Христова, где мы сидим, обсуждая не только их будущее, но и планы их латиноамериканских земляков. – Мы не просили, чтобы нам дали что-то готовое. Мы сказали: нам нужно, чтобы были возможности делать то, что мы умеем. Поэтому просили от 300 до 600 гектаров

Усадьба
Калугиных
в Центральной
Бразилии

земли на семью – это всем переселенцам позволит не только себя прокормить, но и производить продукцию на экспорт, зарабатывать и развивать территорию, которую мы выберем».

СОЗДАТЬ СВОЕ ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ

Калугины понимают, что придется придется много: у них дети, которых надо вырастить и выпустить в «самостоятельное плавание». Истории некоторых семей переселенцев-предшественников, которые в числе первых перебрались в Россию, но не смогли встать здесь на

ноги и уехали обратно, Аврааму известны. Он признается, что поначалу тоже боялся, что на новом месте у него ничего не получится. Но когда решение о переезде было принято, он твердо усвоил правило: полагаться надо не на власть, а на свои силы и на Бога. Авраам уверен: когда чиновники увидят личную инициативу переселенцев, то сами начнут помогать.

Еще во время своих поездок по России Авраам оценивал, где власти заинтересованы в их приезде, а где – не очень: в одном регионе с ними встречался лично губернатор, в другом

Климат в большинстве стран Латинской Америки позволяет собирать по несколько урожаев в год. Фермеры выращивают там ананасы, манго, цитрусовые и другие фрукты, некоторые россиянам даже не знакомы...

гом – только заместители губернатора. И, как говорит Авраам, «все сразу было понятно».

«Во Владивостоке власти открыто выразили свою заинтересованность в нашем приезде, мы рассказали свою историю, свой опыт, планы и желания, свои мысли о переселении, – объясняет он. Позже свои планы Авраам от лица сотен единомышленников повторил и во время официального приема у первого заместителя главы Администрации президента России Владимира Островенко. – Мы не хотим, чтобы нам что-то давали просто так, и должны понимать, что есть возможность что-то получить, если будем трудиться. Мы не ждем, что что-то упадет сверху и мы вдруг окажемся в этаком Царствии Небесном, его мы должны создавать сами».

После поездки Калугины вернулись в Бразилию к «своим». Рассказали, что трудности наверняка возникнут, что будет холодно, но если русские живут, то и бразильские старообрядцы, в чьих генах заложено все то же, что и у жителей России, справятся. «Россияне привыкли к зиме и любят ее, и я хочу такой образ жизни сделать своим, – уверяет Авраам. – Да, в Бразилии мы снимали по два урожая в год, но представьте себе: каждый день у нас было одно и то же – работа, работа, и конца-краю ей не видно, поэтому российский климат может нас немного успокоить, замедлить и даст возможность переключаться с сельского хозяйства на что-то другое. Нам, например, нужно время и на духовную пищу – чему-то учиться, и больше времени, чтобы благодарить Бога».

На полях русские бразильцы в промышленных масштабах выращивают фрукты, овощи и продукцию сельхозназначения. Этот опыт они попробуют перенести и в Россию

Арбузы для продажи бережно готовят на вывоз

ПОГУЛЯЛИ ПО МОСКВЕ И УЛЕТЕЛИ НА ВОСТОК

Авраам и Татьяна Калугины с младшим сыном, Дисаном, и дочерью Трифеной прилетели в Россию в мае 2021 года – они стали первыми переселенцами с начала пандемии коронавируса. Показали детям достопримечательности Москвы и через несколько дней отправились дальше. Во Владивостоке супруга и дочь в торжественной обстановке получили российские гражданство и паспорта, после чего выехали за 200 километров в Пограничный район Приморского края.

Село Жариково, которое Калугины выбрали для жизни, в конце XIX века основали старообрядцы. Здесь переселенцы XXI века купили небольшой дом с участком и получили то, что просили – 657 гектаров земли. Все прошлое лето обживались, улаживали вопросы с документами, готовили заявку на грант, благодаря которому перед Новым годом получили технику для занятых сельским хозяйством – сеялку, пару тракторов, уборочный комбайн, опрыскиватель, бороны. И хотя зимой много времени приходилось проводить дома, сложа руки не сидели. К концу Рождественского поста, к примеру, сделали коптильню – очень уж соскучились по мясу, которое регулярно готовили на своей бразильской ферме. А с началом весны тщательно обследовали «свои» земли и выбрали те, которые решили засевать в первую очередь. А всю территорию рассчитывают освоить к 2024 году – другого выхода у них нет: таковы условия полученного гранта.

После обустройства в России Авраам Калугин планирует вернуться в Бразилию. Сначала намеревался собрать домашнее имущество и контейнерами перевезти к месту новой жизни. Однако грузоперевозки в последнее время настолько подорожали, что выгоднее оказалось продать все вещи за океаном, а на вырученные средства купить все необходимое здесь. А вот свою

южноамериканскую плантацию он пока не продал – за ней следят родственники, поддерживают порядок в доме, помогают обрабатывать землю, заботятся об урожае. Мало ли что?

ВМЕСТО МАНГО – СВЕКЛА И МОРКОВЬ

Сочные манго, нежнейшие ананасы, спелые бананы, ароматные апельсины и кокосы, которые в обилии росли на их бразильской земле, теперь сменяли репа, свекла и морковь. Но Калугины ничуть не унывают, потому что не сомневаются, что и в России сумеют создать оазис и брать максимум от дальневосточной земли.

«Климат этой местности более всего подходит для выращивания сои и кукурузы, – рассказывает Авраам Иванович. Он говорит, что поначалу они думали «задержаться» на Урале, где «места красивые, но очень холодно». А в Бразилии температура опускается до нуля градусов только один раз в десять лет. – В окрестностях Екатеринбурга, в Перми, в поселке Шамары, где мы побывали, ни помидоры, ни арбузы в открытом поле не посадишь, кукуруза там полностью не выревает, соя не вырастает. Зато можно заняться пчеловодством, животноводством, травами, есть места, где можно форелевые хозяйства организовать – я об этом нашим землякам-бразильцам рассказывал на тот случай, если они не захотят на Дальний Восток лететь. А мы сюда приехали, потому что рынок сбыта привычной для нас продукции здесь ближе – на том же Урале я вижу хорошие перспективы для работы, но там и холоднее, и специфика труда будет своя».

ВЕРИТЬ В СЕБЯ

Побывав в разных частях страны, увидев заброшенные деревни в глубинке, у Авраама появилось желание развивать село, показывать прелести жизни вне городов. Говорит, что вспомнил своего прадеда Данилу Бестрову – тот через много лет эмиграции вернулся в любимую

А это уже Россия, «сурогий» Урал: в Екатеринбурге Калугины встретил отец Павел Зырянов, настоятель храма во имя Рождества Христова, и рассказал, как староверы обживали опорный край державы

Россию и, увидев, как изменилась родная страна за время его отсутствия под влиянием советской власти, вскоре умер.

«Очень жаль, что многие люди переезжают в города и деревни пустеют – я надеюсь, наш опыт земледелия пригодится в России, хотя мы и будем каплей в море на территории такой большой страны, – рассуждает Авраам. Он добавляет, что успел побывать со многими русскими и понял: они и умеют, и хотят работать, но почему-то не все верят в себя и в успех своего дела, а потому боятся и не ищут вдохновения. – В советские годы людей в России отучили быть предпринимателями, и многие до сих пор не научились работать на себя...».

Авраам не из таких. Он не опускает руки и даже о целине, которую ему предстоит возделывать, рассуждает оптимистично, как будто не боясь предстоящей работы. Тем более что рядом с ним такие же вдохновленные на успех люди. За последний год в Жарикове вместе с ними поселилась семья сына Авраама и еще одна, тоже перебравшаяся из Бразилии. А в 400 километрах живут братья Татьяны со своими семьями.

«Ну и что, что местами лес? – рассуждает Авраам, отвечая на вопрос о том, как Калугины будут поднимать землю. – Это не страшно, мы знаем, как работать. Для этого всего-то нужны два гусеничных трактора и пятидесятиметровая якорная цепь. Валим все, собираем дере-

во время поездок по России Авраам и Татьяна знакомились с местными старообрядцами, где было возможно, посещали церкви

В зимней
одежде на фоне
обледенелого
Верх-Исетского
пруда, где даже
в пуховиках
прохладно
от промозглого
ветра...

во в кучу и выжигаем – это можно сделать в первый год, потом тем же трактором все разобьем, останется ровное поле, которое затем начнем пахать и засаживать любыми культурами».

РАБОТА С УТРА ДО НОЧИ

Сегодня он наконец чувствует себя дома, на родине. И даже думает все чаще на русском, хотя иногда пока еще забывается и в разговоре переходит на порту-

гальский язык. Впрочем, подолгу говорить сейчас и времени-то нет – работы столько, что трудятся Калугины с утра до ночи. «Дом обустроили, но пока ни на что другое, кроме работы в полях, времени нет – за всходами надо додглядывать, чтобы росли хорошо, бороться с сорняком и разрабатывать оставшиеся земли – за три года мне нужно возделать 657 гектаров, которые нам предоставлены в безвозмездное пользование – таково условие гранта, – объясняет Авраам во время очередного сеанса связи. – Поэтому нет ни одного дня, когда бы я не вставал в пять утра и не ложился в одиннадцать вечера».

В этом году Авраам с семьейправляются своими силами, но уже осенью, когда, по их расчетам, появится первая прибыль, намерены нанять помощника. Тем более что через год они всерьез по-

...В Москве семья переселенцев оказалась в теплые майские дни. И уже вскоре Калугины вылетели на Дальний Восток

думывают начать строительство старообрядческой деревни и жить сообща с такими же переселенцами, которых с каждым годом становится все больше. Там, в Бразилии, у них все так и было: староверы молились в общей часовне, женились в основном на своих, продукты производили сами, стараясь избегать всего покупного, а наемные рабочие жили рядом – получали зарплату и трудились наравне с хозяевами земель. В мечтах у переселенцев – построить школу для своих детей, нанять педагогов –ательно своей же веры, чтобы те учили подрастающее поколение читать, писать и петь во время богослужения, рассказывали им историю России.

НЕПРИЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Свою поддержку переселенцам оказывает и предстоятель Русской православной старообрядческой церкви митрополит Корнилий. О проблемах и общем положении дел с переездом и обустройством вынужденных эмигрантов в России он рассказывает на встречах с президентом РФ Владимиром Путиным – глава государства лично следит за ситуацией с переселением старообрядцев из-за рубежа.

«На Дальний Восток из Латинской Америки уже переселено

В апреле 2022 года старообрядцы-переселенцы осмотрели предоставленную государством территорию и приступили к работе – за несколько лет им надо освоить более 600 гектаров земли в Приморском крае. Калугины не сомневаются, что у них все получится!

Конечно, домик в селе Жариково далек от комфорта бразильской фазенды, но Авраам не об этом думает. Он дал себе слово, что встанет на ноги в любимой России, и не намерен от этого отступать!

130 старообрядческих семей, 15 новых семей создалось, 30 детей уже родились у старообрядцев», – докладывал митрополит Корнилий на встрече с президентом в конце 2019 года. Он уточнял также, что процесс возвращения будет продолжаться и дальше, причем с каждым годом все интенсивнее – правда, только в том случае, если пример нынешних переселенцев окажется успешным. И это крайне важно: ведь в латиноамериканских странах проживает сегодня около 3 тысяч староверов, и многие готовы и хотят вернуться на родину предков. Президент поинтересовался у собеседника, как обживаются старообрядцы на новых местах, с какими трудностями сталкиваются. «Справляются с Божией

помощью, они люди непрятязательные – ничем им помогать не надо, лишь бы не мешали», – ответил предстоятель РПСЦ. А позже в интервью газете «Община» рассказал, что за рамками официального диалога предложил Владимиру Путину освободить молодых переселенцев от военной службы и заменить ее альтернативной – эта его идея, кстати, сразу же была поддержана.

Переселенцы рассчитывают на государственные гранты, предоставляемые под освоение территорий, на льготные кредиты для покупки оборудования или техники да на лояльность властей на местах. Взамен обещают трудиться и по мере сил развивать земли, которые хотят считать своими. ☺

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru